

Юбилейное издание посвящается
Стрельнинским немецким колонистам
и их потомкам

*Немецкая колония
в Стрельне
под Санкт-Петербургом*

Страницы истории XIX–XX веков

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2010

ББК 63.3(2)47–6
Н 501

Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX веков / сост. М.В. Левицкая. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2010. — 238 с.

В истории России немцы оставили заметный след, и о них написано много книг. Жизнь немецкой Стрельнинской колонии в XX веке недостаточно исследована. Тем ценнее воспоминания жителей колонии и потомков тех, кто ее создавал в начале XIX века. Эта книга посвящена драматическим событиям в жизни немецких семей, приехавших в Россию по приглашению императрицы Екатерины II и нашедших здесь свою вторую родину.

Несмотря на то, что в книге рассказывается о судьбах небольшой этнической группы граждан России, события, развернувшиеся перед читателем, касаются всех. Каждый должен помнить историю своей страны и чувствовать себя ответственным за сохранение общечеловеческих ценностей.

Повествование сборника основано на достоверных фактах, подтвержденных документами и фотоматериалами из семейных архивов.

Выражаем искреннюю благодарность авторам статей за предоставленные материалы.

Все права на данное издание принадлежат Санкт-Петербургскому обществу немецкой культуры. Воспроизведение материалов в любой форме возможно только с письменного разрешения правообладателя. Попытки нарушения будут преследоваться по закону РФ об авторском праве.

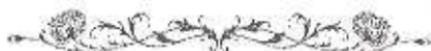
- © Левицкая М.В., составление, 2010
- © Санкт-Петербургское общество немецкой культуры, 2010
- © Фонд «Русско-немецкий Центр встреч при Петриширхе Санкт-Петербурга», 2010
- © Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2010

ISBN 978-5-7422-2581-2

Авторы благодарят за помощь:

*Министерство Иностранных Дел Германии,
Генеральное Консульство Германии в Санкт-Петербурге
и лично Генерального Консула господина Петера Шаллера,
Министерство Внутренних Дел Германии,
Общество по техническому сотрудничеству Германии,
Муниципальный Совет Муниципального образования
поселок Стрельна,
Фонд «Русско-немецкий Центр встреч при Петрикирхе
Санкт-Петербурга» и лично госпожу
Немкову Арину Александровну.*

Без этой поддержки издание книги «Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX—XX веков» было бы невозможно. Издание подготовлено Санкт-Петербургским обществом немецкой культуры.

ВВЕДЕНИЕ

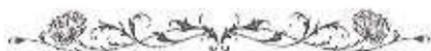
Память — это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновлять их резцом.

Джон Локк

18 ноября 2010 года исполняется 200 лет немецкой колонии в Стрельне. В начале столетия существования колонии под Санкт-Петербургом, в 1910 году, господином фон Гернстом был выпущен юбилейный листок на немецком и русском языках.

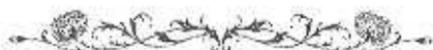
Для того чтобы ввести читателя в давние исторические события, текст этого издания приводится здесь полностью. Прошло еще 100 лет, и мы решили не нарушать традиции и подготовить к 200-летию юбилею ряд материалов по истории колонии и жизни немецких колонистов. К сожалению, люди рассеялись по свету и многих уже нет на земле, но в памяти у живущих хранятся рассказы старших поколений о прошлом колонии: и картинки счастливого детства, и трагедии, коснувшиеся практически каждой семьи. Мы обязаны рассказать о том, что помним сами или слышали от наших родителей и дедов, не только во имя сохранения памяти о прошлом наших родных, но и для наших ровесников и молодежи, равнодушной к истории своей страны. Из судеб отдельных людей складывается история всей страны.

В истории России немцы оставили заметный след. Каждый из нас может назвать не один десяток имен немцев — политиков, ученых, деятелей литературы и искусства XIX—XX веков. За последние 15—25 лет были раскрыты многочисленные белые пятна из истории российских немцев — факты и события, которые прежде замалчивались. История Петербурга и Ленинградской области особенно богата немецкими именами. В нашем городе издааны несколько книг, в кото-

рых есть упоминания о создании Стрельнинской немецкой колонии и жизни в ней. Однако, история жизни немецких колонистов Стрельны в XX веке нуждается в дополнительном освещении. В Санкт-Петербургском обществе немецкой культуры, созданном в 1990 году, работают несколько секций, среди них — секция потомков немецких колонистов Стрельны. Мы стремимся возрождать этническую самобытность наших предков — немцев в России, популяризировать их историческое и культурное наследие. Встречаясь с потомками немецких колонистов «Нойдорф—Стрельна», мы рассказываем о жизни в колонии, которая образовалась около двух веков назад, о счастливых и трудных годах жизни в России, где колонисты обрели вторую родину. Члены Общества проводят исторические изыскания в различных направлениях, связанных с жизнью и деятельностью немцев в Петербурге—Петрограде—Ленинграде и Ленинградской области, и в частности, в Стрельнинской немецкой колонии, где родились и жили наши отцы и деды. Фамилии, которые упоминались в Стрельнинской немецкой колонии в 1810 году, не исчезли и сегодня, а сохранились и у ныне здравствующих потомков, старшим из которых уже за 90 лет, и надо спешить (жизнь коротка, а история вечна). На этих страницах — не только уникальные материалы (живые, личные воспоминания) о судьбах конкретных немецких семей, но история огромной и прекрасной страны, пережившей за прошедшее столетие и светлые, и трагические годы.

К сожалению, в силу не зависящих от нас обстоятельств, потомки Стрельнинских немецких колонистов сегодня разбросаны по всему свету, а в прежнем названии «Стрельнинская немецкая колония» слово «немецкая» совсем исчезло.

100

1810

1910

Нѣмецкая колонія

СТРѢЛЬНА

— подѣ С.-Петербургомъ —

1810—1910.

ooo

Юбилейный листокъ

въ память

Столѣтія существованія
КОЛОНИИ.

Составилъ А. фонъ-Гернегъ.

Переводъ съ нѣмецкаго.

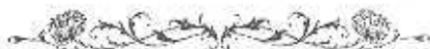
ОСНОВАНИЕ КОЛОНИИ*

Немецкая колония Стрельна обязана своим происхождением тому замечательному социально-политическому движению, которое — возбужденное и долго поощряемое правительством — дало России значительное немецкое земледельческое сословие.

Культурно отсталая Россия была вынуждена в течение столетий пользоваться услугами западноевропейских ученых, техников и ремесленников. Петр I начал привлекать эти элементы большими массами, и с того времени иммиграция приняла характер систематического явления.

Императрица Екатерина II — родом немецкая принцесса — пришла к мысли заселить огромные окраины своего неизмеримого царства земледельцами с запада, рассчитывая таким образом насадить культуру в этих пустынных областях. Именно эту цель преследовал манифест от 4 декабря 1762 года, которым южнорусские степи открывались для заселения западноевропейскими крестьянами. Этот манифест не дал, однако, желанных результатов, во-первых, потому, что не давал переселенцам никаких гарантий ни хозяйственного, ни духовного преуспеяния, во-вторых, потому, что в Европе еще со страхом смотрели на Россию как на варварскую страну. Тогда последовал манифест от 22 июля 1763 года, который и нужно рассматривать как акт, положивший начало немецкой иммиграции, и как основу всех прав и привилегий немецких колонистов в нашем отечестве. Этот манифест обеспечивал эмигрантам свободу и вероисповедание на вечные времена, освобождал их от налогов и податей на 30 лет и от исполнения воинской повинности, даровал беспроцентные ссуды на обзаведение хозяйством, обещал помощь на переселение, давал право самоуправления и свободу возвращения на родину. На этом манифесте основан закон о колонистах 1764 года.

* Немецкая колония Стрельна под Санкт-Петербургом. 1810—1910 гг. Юбилейный листок в память столетия существования колонии, составитель А. фон Гернет.

Манифест 22 июля 1763 достиг своей цели. С 1764 года до 1770 года в Россию хлынула большая волна переселенцев-крестьян из западной Европы, главным образом из различных частей Германии. Они были расселены по обоим берегам нижнего течения Волги, в теперешних Саратовской и Самарской губерниях, где было основано не менее 102 колоний, а также в губерниях Воронежской, Черниговской, Лифляндской и Санкт-Петербургской. В последней в 1765 году были основаны колонии: Луцк, Порхов и Франкфурт, близ Ямбурга; а в 1766 году — Новая Саратовка, Средняя Рогатка и Ижора, или Колпино, под Санкт-Петербургом. Эти шесть колоний называются «Старыми Петербургскими Колониями», в отличие от колоний, основанных позже, при Александре I, которые пользовались меньшими правами и известны под названием «новых колоний».

В 1772 году, вследствие войны с Турцией, иммиграция была временно запрещена, а в 1789 году разрешена вновь. Теперь проводилось заселение главным образом во вновь завоеванных областях по северному берегу Черного моря, в Новороссии.

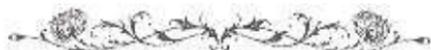
Иммиграция особенно возросла при императоре Александре I, начиная с 1804 года. Император сам чрезвычайно интересовался иммиграцией, благодаря которой во вновь завоеванных областях прививалась западноевропейская культура. Теперь иммиграция была урегулирована новым законом от 20 апреля 1804 года, который кое в чем уже отличался от законов 1763 и 1764 годов; так, например, переселенцы освобождались от податей только на 10 лет. При этом, кроме того, всегда с отдельными группами переселенцев заключался особый договор.

После 1804 года вновь возникали многочисленные немецкие земельские колонии в губерниях: Херсонской, Таврической, — а позже, — и в Бессарабской и Петербургской. В 1810 году была прекращена правительственная помощь переселенцам, а в 1819 году нашим посольствам было запрещено выдавать паспорта желающим иммигрировать в Россию. Этим была остановлена массовая иммиграция.

В период между 1804 и 1819 годами была основана и немецкая колония Стрельна. В 1808 году Император задумал заселить иностранными земледельцами обширную область между Ораниенбаумом и Красной Горкой. С помощью статского советника Анштедта в следующем году удалось побудить к переселению целый ряд немецких колонистов, которые обосновались в Иновлаце на реке Пилице, в Великом Герцогстве Варшавском, в теперешней Келецкой губернии, и были совершенно разорены во время военных смут. При втором разделе Польши в 1793 году эта область отошла к Пруссии, а в 1797 году той же участи подверглись и некоторые другие части Польши. Под владычеством Пруссии многие немецкие крестьяне, поддерживаемые прусским правительством, переселились в прусскую Польшу и положили здесь начало немецкому крестьянскому населению Польши. В 1807 году Наполеоном была отнята у Пруссии часть Польши, из которой было образовано великое Герцогство Варшавское, подчиненное власти саксонского короля. В 1804 году оно было расширено, а в 1815 году — уничтожено. В 1809 году около ста немецких семейств привезли из Польши в Санкт-Петербург. Первоначальный план заселения был оставлен, так как намеченные земли оказывались неподходящими для колонизации. Небольшая часть прибывших была поселена около Ораниенбаума, на землях, купленных правительством у г-жи Ключинской. Большая же часть переселенцев была направлена в финский приход.

Губаницы (Gubanitz) при нынешней станции Волосово Балт. Жел. дороги, поселена в так называемом «Изварском Обрезе». С переселенцами был заключен договор, в котором, между прочим, заключались следующие условия: колонисты на десять лет освобождаются от уплаты податей; правительство дает им безвозвратную ссуду, на переселение, продовольствие до ближайшего урожая и беспроцентную ссуду, с возвратом через 10 лет на постройку домов, покупку скота и

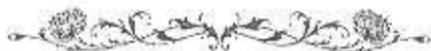
для устройства хозяйства вообще и, наконец, безвозвратную ссуду на постройку церкви, школы, на расчистку и устройство участка, отведенного под пасторат.

Основанная в 1809 году колония Извар, из которой впоследствии частью образовалась колония Стрельна, состояла из трех поселений: Большой, Средней и Нижней колонии.

Вскоре обнаружилось, что колония эта нежизнеспособна. Несмотря на крупные суммы, затраченные правительством на расчистку земли и устройство хозяйств, колония не развивалась, так как почва оказалась негодной. С другой стороны местность была богата строевым лесом и могла быть использована правительством более выгодным образом. В это время Великий Князь Константин Павлович выразил своему царственному брату желание переселить около 20 немецких крестьянских семейств в его имение Стрельну, где до того уже было поселено 8 семейств колонистов. 12 сентября 1811 года император Александр I приказал упразднить колонию Извар, часть колонистов переселить в имение Стрельну и Ропшу, а остальных — в Новороссию. Два года, проведенные колонистами в Изваре, не были им зачтены.

Весною 1812 года 20 семейств колонистов переселились из Извара в Стрельну. Они соединились с жившими здесь восемью семействами в общину. Тогда же началось окончательное земельное устройство. Более ранние колонисты, переселившиеся сюда, по всей вероятности одновременно с польскими колонистами, переселившимися в Извар еще в 1810 году, осели на владельческих землях Стрельны, недалеко от дворца, у дороги в Ропшу.

Первый ребенок родился здесь 18 ноября 1810 года. Таким образом, начало колонии Стрельны нужно отнести к 1810 году. Объединившаяся немецкая община получила по 35 десятин земли на семью, что составило в общем 980 десятин. Эта площадь состояла из двух больших соединенных между собою участков, из которых один, около 390 десятин, был выделен из владельческих земель Стрельны, второй,

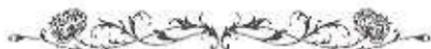
в 590 десятин, 14 декабря 1811 года был выделен из принадлежавшей к Стрельне Шунгуровской волости. На первом участке, который был заселен частью еще в 1810 году и получил название Нейдорф, поселилось 12 семейств; на втором, лежащем южнее, у дороги в Ропшу, получившем название Нейгаузен — 16 семейств. Для пастора в обеих колониях было выделено около 50 десятин.

Колонисты, переведенные из Извара в Ропшу, образовали там в 1812 году колонию Кипине или Кипень; а одновременно с первым поселением колонистов в Стрельне образовались колонии: Оранисенбаум, Петергоф и Знаменская.

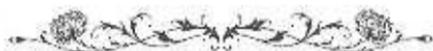
Правительственные субсидии, выданные колонистам Стрельны со времени переселения их в Извар, составляли в общем 180 403 руб. 94 коп. Тот факт, что на долю Нейдорфа досталась значительно меньшая сумма, чем на долю Нейгаузена, объясняется не только меньшим участком земли, но также и тем, что часть колонистов Нейдорфа, поселившаяся здесь еще в 1810 году, не участвовала в получении правительственной субсидии, выданной Изварским колонистам. Это видно уже из того, что по устройству хозяйства Нейдорф относится к Нейгаузену, как 3:11; а по постройке церкви и пастората — как 5:11. При этом нужно заметить, что часть домов и бревна для церкви были перевезены в Стрельну из Извара.

Великий Князь Константин Павлович будто бы подарил колонистам на устройство хозяйства по 200 руб. ассигнациями. Правовое отношение к нему колонистов было отношением наследственной аренды. Они платили ему ежегодно оброк в 2000 руб. ассигнациями, позднее, в переводе на серебро, 547 руб. 55 коп.

Стрельна, лежащая в 21 версте от Санкт-Петербурга по Балтийской железной дороге, в настоящее время — имение Великого Князя Дмитрия Константиновича. В 1711 году Петр Великий построил здесь дворец, подаренный в 1722 году Великой Княгине Елизавете. Позднее Стрельна снова перешла к императорскому дому.

Император Павел подарил ее своему сыну Константину. После смерти последнего, последовавшей 15 июня 1831 года, император Николай I отдал ее своему сыну Константину. От него, после смерти его 12 января 1892 года, она перешла по наследству к нынешнему Владельцу. В окрестностях дворца в XIX столетии образовалось местечко, а в новейшее время вырос здесь дачный поселок. Что касается современного состава колонии, то следует заметить, что она отнюдь не состоит исключительно из потомков переселенцев из Польши и Извара. Немалая часть ее происходит из так называемых старых петербургских колоний. Известна 21 фамилия колонистов, современных оснований колонии; при этом известно, что 10 из них прибыли из Германии через Польшу, пять происходит из старых петербургских колоний; происхождение остальных шести не установлено. Из Бадена происходят семейства: Лефлер, Бреннер и Феллер; из Саксонии: Цейтер, Флейг и Закман; из Пруссии: Браун и Бух; из Силезии — Людвиг; из Эльзаса — Шац. Далее — из Новой Саратовки — Штро; из Средней Рогатки — Эйдемюллер, Лерер и Гевейлер — из Ижоры: Крафт. Происхождение же семейств Киблер, Штамлер, Бергклее, Зелиг, Мориц и Рихтер — не установлено. По всей вероятности, и они происходят из Польши. В течение следующих 15 лет исчезли фамилии: Штамлер, Бергклее, Зелиг, Мориц и Рихтер, и прибыло 12 новых семейств, почти все из Старых колоний, а именно: из Новой Саратовки — Шеф, Штейнмюллер, Брейнер, Шефер, Паль и Герлеман; из Средней Рогатки — Аман и Вальтер; из Средней Рогатки и Ижоры — двое членов рода Шмидт и из Ижоры — Кун и Флейшман. Происхождение фамилии Менг не установлено. Из всех этих семейств в настоящее время поселены в Стрельне Лефлер, Бреннер, Закман, Браун, Людвиг, Шац, Штро, Эйдемюллер, Лерер, Гевейлер, Киблер, Штейнмюллер, Шефер, Герлеман, Аман, Шмидт, Кун и Менг. К ним присоединилась фамилия Краубнер.

РАЗВИТИЕ КОЛОНИИ

Колония Стрельна построена по дороге из Стрельны в Ропшу. Часть, расположенная ближе к имению Стрельны, и раньше называлась Нейдорф, а теперь в просторечии зовется обыкновенно Нижней деревней (Unterdorf), есть меньшая; первоначально в ней было всего 12 дворов. Большая часть, начинающаяся по ту сторону церкви, по-прежнему — Нейгаузен, нынче чаще всего называемая Верхней деревней (Oberdorf), при заселении состояла из 16 дворов. На запад границу колонии образует река Стрелка, вьющаяся по живописной долине. На восток земли колонии простираются за ручей Кикенка, текущий параллельно реке Стрелка. Колония тянется по Рошшинской дороге на расстояние четырех верст.

Земля, которую занимали колонисты, оставалась собственностью владельца Стрельны. Колонисты платили ему оброк, первоначально 2000 руб. ассигнациями, а в переводе на серебро 547 руб. 55 коп. Земля считалась состоящей во владении всего общества. Она была передана колонии в бесспорное, наследственное владение на вечные времена, но не в качестве личной собственности отдельных колонистов, а как общественное достояние всей колонии. Отдельный колонист не имел права без ведома и воли общества и правительства ни продать, ни уступить ни малейшей части отведенной ему и его потомству земли. Двор переходил обыкновенно к старшему сыну. Однако дозволялся, с согласия общества и властей, выдел и другим братьям, поскольку от этого не страдало хозяйство. Счастьем Петербургских колоний было то, что они не ввели у себя, как Приволжские колонии в 1816 году, общинного землевладения. Этот образ землевладения оказался роковым для Приволжских колоний.

Колонисты в Стрельне посвятили себя с самого начала исключительно земледелию. Большая часть земель отдельных дворов состояла из пашен, которые располагались главным образом около усадеб. Лугов — лишь незначительное количество; выгон и лес принадлежали всему обществу.

Дворы примыкают к дороге, которая шоссирована в 1834 году. Возле жилых домов находятся хозяйственные постройки. Вдоль дороги уже давно высажена красивая березовая аллея.

Уже со времен императрицы Екатерины II у нас существовало особое управление для иностранных колонистов. Когда была основана колония Стрельна, существовала при министерстве внутренних дел экспедиция государственного хозяйства, опекунства колонистов и сельского домоводства. Местное управление колоний было поручено особым инспекторам или смотрителям. Для колоний петербургской губернии был назначен Первый смотритель этих колоний со времени основания Стрельны, им был титулярный советник Пегелау, оказавший большую услугу устройству колонии Стрельна. Впоследствии особенно еще выдвинулось двое людей. Надворный советник фон-Штрик и подполковник фон-Мирбах. В 1838 году экспедиция государственного хозяйства и главное управление колоний перешло к новоучрежденному министерству государственных имуществ. В 1841 году должность петербургского инспектора была упразднена, его обязанности переданы петербургскому окружному начальнику государственных имуществ. В 1860 году попечение о петербургских колониях перешло к Петербургской палате государственных имуществ, и была учреждена должность особого инспектора. Для внутреннего управления установлено в каждой колонии сельское управление (Dorfsamt) с сельским старостой (шульц), двумя заседателями и по одному десятскому для каждого десяти дворов. Более важные вопросы решались на общем сходе.

Сельское управление заведовало административными делами колонии и имело в маловажных гражданских делах право посредничества; кто же не согласен был с решением сельского управления, тот апеллировал к инспектору; третью инстанцию составляла экспедиция при министерстве государственных имуществ и позднее Петербургская

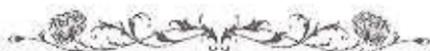
палата. Гражданские дела между колонистами, более серьезные, решала экспедиция, позднее палата. Гражданские дела между колонистами и другими лицами точно так же как и все уголовные дела, были подведомственны общим судам. Полицейские дела решались инспектором.

Первыми старостами (шульцами) Стрельны были: Мартин Шац (1812—1821), Готфрид Зелиг (1821—1824), Адам Лефлер (1824—1827), Филипп Флейшман 1828—1831 и Николай Шац (1831—1839). Им следовали Фридрих Аман, Адам Гевейлер, Петр Шмидт, Михаил Бреннер, Филип Флейшман, Карл Герлсман и Иоганн Краубнер. В последние 25 лет следующие лица занимали должность шульца: Адам Бреннер (1884—1890), Николай Шмидт (1890—1908) и Петр Эйдемоллер (с 1908).

При основании колонии Стрельны колонистов освободили не только от податей, но и от уплаты по займам правительства в продолжение 10 льготных лет, притом два года, в которые они были в колонии Извар, не были зачтены. Но при этом они должны были отбывать с самого начала следующие повинности: исправление дороги и мостов в их сельском округе, подворную и арстантскую повинности, содержание пожарной части в колонии и сохранение внутреннего порядка, чистоты и опрятности в селении.

По пониманию правительства, льготные годы Стрельнинских колонистов окончились 31 декабря 1820 года, причем годы 1809 и 1810, в которые часть колонистов жила в Изваре, не были им зачтены. Правительство забыло, что изварские колонисты переселились в Стрельну только в 1812 году.

В 1820 году министр внутренних дел сделал представление Государственному Совету о том, что 1 января 1821 года истекает срок пользования льготами по уплате податей колонистами Стрельны, Ораниенбаума, Петергофа и Знаменской и должно быть начато погашение казенной ссуды.

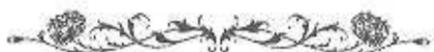

Государственный Совет присоединился к мнению министра, и император утвердил постановление высшего законодательного учреждения, причем соизволил повелеть при установлении размера платежей принимать во внимание имущественное положение колонистов. Дело перешло в Стрельнинское общинное собрание, которое высказало согласие вносить в погашение долга ежегодно по 40 руб. со двора. Позднее общинное собрание убедилось, что расчет времени, сделанный правительством, был неправилен. Колонисты сделали представление в министерство, но 12 марта 1822 года им было отказано.

Общий долг колонии правительству составлял 168 709 руб. 75 коп. ассигнациями и должен был быть погашен без начисления процентов сорокарублевыми взносами с каждого двора, в общей сумме по 1120 руб. в год. В 1863 году долг правительству равнялся 35 000 руб. серебром, а в настоящее время — 20 000 руб. Ежегодный взнос в настоящее время равняется 320 руб. 04 коп. серебром.

Что касается повинностей, уплата которых началась по истечении льготного времени в 1821 году, то нужно различать общие поземельные повинности, общинные сборы и казенные подати. Под общими повинностями нужно разуметь такие, которые колонисты отбывали наряду с другими жителями деревни, принадлежащими к податным сословиям, среди которых они жили. Общинные сборы вносились в пользу пастора, учителя и на общинное управление. Казенные подати в Стрельне взимались в пользу судебных установлений по 5 коп., на содержание путей сообщения по 9 коп. с мужской ревизской души, и, наконец, поземельный налог взимался в размере $57 \frac{1}{4}$ коп. с десятины.

Вследствие различных причин, главным образом вследствие того, что колонисты селились в разное время, возникало различие в размерах отдельных хозяйств Нейдорфа, частью в пользу колонистов Нейгаузена. Это неравенство было уничтожено переделом, произведенным в 1833—1834 годах, при чем Нейгаузен уступил $2 \frac{2}{3}$ десятин лесу и, кроме того, меньшим хозяйствам были отведены в общинных

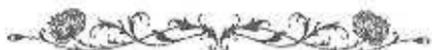
выгонах и лесах земельные участки с предназначением для обработки под пашню.

Как мы видели, первоначально колония Стрельна состояла из 28 дворов; но в принципе допускались разделы с разрешения общины и правительства, так как от этого не страдали отдельные хозяйства. Уже до 1860 года на основании этого постановления произошел раздел 16 дворов; в последующие годы были разделены и остальные 12 хозяйств. Таким образом, в настоящее время в Стрельне 56 дворов.

Разделы были возможны, с одной стороны, благодаря интенсивности и доходности хозяйства, с другой же стороны, потому, что колонисты превращали выгон в пашню. Отделившиеся сыновья строили свои дома и хозяйственные постройки на старых усадьбах.

Первоначально колония жила исключительно земледелием, и только в последнее десятилетие получает значительные доходы, сдавая свои дома — особенно в нижней части колонии, — под дачи. Возделывается главным образом картофель; хлеб производится только для собственного потребления. Благодаря близости столицы колонисты могут ввести на своих полях высшую культуру и продавать свои продукты по высоким ценам. В то время как русский крестьянин в окрестностях столицы, поскольку он ведет рациональное хозяйство, предпочитает возделывание овощей, немецкий колонист производит картофель, к возделыванию которого он когда-то был принуждаем со стороны правительства.

Начиная с 60-х годов прошлого столетия, правительство стремится уравнять в правовом отношении колонистов с русскими крестьянами. В 1864 году колонии были введены в общую систему земства; в 1866 году они были подчинены общекрестьянским учреждениям; в 1871 году были изданы особые правила организации колонии, по которым на них распространялось действие положения о крестьянах 1861 года, и только некоторые специальные положения, касающиеся главным образом имущественных прав, остались неизменными. В 1873 году с введением всеобщей воинской повинности была упразднена

также существовавшая до тех пор свобода колонистов от рекрутской повинности. Колонисты называются теперь «поселянами-собственниками». Колония Стрельна, принадлежавшая с 1871 до 1878 года к немецкой волости Стрельны, после уничтожения последней в 1878 году была присоединена к Шунгуровской, ныне Константиновской волости. Для дел, касающихся внутренних распоряжков жизни общины, оставлены были общинные учреждения со старостой (шульцем).

В 1863 году правительством, побуждаемым великим актом освобождения крестьян, был возбужден вопрос о выкупе колониями арендуемых ими земель удельного ведомства в Петербургской губернии, в том числе и в Стрельне. Инициатива принадлежала министру двора. Высочайше утвержденным 2 ноября 1863 года журналом Главного Комитета для устройства крестьянского сословия был разрешен выкуп земель в колониях Стрельна, Знаменская, Ораниенбауме, Средняя Рогатка, Кипень и в позднее возникшей Александринской колонии, однако лишь по добровольному соглашению с земельными собственниками, специально в Стрельне колонистов с Великим Князем Константином Николаевичем. Дело было передано на рассмотрение общинного собрания Стрельны. 21 января 1864 года собрание высказало согласие выкупить свою землю по цене 60 руб. за десятину и выдать на соответственную сумму обязательства. 7 марта 1864 года Великий Князь выразил свое согласие на предложение колонии о погашении долга при соответственном уменьшении оброка в течение 20 лет. Окончание дела оттянулось, и только 17 февраля 1870 года была заключена нотариальная купчая, утвержденная 11 декабря 1880 года старшим нотариусом при Санкт-Петербургском окружном суде. Представителем от колонии был колонист Петр Шмидт. Купчею постановлено было следующее: Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич продает колонистам колонии Стрельна принадлежащую ему землю, 978 дес. 270 кв. саж., расположенную в имении Его Высочества Стрельна, Петербургского уезда,

Санкт-Петербургской губ., и обозначенную на плане, выданном из межевой канцелярии. За эту землю Его Императорское Высочество получает от общества колонистов по 60 руб. за десятину, т. е. в общем 58 386 руб. 75 коп. Издержки по заключению купчей принимает на себя общество. Введение Стрельнинского общества во владение купленной им землей состоялось 23 марта 1881 года.

Таким образом, колония стала собственницей своей земли. Собственником является вся колония. Права отдельных колонистов ограничены, поскольку они связаны относительно права распоряжения своей землей и представительства своей недвижимой собственности.

Между 1890 и 1907 годами из земли колонии Стрельна выделено 13 мелких участков, в общем заключающих 8 дес. 455 кв. саж., из них 2 дес. 2298 кв. саж. продано евангелической больнице «Вифезда» и одна дес. евангелическому обществу защиты женщины для убежища св. Магдалины.

Получается впечатление, что с приобретением колонистами в собственность своей земли проявились таившиеся в колонии до сих пор силы. С половины 70-х годов прошлого столетия благодаря инициативе деятельных колонистов возник целый ряд учреждений, поднявших колонию высоко над уровнем окружающих ее финских деревень.

В 1875 году в Стрельне учреждена ссудо-сберегательная касса для колонии Стрельна, колоний, расположенных по берегу моря, для колонии Кипень, для имения Стрельна с окрестностями и для Новосаратовской волости. Устав кассы утвержден 24 окт. 1875 года. Деятельность кассы началась 4 января 1876 года. Число членов в настоящее время 475. 31 декабря 1909 года баланс кассы равнялся 73 188 руб. 96 коп. 7 февраля 1898 года в колонии Стрельна организован любительский оркестр. В настоящее время оркестр насчитывает 18 членов, и три раза имел честь играть в присутствии Его Величества. 20 сентября 1901 года была основана Стрельнинская похоронная касса и 29 июня 1900 года — вольное пожарное общество, насчитывающее 18 членов.

Все эти учреждения свидетельствуют о развитии в колонии самодельности; также они гарантируют дальнейшее преуспевание Стрельны.

Число жителей колонии достигает ныне 640 человек.

ЦЕРКОВЬ, ПРИХОД И ШКОЛА

Колонистов в Изваре обслуживал оберпастор в Губаницах Георг Иоганн Штрольман, который состоял там священником с 1795 по 1829 год, тогда как духовное попечение о более ранних поселенцах Стрельны принял на себя в 1810 году пастор финского прихода Тирис из Мартышкино, под Ораниенбаумом. Эрих Вильгельм Делин служил в этом приходе с 1808 по 1817 годы. Когда переселенцы из Извара переселились в 1812 году в Стрельну, правительство решило согласно его обещанию построить в Стрельне церковь и назначить туда пастора, для которого было отведено около 50 десятин в Нейдорфе и в Нейгаузене. Высочайшим Указом от 6 октября 1812 года министру внутренних дел было повелено выдать из средств казны пастору, назначенному в Стрельну для колонистов Стрельны, Кипени, Петергофа, Знаменской, Ораниенбаума и Кропштадта содержание в 800 рублей ассигнациями до тех пор, пока колонисты не будут в состоянии сами содержать пастора. Так как церковь и приход были основаны правительством и казна платила жалование пастору, то приход считался коронным и пастора назначало правительство. Когда же в 1837 году, как мы увидим дальше, общине пришлось взять на себя содержание пастора, она получила также и право выбора; однако избранный пастор утверждался министром внутренних дел на общем основании относительно коронных приходов; в 1904 году право утверждения перешло к губернатору.

Уже в 1812 году казна приступила к постройке церкви в Стрельне. Для этого были использованы бревна из старой церкви в Изваре.

Церковь была построена в живописном месте, на высоком берегу Стрелки, в верхнем конце Нейдорфа. Церковь имела 5 сажень в длину, 4 сажени в ширину и была поставлена на ростверк; при ней была паперть, маленькая ризница и башня. Освящение состоялось 10 ноября 1812 года, причем церковь была названа именем св. Петра и Павла. При освящении присутствовал министр внутренних дел Козодавлев со свитой. Цесаревич Константин Павлович находился тогда на театре военных действий. На память об этом торжестве в церкви установлена памятная доска, на которой, однако, год освящения обозначен неверно. Надпись на доске гласит: «Сей храм во имя св. Апостолов Петра и Павла для новопоселенных здесь колонистов по Высочайшему Государя Императора АЛЕКСАНДРА I повелению, сооружен в 1813 году на счет казны, от щедрот же Его Императорского Высочества Государя Цесаревича Великого Князя Константина Павловича снабжен священными сосудами и церковною для причта землею достаточно. Освящен по обряду Евангелического — Лютеранского исповедания того же года ноября в 10-й день в присутствии Министра Внутренних Дел Тайного Советника и Кавалера Осипа Петровича Козодавлева, коего особенным ходатайством и попечением как колония, так и храм сей устроены.»

Великим Князем Константином Павловичем пожертвованы в церковь следующие предметы:

1. Базельская библия in folio в серебряном окладе, 1644 года, она лежит ныне на алтаре.

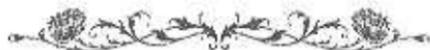
2. Книга песнопений и нот из герцогства Ольденбургского.

3. Серебряный, вызолоченный внутри сосуд с диском, сосуд для облаток и золоченая чаша для вина.

4. 2 больших посеребренных медных подсвечника для алтаря.

5. Облачения из голубого атласа на алтарь и кафедру и пелены для сосудов и для крещения.

6. Белое муслиновое с кружевами покрывало для алтаря и покрывало от пыли и пр.

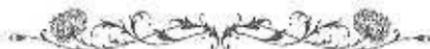

Министр пожертвовал в церковь библию, изданную в Галле, а казна — 4 масляных картины в золоченых рамах. Воскресение Христова и Тайная Вечера — над алтарем и изображение Апостолов Петра и Павла — вне алтаря. Община приобрела на собственные средства позитив, а в 1814 году — маленький церковный колокол. Позитив был заменен в 1829 году органом в 5 регистров, а маленький колокол в 1831 году — значительно большим, который был пожертвован бароном Клоссен.

После освящения церкви св. Петра и Павла правительство назначило пастором в Стрельну пастора Вильгельма Неймана. Последний был введен в должность 9 февраля 1813 года. Пастор Нейман покинул приход уже в декабре 1813 года, вследствие чего приход оставался вакантным почти целый год. В это время исполнял обязанности пастора д-р Фридрих Шортманн. 25 октября 1814 года был введен в должность пастора при церкви св. Петра и Павла Фридрих Ганнеманн-Гертнер. Он оставался в Стрельне до августа 1821 года.

За время служения пастора Ганнеманна в 1818 году казна, согласно своему обещанию, построила пасторат и хозяйственные постройки при нем, но не посредине колонии, а в полуверсте от нее по направлению к дворцу и в 2 верстах от церкви. Одновременно казною был достроен дом для школы при дороге вблизи церкви. Но сама школа существовала уже в 1813 году, так как в этом году состоял здесь учитель Матвей Вернер. Учитель был вместе и кистером и органистом и писарем сельского правления. Наконец, община уже при ее поселении открыла кладбище.

Для основания прихода Великим Князем было отведено около 50 десятин. Из этой земли 20 десятин уже заранее были назначены для школы. Это так называемый «Kantorland». Здесь является отчетливо выраженная тесная связь между церковью и школой в евангелических общинах. Школьная земля не обрабатывается учителем, а отдается в аренду общине. Эти отношения существуют и поныне.

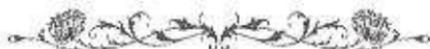

В исходе двадцатых годов по инициативе инспектора фон Штрик школа была преобразована по образцу так называемой английской школы в Санкт-Петербурге — ныне школа для детей бедных родителей иностранных исповеданий — и было введено взаимное обучение по ланкастерскому методу. По этому методу хорошо успевающие ученики обучают слабых под присмотром работающих по призванию учителей, благодаря чему становится возможным обслуживать должным образом даже сильно переполненные классы. Этот метод не оправдал надежд, и от него отказались как в Петербурге, так и в Стрельне.

В 1821 году пастор Ганнеманн покинул Стрельну. Тогда приморские колонии обратились к правительству с просьбой отделить их от Стрельны и присоединить к более близкой дворцовой церкви в Орансенбауме, которая уже обслуживала их раньше. Правительство разрешило это, и Высочайше утвержденным 23 августа 1821 года постановлением Комитета Министров было поставлено платить из средств на содержание церкви в Стрельне, которую общины Стрельны, Кипени и Знаменской одни не в состоянии содержать, ежегодно 180 руб. ассигнациями.

По уходе пастора Ганнеманна Стрельнинский приход почти два года оставался вакантным, и обслуживался пастором дворцовой церкви Орансенбаума Андреем Шнелл, который служил там с 1797 по 1845 годы. 23 мая 1823 года был назначен пастором в Стрельну пастор Эрих Финшер. Он состоял пастором 49 лет и умер 15 июля 1872 года.

В 1836 году правительство решило со следующего года прекратить уплату пасторского жалования, так как колонии, по мнению правительства, достаточно окрепли. Однако колонии Стрельна, Кипень, Знаменская и возникшая позднее колония Александрия, близ Петергофа, заявили, что одни они не в состоянии на свои средства содержать пастора, и поэтому в 1836 году Петергофская, Орансенбаумская и Кронштадтская колонии были снова присоединены к Стрельне.

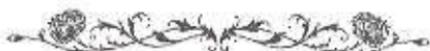
С тех пор община платит жалованье пастору в размере 217 руб. серебром, кроме дров и овса на одну лошадь. Здесь следует заметить, что управление церковными делами исстари было поручено церковным старостам, которых до 1824 года в Стрельне выбирали трех, а потом двух и одного в Кипени. В 1832 году пастор был также привлечен в церковное управление, и теперь он состоит церковным попечителем.

Имена церковных старост следующие: Адам Лефлер (1812—1816), Яков Браун (1812—1824), Готфрид Зелиг (1812—1824), Конрад Феллер (1821—1824), Карл Герлеман (1824—1845), Филипп Эйдемуллер (1824—1843), Адам Лефлер (1845—1847), Филипп Шефер (1845—1853), Адам Эйдемуллер (1848—1876), Адам Гевейлер (1853—1859), Иоган Краубнер (1859—1864), Карл Герлеман (1864—1866), Фридрих Кун (1867—1885), Адам Бреннер (1876—1880), Иоган Краубнер (1885—1897), Фридрих Эйдемуллер (1885—1897), Филипп Шмидт (1897—1903), Адам Бреннер (с 1897) и Петр Эйдемуллер (с 1903).

Порядок пасторского служения с самого начала был установлен такой: два воскресенья подряд пастор служит в церкви св. Петра и Павла, а в третье воскресенье — в молитвенном зале церковной школы в Кипени.

Уже в 1856 году при осмотре Стрельнинской церкви выяснилась потребность в постройке нового здания, так как старое осело и опустилось. К тому же оно стало тесно для сильно выросшей общины. В 1858 году состоялось единогласное постановление общества построить новую церковь. Однако до новой постройки было еще далеко. В 1863 году один архитектор уже высказал мнение, что церковь не больше 3 лет может еще служить для совершения богослужения, но она простояла еще 11 лет.

Тем временем в приходе произошли большие изменения. 15 июля 1872 года умер достопочтенный пастор Эрих Финнер. Только 15 сентября следующего года был утвержден министерством его преемник,

пастор Адольф Локенберг, до тех пор бывший пастором в Бергдорфе, Херсонской губ. 23 октября того же года он был введен в должность. Петергофская, Ораниенбаумская, Кронштадтская, Знаменская колонии и колония Александрия по их просьбе были отделены от Стрельны и присоединены к значительно ближе находящемуся Петергофскому приходу, основанному в 1849 году. Пастор Локенберг покинул Стрельну в 1892 году, перейдя в Одессу. На его место был избран пастор из Гагерса в Эстляндии, Август Гершельман, который и был введен в должность 27 декабря 1892 года. В ноябре 1897 года и он оставил Стрельну, будучи избран пастором в Гапсаль. Его преемником стал пастор Христоф Вильгельм Беерманн, бывший до того времени адъютантом Закавказского дивизионного и Тифлисского городского пастора. Он был введен в должность 26 декабря 1897 года. С 1873 года, пасторы Стрельны служат также придворными при дворцовой церкви Ораниенбаума, принадлежащей Герцогам Мекленбургским.

Возвратимся, однако, к постройке церкви. С начала 1871 года начались сборы средств на новую постройку, община также приняла на себя с этою целью очень значительные обязательные платежи. В 1874 году старая церковь была снесена, и 18 августа этого года состоялась закладка расположенной на том же самом месте новой, красивой церкви, причем в фундамент был заложен камень с памятной надписью. Для этой постройки вспомогательная касса дала ссуду в 2000 руб. и подарок в 200 руб. Постройкою заведовали пастор Локенберг и церковные старосты А. Эйдемуллер и Ф. Кун. Постройка продолжалась один год и обошлась в 10 453 руб. 47 коп. 28 августа 1875 года состоялось освящение новой церкви св. Петра и Павла. Церковь снабжена органом в 8 регистров работы Зауера во Франкфурте и украшена на престольном образом, представляющим Пресобращение Господне, подаренным г. Экертом. На поле под на престольным образом в 1909 году помещено маленькое изображение Тайной

Вечери, подаренное г. Бадером. Наконец, колонист Иоган Михаил Бреннер, во исполнение воли его отца Георга Миханла Бреннера, обнес всю церковную площадь литой чугунной решеткой.

Постройка церкви служила побуждением к дальнейшей строительной деятельности общины. В 1889 году она с помощью вспомогательной кассы, ссудившей 3000 руб., произвела капитальный ремонт старого ветхого пастората. В 1896 году по инициативе шульца Н. Шмидта построен новый поместительный школьный дом. А в 1905 году благодаря большому усердию прихожан собрали еще 3500 руб., чтобы пристроить к новой школе каменный дом для учительского персонала. Наконец, весной 1910 года, ввиду столетнего юбилея колонии, община постановила ассигновать 1200 руб. и на такую же сумму добавить лесу для надстройки на учительском доме второго этажа, где будет учреждена школа для детей самого младшего возраста. Приходская школа в Стрельне имеет 5 отделений и более 100 учеников и учениц. Это большей частью дети колонистов. При ней состоят один учитель, который служит одновременно и кистером, и одна учительница русского языка. В 1906 году был учрежден школьный совет с целью более тесного сближения семьи со школой; этому совету было передано также право выбора учителей. Впоследствии Петергофское земство горячо рекомендовало и остальным волостям уезда основывать школьные советы по образцу Стрельнинского. В декабре 1908 года община решила передать свою школу Петергофскому уездному земству: земство оплачивает учителей, ремонтирует школьные здания и обеспечивает пенсией учащимся; заведование хозяйственными делами оставлено школьному совету.

Первыми известными нам учителями были М. Вернер, потом Г. Мазинг, А. Шперер и К. Бризмейстер. В последние 50 лет Стрельна имела следующих учителей, которые обучали нынешние поколения: Эрниц (до 1864 года), Фурманн (1864—1898),

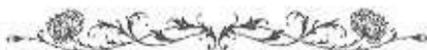
Кислинг (1898—1902), Бернарделли (1903—1905), Флор (1905), Узинг (1906—1907), Вейдеман (с 1907).

В течение последнего полувека пасторская и школьная земли в Стрельне испытали немаловажные изменения. В 1854 году барон Штиглиц начал постройку железной дороги Петербург — Ораниенбаум. Для этой цели были отчуждены $2\frac{5}{6}$ десятин земли пастората. Покупная цена составила 5350 руб., и пастор пользуется процентами с этого капитала. В 1876 году около 10 десятин земли пастората было продано за 4973 руб. тайному советнику Е. Ламанскому, владельцу прилегающего к Верхней деревне имения «Беззаботное». Процентами с этого капитала также пользуется пастор. В 1909 году теперешнему владельцу имения «Беззаботное» Великому Князю Николаю Николаевичу было продано за 1000 руб. 500 кв. сажень школьной земли.

В настоящее время община ведет переговоры с Его Императорским Высочеством о продаже ему еще 6 десятин школьной земли.

В заключение из жизни церковной общины в Стрельне может быть отмечено, что с 1880 году при церкви имеется касса для украшения церкви, с 1892 году — касса для постройки колокольни и с 1900 года — касса для бедных. Также положено начало общественной библиотеки.

Приход Стрельна насчитывает около 1150 прихожан. Из этого числа на колонию Стрельна приходится около 650, на колонию Кипень свыше 300, на город Ораниенбаум около 30 и около 170 человек на два находящиеся в Стрельне благотворительных учреждения — Вифезду и Убежище св. Магдалины, о которых ниже придется говорить пространнее. Следовательно, Стрельна принадлежит к самым малолюдным евангелическим приходам в государстве. Если не считать 4 домовых церквей в Петербурге и двух маленьких приходов Лигово и св. Лазаря в Ямбурге, не имеющих собственных пасторов, то приход Стрельна занимает по числу душ шестое с конца место в округе Петербургской консистории.

ВИФЕЗДА И УБЕЖИЩЕ св. МАГДАЛИНЫ

Близость Стрельны к столице, ее положение при железной дороге, благоприятные климатические условия и не в последнем счете возможность организации духовного попечения — все эти условия явились причиной того, что Петербургское евангелическое общество перенесло в Стрельну два содержимых им больших благотворительных учреждения: Вифезду и убежище св. Магдалины.

В 1886 году пастор при церкви св. Петра Г. фон Кейслер и тогдашняя начальница евангелического убежища Иммануила для детей эпилептиков и идиотов в Удельной г-жа А. фон Басевиц основали на частной квартире в Удельной богадельне «Вифезда», которая и находилась под руководством г-жи Басевиц. 1 Мая 1891 года эта богадельня получила утвержденный устав; этим она приняла характер общественного учреждения и в том же году была переведена в Стрельну. В 1890 году для этого учреждения был куплен у колонии клочок земли в 1 десятину, к которому впоследствии было прикуплено еще $3\frac{1}{4}$ десятины и 2 десятины заарендовано.

На купленной земле, возле шоссе против школы, было воздвигнуто прекрасное двухэтажное здание, которое и было освящено 22 октября 1892 года. В 1897 году был построен второй большой дом, служащий изоляционной станцией. Эти постройки окружает прекрасно содержимый сад. Назначением больницы «Вифезда» является призрение калек, хронических и неизлечимых больных и неспособных к труду всех возрастов женского пола и евангелического исповедания. К этим задачам присоединилось в последнее время воспитание бедных детей. В настоящее время в учреждении находится 65 взрослых и 85 детей. Попечение о больных и воспитание детей находится в руках диаконисс, которым в 1907 году предоставлены установленные законом права сестер милосердия и которые образуют самостоятельную общину сестер. С тех пор, как больница находится в Стрельне,

ее обслуживает стрельнинский пастор. Начальницей ее и теперь еще состоит высоко заслуженная Л. фон Басевиц.

Начало убежища св. Магдалины сходно с происхождением «Вифезды», но относится к более давнему времени. В 1863 году по инициативе пастора эстонско-немецкой церкви св. Иоанна, Корнелия Лаланда, и его супруги Августы, урожденной Фрезе, в Петербурге образовалось дамское общество для основания дома защиты и спасения падших и находящихся в нравственном отношении в опасности девушек и женщин. Это общество в 1864 году открыло убежище св. Магдалины, которое до 1902 года помещалось в различных частных квартирах столицы. В 1902 году убежище было переведено в Стрельну, в частный дом. Однако уже в 1908 г. по одной из боковых дорог по ту сторону церкви, на берегу Стрелки, построено для убежища двухэтажное здание, которое было освящено 22 октября 1908 года. В убежище св. Магдалины служат диакониссы из «Вифезды». Духовное попечение поручено равным образом местному пастору. Число опекаемых колеблется между 30 и 40. Общество, содержащее это убежище, в 1903 году утверждено правительством под названием «Евангелического общества защиты женщины» и теперь на основании устава имеет право на широкое распространение своей деятельности на пользу женщин вообще.

На этом юбилейный листок, посвященный столетию существования немецкой колонии в Стрельне, заканчивается. Далее мы предлагаем читателю рассказы членов Санкт-Петербургского общества немецкой культуры об истории своих семей, проживавших в Стрельне и Петербурге, их вере и традициях.

ИЗ ИСТОРИИ ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ

По своему вероисповеданию жители Стрельнинской немецкой колонии были лютеране. Как известно, большинство немцев исповедуют две религии: католицизм и лютеранство, последнее является частью протестантизма.

Протестантское направление христианства возникло в ходе широкого общественно-религиозного движения в Европе XVI века. Появление этого самого молодого христианского учения связано с поисками новых рациональных форм благочестия, объединенных пониманием мирской деятельности как особой формы служения Богу.

Началом реформации считается 31 октября 1517 года (т. е. 488 лет насчитывает эта самая молодая христианская религия). Именно в этот день немецкий профессор богословия Виттенбергского университета, августинский монах Мартин Лютер (1483—1546), выступил против католического догмата об искуплении грехов уже совершенных и несовершенных, но возможных, путем торговли индульгенциями, содержащими прощение от имени церкви. Весь доход от их продажи поступал в пользу церкви, являясь мощным средством обогащения католического духовенства.

В католических церквях возникла нездоровая атмосфера: богослужение велось на латинском языке, многие верующие его не понимали, алтарь от верующих был отгорожен перегородкой, престиж церкви был очень низким.

Как известно, у каждой эпохи свое бытие, свое отношение к истории и религии. Известный германский поэт Мурнер в своих стихах описывает разнузданность церкви того времени.

Известно его стихотворение «Сатана-настоятель», где описываются нравы церкви начала XVI века, еще до вступления Лютера.

На свете есть одна страна,
Где службу служит Сатана.
Он настоятель непростой —
Он прочь отринул Крест Святой
И выкинул бесценные
Писания Священные.

Священник — он мертвецки пьян.
И кто, покуда не ослеп,
В монастырях узрит вертеп.
И нищих подаянья
Идут на злодеянье.

Грошами бедняков полна
Звенит церковная мошна.
Забьгты паствы и приход,
Но поднимается народ.

И лютые проклятья
Уже разносят братья,
И будет им награда —
Позор и муки Ада.

В такой обстановке Лютер — профессор и ученый — пишет на латинском языке свои знаменитые тезисы, которые состоят из девяноста пяти положений. В них он резко осуждает продажу индульгенций и разрабатывает основные догмы.

Главная и основная догматическая особенность связана с концепцией «Об оправдании одной только верою». Это означает, что непосредственная связь каждого христианина с Богом достигается путем личной веры в искупительную веру Иисуса Христа.

Получая, таким образом, все благодатные дары Святого Духа, христианин, согласно протестантскому учению, для спасения не нуждается в посредничестве между собой и Богом, т. е. отсутствуют святые. Отсюда понимание церкви как сообщества «оправданных верой» людей, равных между собой и наделенных благодатью.

Von Gottes Gnaden

Nir Katharina die Zweyte,
Kaiserin und Selbstherrscherin aller Rußsen,
zu Moskau, Kiow, Wladimir, Rowgorod, Zaarin zu Kasan,
Zaarin zu Astrachan, Zaarin zu Sibirien, Frau zu Pleskau und Groß-
fürstin zu Smolensko, Fürstin zu Esthland und Liefland, Lathen, Ewer,
Jugorien, Permien, Biattka, Bolyarien und mehr andern; Frau und
Großfürstin zu Newgorod des Niedrigen Landes, zu Tchernigow, Mes-
san, Kostow, Jaroslaw, Belosserien, Uborien, Obdorien, Kambinien,
und der ganzen Nord-Weite Gebietern und Frau des Westrussischen Lan-
des, der Kartalinischen und Grusnischen Zaaren und des Kabardinischen
Landes, der Tschetwischen und Gorißchen Fürsten und mehr aus-
dem Erb- und Weherrscherin.

Uns der weitläufigen der Länder Unseres Reiches zur Belege bekannt; so neh-
men Wir unter andern wahr, daß kein geringe Zahl solcher Gegenden noch
unbebauet liegt, die mit vortheilhafter Besessensweise zur Bevölkerung und
Verzehung des menschlichen Geschlechtes vortreflich Nuzen angewendet
werden, von welchen die meisten Ländereien zu ihrem Besitze durch un-
schätzliches Reichthum an allerlei kostbaren Erzen und Mineralien versehen kö-
nfen; und well solche mit Holzungen, Flüssen, Seen und zur Handlung geeigneten Wäldern ganze
sam versehen, so sind sie auch allgemein bequemer zur Beförderung und Verzehung vielerley Pro-
duktorum Früchten und zu verschiedenen andern Nuzen. Darzu gab Uns Unserer per Erche-
lung der Monarchen, in zum Nutzen aller Unserer getreuen Unterthanen den 4ten December des
abgegangenen 1753ten Jahres publicirt wurde. Jedoch, da Wir so selbigen dems Vorhaben,
die Verlangt tragen werden sich in Unserem Reichthum nicht anders, als in dem
nur humanisch angeknüpft; so befohlen Wir zur besten Erleichterung desselben folgende
Verordnungen, welche Ihr denn aufz feuerliche zum Grunde legen, und in Erfüllung zu se-
hen geborn, jederzeit möglich durch zu machen.

1.

Verstatten Wir allen Ausländern in Unser Reich zu kommen, um sich in allen Con-
traementen, wo es ihnen schon gefällig, handlung niederzulassen.

2.

Dergleichen Fremde können sich nach ihrer Ankunft nicht nur in Unserer Residenz bei
der zu selbigen Ende für die Ausländer besonders erdichteten Tzint-Campney, sondern auch in den
andereiligen Groß- und Kleinstädtern Unseres Reiches nach eines jeden Verwünschten bei denen Vorneh-
men, oder, wo dergleichen nicht vorhanden, bey den vornehmsten Erathen Befehlshabern anstellen.

3.

Da unter denen sich in Rußland niederzulassen Verlangt tragenden Ausländern sich
auch solche finden werden, die nicht Vermögen genug zu Befreyung der erforderlichen Nuzen
kosten besitzen; so können sich dergleichen bey Unseren Ministern und Residenten an auszuwe-
gen Höfen melden, welche sie nicht nur auf Unserer Kosten ohne Rußland nach Rußland füh-
ren, sondern auch mit Kostgeld versehen sollen.

4.

So bald dergleichen Ausländer in Unserer Residenz angelanget und sich bey der
Tzint-Campney oder auch in einer andern Stadt gemeldet haben werden; so sollen dieselben
gehalten sein, ihren wahren Aufenthalt zu erklaren, wenn nemlich ihre eigentlichen Verlangt
besteht, und ob sie sich unter die Kaufmannschaft oder unter Bänke einzuverleiben lassen und
Läger werden wollen, und zwar wohnhaftlich, in welcher Stadt; oder ob sie Verlangt tra-
gen, auf freyen und unbearbeiteten Grund und Boden in ganzen Colonien mit Landbesitzern zum
Anbau oder zu allerlei nützlichen Gewerben sich niederzulassen; da jedoch alle der-
gleichen

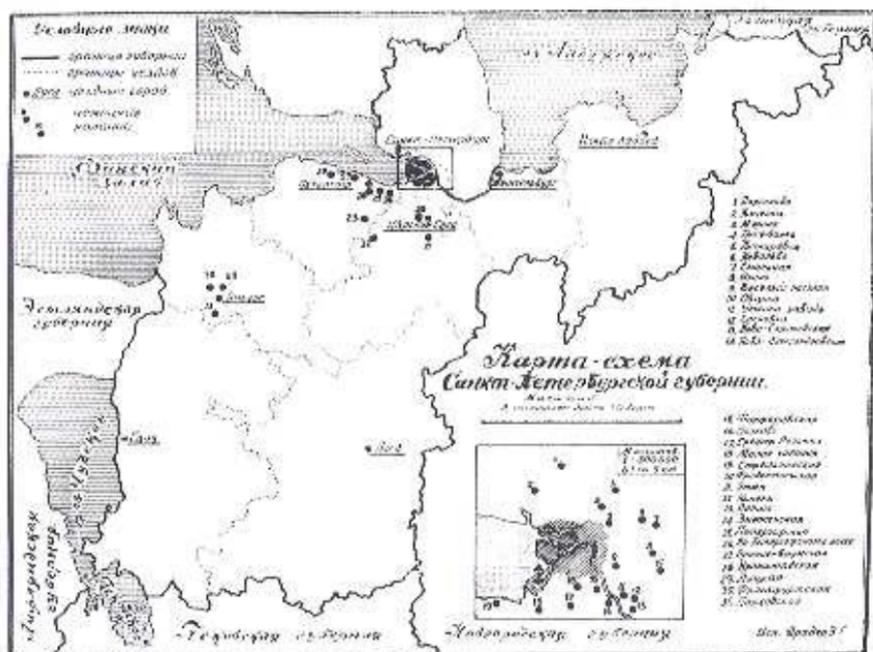
X

Manifest vom 22. Juli 1763 der Zarin Katharina II. zur Berufung ausländischer
Kolonisten ins Russische Reich (Hessisches Staatsarchiv Marburg).

*Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г., приглашающий немцев
на поселение в Россию*

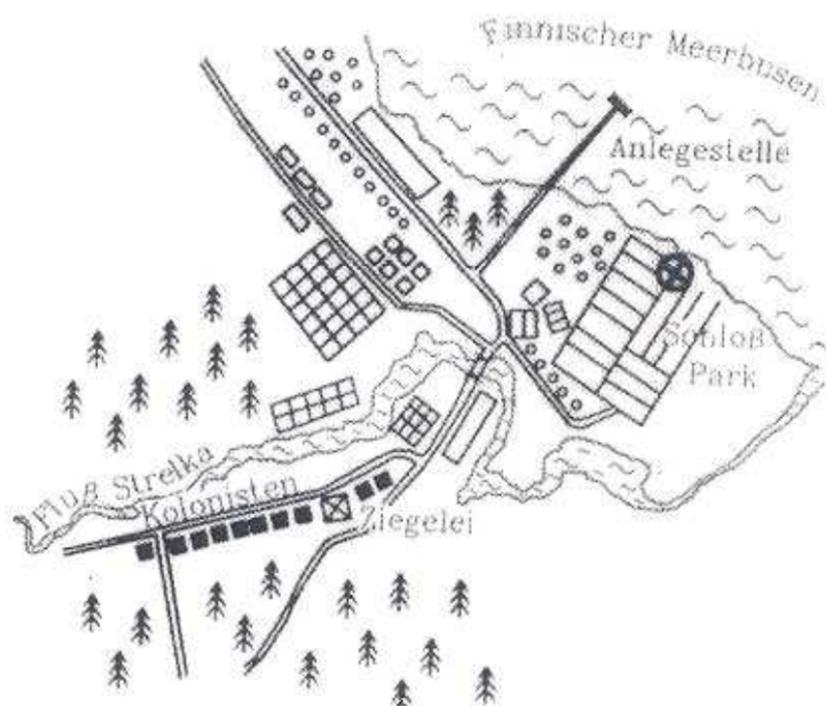

Тяжелая доля переселенцев

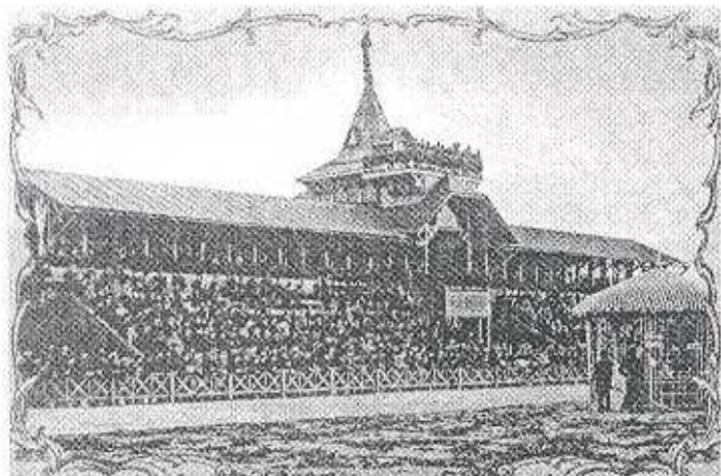

Карта-схема Санкт-Петербургской губернии

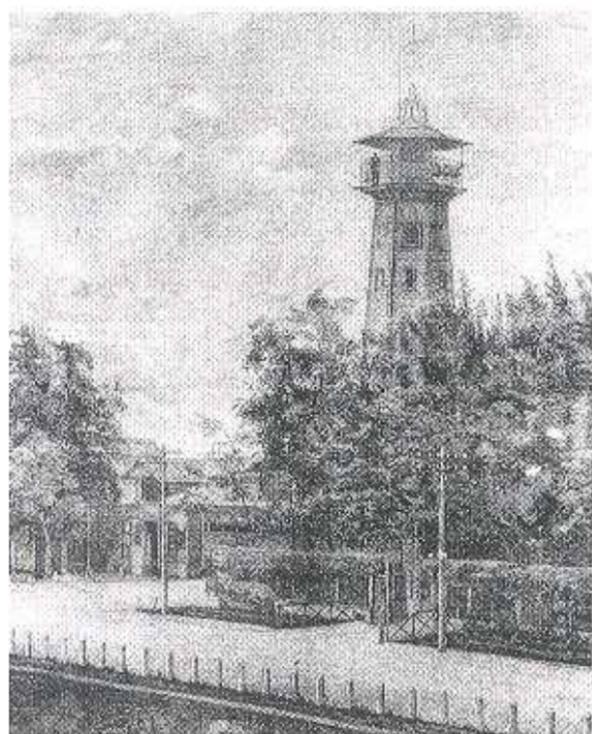
Карта-схема

Колония Стрельна. 1817 г.

Циклодром в Стрельне. Открытка начала XX в.

Депю Стрельнинской частной пожарной команды князя А. Д. Львова

Вследствие этого отпадает необходимость деления церкви на священников и мирян, наличия церковной иерархии с особыми правами. Каждый член церкви является носителем священства уже в силу своей веры и поэтому имеет право на совершение богослужений (произнесение проповедей, чтение и толкование Священного Писания).

Библия — единственный источник вероучения. Из тезисов Лютера: «Слово Божие есть святыня всех святынь, все, что совершается вне Слова Божьего, не свято перед Богом». Оправдание одной только верою — отсюда только два таинства: крещение и причащение.

Крещение — после сознательного принятия веры по совершеннолетию. Признается и крещение во младенчестве, когда благодать передается через веру восприемников (крестных родителей).

Причащение — хлебом и вином, виноградным соком. Рукоположение священнослужителей рассматривается как передача лицу, избранному советом верующих, права совершать богослужение, подтвержденного высшестоящей инстанцией, т. е. как назначение на церковную должность.

Общины церкви — сплоченные коллективы с фиксированным членством. Руководители общин (пресвитеры — пасторы) и их помощники избираются из числа членов общины, что подтверждается высшестоящим церковным органом. Каждая община в своей религиозной жизни автономна.

Лютеране не признают культа Богородицы, почитания икон, Крестного знамения. Из праздников отмечают только те, что связаны с Иисусом Христом. Богослужение может совершаться в любом помещении, хотя имеются и специальные церковные здания. В том числе и в Стрельне была хорошая лютеранская церковь св. Петра и Павла. Литургическое облачение священников очень скромное. Исповедь рассматривается как символический акт. При богослужении используются только крест и свечи. В Стрельнинской колонии при церкви была развита диаконическая служба, которая

заботилась о прихожанах, нуждающихся в помощи. Диаконическая служба является наследием пастора Лютера. Он создал в принципе новую истинно евангельскую благотворительность и настаивал на энергичной борьбе с бедностью и нищенством при помощи систематической заботы о нищих и больных, которую должны взять на себя общины.

Евангелистские лютеране России не могли и не хотели отставать от расцвета всеобщей евангельской благотворительности. Уже в XIX столетии евангельские общины в России укрепились и стали оказывать большую помощь нуждающимся. Издавна эта работа велась в тесном взаимодействии с Церковью Германии, родной страны реформации. Во всех общинах нужны были люди, которые посвятили бы свое усердие диаконической работе, и такие люди находились в Стрельнинской колонии.

До 1917 года на первом месте по диаконической работе был Санкт-Петербург (в том числе и Стрельна как пригород Санкт-Петербурга). В Санкт-Петербурге было тринадцать лютеранских приходов и три реформистских. В этих общинах на средства прихожан содержались сиротские дома для мальчиков и девочек, на попечении общин были ясли и детские сады для самых маленьких. В каждой общине была сестра милосердия. На средства общин содержались ночлежки для женщин, вдовьи дома, дома для престарелых. До 1917 года были и другие подобные учреждения, которым принадлежала любовь и забота членов общин. Все эти учреждения использовались для собственных нужд общин, и вся эта диаконическая работа поддерживалась и осуществлялась деятельной любовью евангельского населения Санкт-Петербурга, которое было настолько материально обеспечено, что на его пожертвования можно было осуществлять дорогостоящие проекты. Кроме того, в Петербурге были и общие евангельские учреждения, и союзы, в которых смыкалась христианская благотворительность всех лютеран города. В этих союзах также заботились

о детях и стариках, об инвалидах и нравственно опустившихся людях. Заботились о нравственном воспитании лютеран в Санкт-Петербурге посланники из других лютеранских стран. Они руководили десятью воскресными школами на различных языках. Лютеране, в том числе и прихожане Стрельницкой колонии, посещали больницы, тюрьмы и дома бедных, распространяли христианские книги, заботились о бездомных и нравственно опустившихся.

Вот пример работы Христианского Союза. В его доме был приют для юношей и девушек, дом для гувернанток, дом для престарелых, христианский приют, который предоставлял молодым прихожанам, приехавшим в Санкт-Петербург, чистую дешевую гостиницу под христианским надзором, был евангелический дом для мужчин слабого здоровья и даже учреждение, которое опекало неработоспособных учительниц. Было в Санкт-Петербурге учреждение Иммануэля для эпилептиков и психически больных людей в районе станции Удельная. А в Стрельне находился дом для инвалидов и хронически неизлечимых больных и нетрудоспособных женщин. Сейчас от этого дома в Стрельне сохранилась лишь груда развалин.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что до 1917 года, т. е. до прихода к власти большевиков, попавший в беду лютеранин, да и любой житель города мог найти помощь и поддержку в этих благотворительных учреждениях.

Сразу же с 1917 года для лютеран началось тяжелое время. Но благотворительных учреждений уже не было. Однако следует сказать, что и в годы репрессий лютеране России стояли в надежде и вере так, как стоял Мартин Лютер.

Как известно, Петр I приглашал на работу и щедро платил талантливым иностранцам. Особенно ему по духу симпатичны и близки были немцы, и он при жизни из боярских хором стремился в немецкую слободу. Петр I ценил Лютера за его стойкость в отстаивании своего учения. Когда Лютер впал в немилость и его проклял сам римский

Папа, который заставлял его отречься от своих тезисов, он ответил: «Hier stehe ich» — «Здесь я стою».

Большинство потомков немецких колонистов Стрельны сохранили веру своих предков и посещают ныне действующую церковь св. Петра и Павла в Петербурге, которая сегодня объединяет две общины — св. Анны и св. Петра. Этим потомков мы хотим познакомить с историей создания лютеранской церкви св. Петра и Павла на Невском пр., д. 22—24.

Раиса Гончаренко

ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ св. ПЕТРА и ПАВЛА (ПЕТРИКИРХЕ)

29 июня 1728 года, в день святых апостолов Петра и Павла, был положен первый камень в основании новой церкви; поэтому ее назвали церковью св. Петра и Павла. Впоследствии за церковью прочно закрепилось сокращенное название Петрикирхе.

14 (25) июня 1730 года, в день юбилея Аугсбургского исповедания (1530—1730), новая церковь была освящена. Первое богослужение в новом храме совершил пастор Г. Назиус.

Пять лет спустя рядом с храмом возвели два деревянных дома, образовавших своего рода пропилеи перед новой кирхой. В одном доме были квартиры церковного причта, а в другом — в угловом на Большой Конюшенной — разместилась школа. В 1760—1762 гг. для Петришوله выстроили новое здание. Его возвели за церковью по проекту архитектора М.А. Гофмана. С самого начала своей деятельности немецкая школа была таковой только по названию; в ней могли учиться дети из семей лютеран, православных «и других христианских вер». Предусматривалось лишь раздельное обучение закону Божию; в школе был «Класс христианского учения для россиян» и просто

«Класс христианского учения» (для лютеран). Питомцы Петришуле собирались и на общую молитву: «По субботам в сей час (с 10 до 11 утра) бывает поучение к исправлению сердца и нравов для всех учеников». В 1783 году Петришуле получила права Главного училища. Указом от 29 августа 1783 года Екатерина II сделала школу св. Петра в Санкт-Петербурге образцом для устройства всех немецких школ в Российской империи, а ее учителя получили право инспектировать последних.

Церковь св. Петра, как и прежде, была духовным центром лютеран, живших в столице Российской империи. Что же касается Петришуле, то здесь с 1801 по 1826 год на квартире старшего преподавателя русского языка И.М. Борна проходили собрания Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств. В это Общество входили поэты-радищевцы: И.М. Борн, В.В. Попугаев, Н. Гнедич, Д. Языков, К.Ф. Рылаев, В.К. Кюхельбекер и др. Зал, где проходили заседания, расписал «эмблемами наук и литературы» член Общества, художник А.И. Зауэрвейд.

Среди известных немцев лютеранского вероисповедания, живших во время царствования Александра I, — участники декабристского движения: П.И. Пестель, А.Б. Вольф, В.К. Кюхельбекер, В.И. Штейнгель. Известны слова Пестеля, основателя Южного общества декабристов, сказанные протоиерею Мысловскому, благословляющему в последний путь декабристов: «Хотя я и лютеранин, батюшка, но такой же христианин, благословите меня».

К началу XIX века здание церкви св. Петра порядком обветшало и стало тесным для увеличившейся общины. Сильное наводнение 1824 года заставило членов церковного совета отбросить последние сомнения в необходимости постройки новой церкви. В начале 1832 года лютеранская община Санкт-Петербурга объявила конкурс на создание проекта нового здания церкви св. Петра. Лучшим был признан проект Александра Павловича Брюллова, брата знаменитого живописца. Его проект был принят к исполнению на заседании

церковного совета в мае 1833 года. Летом 1833 года было снесено старое церковное здание, и 21 августа 1833 года заложен закладной камень новой церкви св. Петра. Сам архитектор Александр Брюллов отказался от четверти гонорара за свою работу в пользу церкви.

Строительство длилось 5 лет. В День Реформации, 31 октября 1838 года, здание церкви, стоящее по настоящий день, было освящено. Одновременно архитектором Г.Р. Цолликофером были перестроены и оба жилых дома на проспекте.

Здания, построенные Г.Р. Цолликофером для причта, были первоначально трехэтажными, и башни церкви св. Петра, возвышаясь над ними, доминировали в ансамбле. В левом флигеле во втором этаже сразу же после его постройки в 1832 году разместились книжная лавка издателя и книготорговца А.Ф. Смирдина и редакция журнала «Библиотека для чтения».

Огромный зал церкви был проникнут духом романской архитектуры. Его высокие своды опирались на гранитные столбы и колонны, поражали великолепными росписями. Особенной выразительностью отличалось полотно «Распятие», принадлежавшее кисти К.П. Брюллова, брата архитектора Петрикирхе.

В записках ученика Брюллова, будущего академика А.И. Мокрицкого, приводятся интересные сведения о том, как знаменитый художник создавал это полотно. Апполон Мокрицкий сообщает о том, что известный поэт А.В. Кольцов написал свое стихотворение «Великое слово», находясь под впечатлением от рассказа про брюлловское «Распятие». Самое интересное в записках А.И. Мокрицкого — это указание на то, что картине «Распятие» посвятил свои проникновенные строки А.С. Пушкин:

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам Животворяща Древа
Мария-грешница и Пресвятая Дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.

«Распятие» Брюллова украшало центральную часть церковного алтаря. В настоящее время находится в запасниках Русского музея. В нижней части алтаря находилось полотно Гольбейна, а по бокам — два круглых медальона с изображением апостолов Петра и Павла кисти Брюллова. Эти картины в конце 1930-х годов были переданы Эрмитажу.

В течение двух веков своего дореволюционного существования школа св. Петра превратилась в блестящее учебное заведение со многими отделениями: гимназией, реальным училищем, училищем для девочек, начальными классами. И хотя языком обучения всегда оставался немецкий, многие русские стремились отдать туда своих детей учиться. В ней получили образование выдающиеся деятели русской культуры: М.П. Мусоргский, Л.Н. Бенуа, М. Месмахер. В широких кругах образованной русской общественности Петришule была как бы визитной карточкой общины св. Петра. Многие русские в Санкт-Петербурге и далеко за его пределами знали о существовании этой лютеранской общины и ее церкви только по той славе и известности, которую имела их школа.

Русская интеллигенция в своем большинстве благожелательно относилась к лютеранам, жившим в России. Можно привести отрывок из стихотворения известного поэта Федора Тютчева (1803—1873). Будучи одним из идеологов панславизма, он, тем не менее, выразил положительное отношение к Реформации, что явствует из следующих строк:

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

В 1836 году Петришule была приравнена к государственным гимназиям и училищам. В числе ее воспитанников были «генерал двенадцатого года» декабрист М. Фонвизин, немецкий путешественник Георг Форстер, архитектор К.А. Тон, педиатр К.К. Раухфус, географ

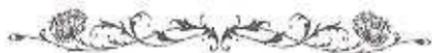

В.В. Юнкер, основатель системы физического воспитания П.Ф. Лесгафт, химик Н.А. Меншуткин. Некоторые из них нашли последний приют на Волковском лютеранском кладбище, которое со времени своего основания (1773 г.) стало «филиалом» церкви св. Петра. Здесь же предавали земле и скончавшихся прихожан Петрикирхе.

За многие десятилетия, прошедшие со времени массового переселения немцев в Россию, усилался неизбежный процесс обрусения прихожан. Именно поэтому, пишет пастор А. Ферман, «в царствование императора Александра II (1855—1881 гг.) Евангелическо-Лютеранской Церкви даровано право совершать богослужение на русском языке, ввиду того что немало прихожан, которым Церковь может преподавать свое служение только на русском языке». Однако это не была процесс насильственной русификации немцев, живших в России. По словам отечественного публициста И.А. Ильина, «к началу XX века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1 200 000 человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда, доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением услышали в их устах исконные — голштинские, вюртембергские и иные диалекты».

Петришуде была одним из интеллектуальных центров столицы. Химик Д. Менделеев, физиолог И. Сеченов, ботаник и географ А. Бекетов, историк Н. Костомаров — все они читали лекции в великолепном (как убранством, так и акустикой) актовом зале школы. Здесь же часто выступал с докладом хирург Н. Пирогов, а в 1880 году на благотворительном концерте присутствовал автор исполняемых произведений — П.И. Чайковский.

Начало первой мировой войны осложнило положение немцев, живших в России. В годы войны перестали выходить немецкоязычные газеты лютеранских общин («Санкт-Петербургская евангелическая воскресная газета» и др.). С началом февральской революции

1917 года и приходом к власти Временного правительства появились надежды на «свет в конце тоннеля». Однако все надежды Евангелическо-Лютеранской Церкви на светлое будущее рухнули через семь дней после торжественного празднования 400-летия Реформации — 18 октября 1917 года. Временное правительство, которое за неделю до этого разрешило отменить в честь праздника занятия во всех лютеранских школах, было арестовано после взятия Зимнего дворца большевиками.

Революция 1917 года стала трагическим рубежом в более чем двухвековой деятельности евангелическо-лютеранской общины св. Петра в Санкт-Петербурге. Значительное число членов общины покинуло Россию. Здание церкви, ее учреждения, вся недвижимость были национализированы.

В 1920-е годы богослужения в Петрикирхе еще продолжались, но репрессии в отношении христиан всех конфессий все время усиливались. Храмы, а также и церкви других христианских конфессий в тогдашнем Ленинграде насильственно закрывались. Дольше других лютеранских церквей держалась церковь св. Петра, однако очередь дошла и до нее. Осенью 1937 года Пауль Райхерт (пастор Петрикирхе с 1933 года) и его сын Бруно Райхерт были арестованы органами НКВД. 24 декабря 1937 года прихожане Петрикирхе, пришедшие на богослужение в Сочельник, увидели двери церкви закрытыми. Члены церковного совета были вынуждены написать заявление в райсовет об отказе использовать храм из-за отсутствия пастора. 20 февраля 1938 года церковная утварь и ключи от церкви были переданы властям. Формальное решение о закрытии церкви Ленинградский облисполком принял 2 августа 1938 года.

Пастор Пауль Райхерт был расстрелян 3 января 1938 года.

На протяжении десятилетий не могло быть и речи о возвращении верующим здания церкви св. Петра. Что касается упраздненной Петришуле, то ее традиции негласно поддерживались в старых стенах

«новой» школы. Несмотря на тяжелые потери, на репрессии, которым в 1930-е годы подверглись директор Кляйненберг, многие учителя и выпускники, на исчезновение имени школы из документации на десятилетия, — историческую память убить не удалось.

Лишь в 1990 году был поставлен вопрос о восстановлении исторической справедливости. 26 апреля 1992 года в г. Пушкине состоялось официальное представление в качестве пробста Санкт-Петербурга и области пастора общины Немецкой Евангелическо-Лютеранской Церкви в России Франка Лотихуса. В этот сан его возвели епископ Харальд Калнинь и профессор из Мюнхена Георг Кречмар. А 1 июля 1992 года Петросовет утвердил решение Комиссии по имуществу о передаче здания церкви немецкой лютеранской общине. 31 октября 1992 года, в день Реформации, в церкви св. Петра было совершено первое богослужение, которое провели епископ Харальд Калнинь и пастор общины Франк Лотихус.

В сентябре 1994 года в Санкт-Петербурге был создан Генеральный Синод Евангелическо-Лютеранской Церкви России и других государств СНГ, который утвердил устав Церкви, принял отставку Х. Калниня и провел выборы нового епископа. Им стал 69-летний Георг Кречмар, который скончался в 2009 году.

В настоящее время церковь св. Петра является кафедральным собором. 16 сентября 1997 года состоялось освящение главного церковного зала храма св. Петра. Это торжество возглавил епископ Евангелическо-Лютеранской Церкви России и других стран СНГ д-р Георг Кречмар.

Ж. Нева, 2003 № 10 *Архимандрит Августин (Никитин)*

ЖИЗНЬ КОЛОНИИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Обосновываясь в Стрельне, немецкие колонисты несли сюда немецкую культуру, сохраняли немецкие традиции и лютеранское вероисповедание, передавая их из поколения в поколение. Исходя из

реальных условий жизни в России, они также формировали элементы новых традиций.

Революцию 1917 года в колонии восприняли спокойно. Стрельна жила и развивалась по тем же законам, что и вся Россия того времени.

Гражданская война разрывала страну на части, начались разруха и голод.

Вводится политика военного коммунизма, которая продолжалась до 1921 года. Правительство объявляет в стране продразверстку, во время которой крестьянину оставляют только определенное количество зерна, чтобы прокормить себя. С 1921 года продразверстка заменяется продналогом, при котором из крестьянских хозяйств изымаются так называемые «излишки».

Эти меры привели к некоторому ухудшению жизни немецких колонистов из-за увеличения продналога на картофель и овощи (налог для немцев Стрельнинской колонии стал в 3 раза больше, чем для крестьян других национальностей). Тем не менее, первое десятилетие после революции можно считать вполне благополучным для Стрельнинских колонистов.

В колонии сохранялись еще старые традиции. Перед Рождеством в домах наводили порядок. Украшали елки, покупали подарки родным и близким, готовили вкусную еду. В Сочельник вся семья отправлялась в церковь, где состоялась большая служба, играл орган и все было очень торжественно. В Рождество собирались всей семьей, зажигали свечи, дарили друг другу подарки, пели всем известные песни: «О, Tannenbaum», «Stille Nacht», «Leise rüsel der Schnee» и другие. Крестные готовили подарки своим крестникам. Дети приходили с поздравительными открытками, читали стихи, пели песни и отчитывались перед взрослыми об успехах в учебе, поведении и помощи по дому. Взрослые одаривали детей огромными пакетами со сладостями, мандаринами, орехами.

Праздновали Вербное воскресенье. Заранее приводились в порядок могилы родных на кладбище. Дорожки посыпались свежим

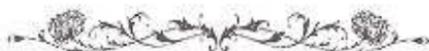
песком. Пучки вербы обвязывались бантами и клались на могилы предков. В этот день дети вставали рано и отправлялись к своим крестным с веточками вербы, стучали в дверь и, когда им открывали крестные или их родственники, стегали взрослых своими букетиками из вербы, как бы отыгрываясь за те наказания, которые они получили в течение всего года. Это продолжалось до тех пор, пока взрослые не скажут заветных слов: «Верба, верба — воскресенье, верба, верба — праздник». После этого все обнимались и дарили детям сладости.

На Пасху одевались красиво по последней моде во все новое. Шли всей семьей в церковь на службу и уже потом разговаялись после длительного поста. Стол накрывали буквально из последнего. Он, как правило, был уставлен самыми лучшими яствами: куличами, крашеными яйцами, пасхой, конфетами. В каждом доме были лотки, с которых дети катали яйца, выигрывая их друг у друга. В Троицу посещали могилы предков, поминали их.

Летом 1921 года в России была небывалая засуха на Северном Кавказе и в Поволжье, что привело к страшному голоду. Известные своей добротой и умением понять людей, оказавшихся в беде, колонисты Стрельны помогли выжить многим семьям немцев Поволжья. Они охотно приняли и приютили на своей земле волжских переселенцев — семьи Клюк, Дайль, Гейдель и других. Вновь прибывшие по своему вероисповеданию были католиками, но это не мешало жить всем в дружбе, трудиться рядом с лютеранами и создавать новые семьи со старожилами.

Призыв партии к коллективизации не обошел стороной и колонистов Стрельны. В 1929 году в стране началась активная агитация за образование колхозов, и к апрелю 1930 года в колонии создается колхоз «Ротэ Фанэ» (Красное Знамя).

Сначала в колхоз вступило 38 хозяйств. В это же время 9 хозяйств были раскулачены. Среди них — уважаемый церковный староста Гсвейлер М.Ф. (Верхняя колония, д. 36), семья Брауна М.К.

(позже в его доме устроили колхозную столовую), семья Краубнера Ф.И. (Верхняя колония, д. 22; в его доме организовали правление колхоза). В Нижней колонии пострадали при раскулачивании семья Ф.Ф. Куна, д. 25; семья Эйдемиллера, д. 43; семья Бреннера К.К., д. 56; а также семьи в домах 40, 41, 45. Некоторые дома были заняты под общежития.

Уже к 1932 году в колхозе насчитывалось 73 хозяйства. Обобществляли скот и постройки. Общими стали 45 лошадей, 70 коров (а в единоличном пользовании их осталось вдвое меньше). Выращивали не только картофель и капусту, но в парниках зрели помидоры, пастернак, салат, лук порей, шпинат и даже земляника и шампиньоны.

Первым председателем колхоза в 1930 году был избран коммунист «двадцатипяти тысячник» Яков Нагельман, который имел уже к этому времени опыт работы по организации коллективного хозяйства в Сибири, куда его направили по распоряжению партии, освободив от работы на заводе.

Но не все колонисты ринулись в колхоз. Те, кто не вступил сразу, образовали «Товарищество обработки земли» (ТОЗ) во главе с братьями Менг — Александром и Адольфом. Правда, просуществовал ТОЗ недолго в связи с установкой партии на «всеобщую коллективизацию».

Как и во всей стране, коллективизация в Стрельне проходила нелегко. В Нижней колонии жил Федор Кун, по прозвищу «молодой Князь». В его хозяйстве был один красавец бык на всю Стрельну. Стали уговаривать Федора Куна вступить в колхоз и сдать быка Амура. Не согласился. Тогда предложили продать его. «Лучше зарежу, но не продам!» Чем не шолоховский герой?

Психологическая обстановка в колонии в годы коллективизации была напряженной. Крестьянин не хотел, да и не мог согласиться отдать в общее пользование свое хозяйство, которое создавалось им и его предками многие десятилетия. Порою люди теряли рассудок.

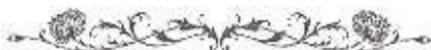
Противодействие властям сулило трагедии. И было их немало... Вот одна из них.

Очень любил «молодой Князь» свою семью и особенно младшую дочь пятнадцатилетнюю Мусю. В Сочельник радостная девочка прибежала из школы домой, кинулась к отцу на шею и обняла его. Отец молча вышел на кухню, взял топор и убил дочку, сказав: «Не отдам в колхоз!». Следом за девочкой пришел домой старший сын. Увидев обезумевшего отца с окровавленным топором в руках, мальчик кинулся к пожарному колоколу и громко забил в него. Сбежалась вся колония. Связанного отца отправили в психиатрическую лечебницу. После его выписки всю семью раскулачили и выслали в Соликамск, где Федор Кун и похоронен.

Однако колхоз быстро становился на ноги, а вместе с ним богатели и колхозники. В колхозе «Ротэ Фанэ» работали не только немцы, здесь были финны, русские и цыгане. Многие стремились попасть в колхоз, особенно когда увидели, что хозяйство активно развивается и становится передовым.

От зари до зари работали колонисты на колхозных полях не только в будни, но и в выходные дни, способствуя процветанию хозяйства. Была создана образцовая молочно-товарная ферма и пункт искусственного осеменения коров. Заведующим фермой стал Людвиг Николай Федорович. Нормы по молоку и мясу перевыполняли на 120 %. Все сдавалось государству. Коров-рекордисток за большие надои отправляли в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, где колхозников награждали грамотами и премиями.

Дружно и зажиточно стали жить колонисты в середине 30-х годов, трудясь в колхозе-миллионере «Ротэ Фанэ». Дружили семьями, ходили в гости и приглашали к себе, отмечали вместе со всей страной советские праздники 7 Ноября и 1 Мая, накрывали общие столы.

В колхозе были созданы партийная (1934 г.) и комсомольская (1936 г.) организации. Затем появилась и пионерская. Юношей призывали в армию. Жизнь шла своим чередом.

В те годы появились в Стрельне не только велосипеды, но и первый мотоцикл. При клубе создали свой духовой оркестр, которым руководил профессор Ленинградской консерватории А.Н. Шмидт. Организовали драмкружок, где ставили спектакли, а в выходные дни молодежь веселилась на танцах.

В колонии существовала малокомплектная немецкая начальная школа, где дети обучались с 1-го по 4-й класс. Принимались дети любой национальности, достигшие 8 лет и не обязательно проживавшие в колонии. Преподавание велось на немецком языке. В 1930 году в школе обучалось около 50 детей. Директором школы был Альберт Корнеевич Винс, одновременно он учительствовал во 2-м и 4-м классах. Учителем 1-го и 3-го классов была молодая девушка, которую дети называли просто Аня. После окончания начальной школы дети переходили в школу-семилетку, которая находилась в Константиновском дворце.

В 1938 году в колонии была организована своя школа-семилетка и преподавание велось только на русском языке.

Наступил 1937 год. В колонии появился первый «черный ворон» — закрытый фургон с маленьким зарешетчатым окошком, который одним из первых увез заведующего молочно-товарной фермой Людвиг Николая Федоровича. Домой он больше не вернулся, его осудили по статье 58 УК СССР. Позже его семью фашисты угнали в Германию. Они оказались в Советской зоне и затем через фильтрационный пункт были высланы в г. Рубцовск Алтайского края.

Из Верхней колонии «черный ворон» увез Эдуарда Байля, переселенца из Поволжья. Красавец, активист и умница, он сначала был избран комсоргом, а затем оклеветан и осужден по той же 58-й статье.

Аресты продолжались в 1938—1940 годах. Теперь людей не увозили, а уводили на станцию. Все продолжали надеяться, что «там» разберутся, но никто из них не возвратился домой, а большинство нашло свое успокоение на Леванювской пустоши. Многих недосчиталась Стрельна в эти годы.

Кто же занимался доносами и клеветал на своих же Стрельнинских колонистов?

Прошло время, настал 1956 год, и после XX съезда коммунистической партии СССР были открыты архивы. Появилась возможность получить документы о реабилитации и увидеть подлинники доносов с подписями доносителей. По сфабрикованным делам людей обвиняли в проведении антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности. Таким образом, имена клеветников теперь стали известны. Это были в прошлом всеми уважаемые люди, которым колонисты доверяли и, которых, конечно, не подозревали. Воистину, «для того, чтобы явилось в свет какое-нибудь крупное зло, нужен один день, а чтобы стереть его с лица земли, потребуется несколько столетий».

Много трагедий пережили немцы Стрельны и в период коллективизации, и в годы репрессий конца 30-х годов. Общая беда коснулась их семей не меньше, чем во всей стране.

Но вот пришел страшный 1941 год. Колонисты оставались преданными своей Родине — России.

В августе 1941 года на основании указа Президиума Верховного Совета СССР началась депортация немцев из районов их постоянного проживания. Согласно этому указу в сентябре-октябре в стране было депортировано около 500 тысяч немцев, а в конце 1942 года эта цифра составляла уже 800 тысяч. Депортированных отправляли в Сибирь, Среднюю Азию, на Урал. Их называли «спецпереселенцами». Они должны были ежемесячно отмечаться в милиции, им не разрешалось выезжать за пределы своего сельсовета, а если человек

самовольно покидал место проживания, то мог «заработать» за это 20 лет каторжных работ.

Но это Стрельнинских колонистов ждало впереди, а война только начиналась. Фашисты уже 15 сентября оккупировали Стрельну. Для связи с партизанами в колонии были оставлены комсорг Андрей Штейнмиллер и Румянцев. Ребята в лесу собирали оружие для партизан, спускали его в выгребную яму. Но на них донесли. Фашисты заставили подростков раздеться догола, спуститься туда и вытащить все оружие. После чего в таком виде их повесили. Несколько дней висели эти тела в Стрельне.

Активисты Эйдемиллер Петр Адамович и Акимова Александра Михайловна тоже были выданы фашистам. Из комендатуры их вели на расстрел в лес, но там оказались партизаны, которые отбили их. Позже Эйдемиллера П.А. угнали в Германию. Акимову А.М. фашисты довели до Себежа, но не успели угнать в Германию. Когда пришли советские войска, она с огромным трудом как русская получила разрешение вернуться в Стрельну, где затем прожила долгую и трудную жизнь. Дом ее сохранился и по сей день. Похоронена она на немецком кладбище в колонии. Муж Акимовой А.М. Яков Аман воевал в партизанском отряде и погиб под Володаркой. Их сын Яков находился в действующей армии, погиб под Тулой.

С первых дней войны стало понятно, что сталинская власть по-прежнему не доверяет немцам-колонистам. Их забирали в Трудармию и содержали фактически на правах заключенных. Разутые, раздетые, голодные мужчины-колонисты возводили мосты, переправы, аэродромы и другие сооружения для Советской Армии. Попали на эти работы Бреннер Георг, Герлеман Адольф, Кун Андрей и другие. Выжил только Георг Бреннер, который впоследствии и рассказал, что оба его товарища трагически погибли: Андрей Кун (из Верхней колонии) был сожжен в топке паровоза своими сослуживцами по Трудармии, когда те узнали, что он — немец; а девятнадцатилетний Адольф Герлеман

хотел «посмотреть на только что родившегося сына», и командиры, не разобравшись, устроили показательную экзекуцию, расстреляв его на глазах у всех как «дезертира».

Большинство колонистов (не только немцев), оставшихся в Стрельне на момент оккупации, были в 1942 году насильно вывезены фашистами в Германию: в Западную Пруссию в лагерь Конитц, под Данциг в лагерь Нейштадт, в Польшу в Вартегау. При освобождении, попав в Советскую и Американскую зоны, советские немцы были переведены в фильтрационные лагеря, позднее же выселены на Урал, в Сибирь, Алтайский край, Казахстан, т. е. в те же края, куда были отправлены депортированные немцы в начале войны.

Все, о ком здесь упоминается, были реабилитированы посмертно.

Не узнать было Стрельну после войны. Довоенный, некогда райский уголок, с глубоководной рекой Стрелкой, с моста которой ныряли вниз головой мальчишки, Стрельна с прямыми, как стрелы, улицами, с прекрасной березовой аллеей, с добротными богатыми домами, ухоженными дворами, с посыпанными песком дорожками, превратилась в руины. Остались единицы целых домов (среди них «родовое гнездо» Регины Карловны Герлман, Верхняя колония, д. 52). Уничтожены церковь и школа, разбито здание богадельни «Вифезда» (Красный дом) и станция. Даже на кладбище были огромные воронки с вывороченными крестами, могильными плитами и разбитыми склепами. От образцовой в прошлом немецкой колонии не осталось и следа.

13 сентября 1955 года Президиум Верховного Совета издает указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

Несмотря на это постановление, немцам запрещалось возвращаться в свои родные места. До сих пор не восстановлена государственность и автономия российских немцев.

За первые 10 лет эмиграции в Германию территорию бывшего СССР покинуло более полутора миллионов немцев.

Не нашлось места в Стрельнинской немецкой колонии после войны потомкам первых немецких колонистов, которые оказались разбросаны по всему миру.

Вот уже в течение 15 лет правительство пытается возродить немецкую колонию в Стрельне на месте бывшей финской колонии. Накануне Великой Отечественной войны в Стрельнинской колонии насчитывалось более 260 домов. Сегодня на средства Германии построена деревня Нойдорф — за Заводами по Старо-Нарвскому шоссе, где живут переселенцы из Казахстана, Узбекистана, Молдавии (к 2005 году здесь построено 50 коттеджей). В Нойдорфе закончена социальная часть проекта, а дальнейшее строительство новых домов продолжается на коммерческой основе.

Живущие здесь люди не знают истории создания немецкой колонии, наша задача — вернуть добрые имена предков и познакомить переселенцев с жизнью наших дедов и отцов на этой земле. Хочется верить, что пройдет время, и новая колония в Стрельне станет не хуже прежней, и возродится ее историческое название «Стрельнинская немецкая колония».

М. Левецкая

ПАМЯТНЫЙ ЮБИЛЕЙ.

В 1910 году на фоне своего наивысшего духовного и социально-экономического развития немецкая колония Стрельна отметила столетие со дня своего основания. Это событие не осталось незамеченным широкой общественностью того времени. Торжественные мероприятия по этому поводу проходили 10 октября 1910 года.

К этой дате, кроме «Юбилейного листка», который мы привели выше, в 43-ем номере журнала «Всемирное обозрение» за 1910 год, была опубликована статья «К столетию колонии Стрельна», иллюстрированная photographиями внешнего и внутреннего видов колонистской

лютеранской церкви св. Петра и Павла, богадельни-приюта «Вифезда»^{*} и групповым портретом хозяев-поселян (так названы главы семейств).

В богадельне-приюте «Вифезда» (в переводе с еврейского — «дом милосердия») проживало около 160 тяжело и хронически больных, инвалидов только женского пола и только лютеранского вероисповедания, нуждавшихся в постоянном уходе со стороны сестер милосердия. После большевистского переворота до самой войны в этом здании располагался детский дом для малолетних детей.

От одной из сестер милосердия, Ольги Трейман, я и получил эту статью из «Всемирного обозрения», когда в шестидесятые годы прошлого столетия работал хирургом в институте Скорой помощи им. И.И. Джанелидзе. Ольга давно уже была на пенсии и жила в общежитии института.

Во время войны (1941—1945 гг.) это массивное кирпичное здание было разрушено. Развалины его до сих пор сохранились на центральном месте бывшей колонии, где сходились все три колонии — Нижняя, Средняя, Верхняя; там стояла лютеранская церковь св. Петра и Павла. При деревянной церкви с органом имелась школа^{**}, в ней после окончания учительской семинарии Сан-Гали в Санкт-Петербурге начала учительствовать моя мать. Во время войны церковь сгорела, и на видном месте (высокий берег реки Стрелка у места впадения в нее маленькой безымянной речки, которую мы в детстве называли

^{*} Ж. Иоанн 5.2-4. «Есть же в Иерусалиме у овечьих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды. Ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, то выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью».

^{**} Согласно свидетельству, выданному моей тете Аине А. Эйдемюллер 10 июня 1908 года, эта школа официально называлась «Стрельнинское евангелически-лютеранское немецкое церковное училище».

Малой Стрелкой) был выстроен частный домик, который стоит здесь до сих пор.

Позади «Вифезды», на другом берегу безымянной речки, располагалось Стрельнинское немецкое лютеранское кладбище, которое функционирует до сих пор, но не понятно, кем и почему переименованное в Горбунковское кладбище. Не настало ли время поставить вопрос о восстановлении исторической справедливости и вернуть кладбищу его историческое название? Следует помнить, что расположено оно на земле немецкой колонии, земля же была выкуплена поселенцами.

В 1902 году в колонии обосновался приют «Св. Магдалины» для падших женщин, в котором после постройки в 1908 году нового двухэтажного здания содержалось до 40 женщин. С 1903 года приют получил официальный статус «Евангелического общества защиты женщин».

К 100-летию немецкой колонии Стрельна главы семейств получили пригласительные билеты на торжественные мероприятия. В этих билетах было указано, что после праздничной церковной службы в буфете «Циклодрома» состоится торжественный акт и банкет.

В 1895 году по инициативе Стрельнинского общества велосипедистов был построен «Циклодром» (велотрек), который, согласно плану колонии, располагался на территории колонии в месте пересечения Волхонского шоссе с Нижней колонией. К сожалению, это сооружение было утрачено. В мои детские, предвоенные годы уже никаких следов «Циклодрома» на этом месте я не замечал и даже разговоров с воспоминаниями о нем не помню, хотя много катался на велосипеде по колонии.

В торжественных юбилейных мероприятиях принимал участие и колонистский духовой оркестр. На фотографии музыканты изображены сидящими на лошадях одинаковой масти, а над ними располагается увитая зеленью арка со щитом, на котором видны цифры 1810—1910 гг.

Этот любительский оркестр был организован 7 февраля 1898 года и состоял из 18 человек. Оркестр имел честь трижды играть в присутствии Его величества. В последние годы перед революцией и после нее этим оркестром руководил уроженец колонии и в последующем профессор Ленинградской консерватории А.Н. Шмидт. Он скончался в 1950 году и похоронен на Стрельнинском немецком лютеранском кладбище.

Все мои дяди и отец играли на духовых инструментах. Отец играл в духовом оркестре фабрики «Скороход», где проработал всю свою короткую (1894—1942 гг.) жизнь.

В 1900 году в колонии было организовано вольное пожарное общество из 18 членов, просуществовавшее до 1941 года.

Считается, что первым «огнеборцем» России был живший в своем дворце в Стрельне (сохранившемся до сих пор) князь Александр Д. Львов. Башня дворца служила пожарной каланчой. В июне 1881 года в Стрельне князем была создана первая в России частная дружина «тушальщиков», объединившая восемь добровольцев. Была возведена специальная пожарная башня с прилегающими постройками, получившая название «Депо Стрельнинской частной пожарной команды князя А.Д. Львова». Огнеборец был инициатором первой Всероссийской пожарной выставки и первого съезда деятелей пожарного дела в Санкт-Петербурге. Его избрали первым председателем Российского пожарного общества, учрежденного в 1893 году.

Членом добровольной пожарной дружины в колонии состоял мой дядя, Александр Александрович Эйдемюллер (1965—1935 гг.). К тому же он был первым шофером в колхозе, но 3 апреля 1935 года погиб при невыясненных обстоятельствах. Я хорошо помню эти похороны. Хоронили его поздно вечером. Гроб водрузили на пожарную конную повозку и при свете факелов доставили на Стрельнинское лютеранское колониистское кладбище, где и совершилось погребение. Дядя состоял членом любительского духового оркестра. Он был не

только шофером, но и трактористом колхоза «Ротэ Фанэ». Женат он был на Катерине Штрейс, дочери председателя этого колхоза. Детей у них не было. Катерина повторно вышла замуж. И сейчас, по моим сведениям, в поселке Нойдорф живет единственная семья из потомков колонии Стрельна, потомки Катерины.

Беда, пришедшая в Россию в 1917 году, и две мировые войны привели, в конце концов, колонию к гибели и ее полному забвению на несколько десятков лет. Согласно моим данным, с 1941 по 1991 год не было публикаций, посвященных немецкой колонии Стрельна. Только 4 июня 1991 года в «Вечернем Ленинграде» была опубликована первая статья С. Петровой «На месте бывшей колонии», в которой впервые за 50 лет приведены некоторые сведения о бывшей немецкой колонии. Статья начиналась следующими словами: «Теперь уже мало кто знает и помнит, что около 50 лет назад близ станции Стрельна располагались Нижняя, Средняя и Верхняя немецкие колонии...»

Позже основные сведения о колонии были изложены мной (в соавторстве с И.Н. Штейнером) в газете «St. Petersburgische Zeitung» № 4 за 1993 год. В нашей статье мы, так сказать, реанимировали название «Нойдорф» (Новая деревня). Так называлась первая очередь заселения колонии Стрельна. Вероятно, это упоминание и дало повод чиновникам в свое время окрестить вновь строящееся немецкое поселение в Стрельне именем «Нойдорф» (Neudorf).

Хронологически третьей публикацией, посвященной колонии, по моим данным, была статья Веры Фроловой «Родом из Стрельны», опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» 12 мая 1997 года.

Интересные сведения о немецкой колонии Стрельна можно найти в недавно изданной и информационно-содержательной книге Е.Д. Юхневой «Из Петергофа в Стрельну по царской (нижней) дороге, XIX век. Путеводитель» (СПб, «Паритет», 2006). На ее страницах можно найти сведения об истории колонии, об ее управлении,

о церкви, о благотворительности, благоустройстве, домашнем быте колонистов... и о депортации советских немцев.

Меня очень обрадовала следующая цитата из текста, в котором автор описывает образование и развитие колхоза «Ротэ Фанэ»: «... Колхоз процветал: в 1934 году капитальные вложения составляли 118 000 рублей, были построены скотный двор, конюшня, хранилище для овощей, столовая, куплен грузовой автомобиль».

Что касается столовой, то тут можно поспорить, она не была построена, а располагалась в Нижней колонии в доме № 41, который находился недалеко от кладбища. В этом доме до раскулачивания жило семейство Браун. А теперь здесь была столовая, из которой дети носили обеды в поле родителям.

Также я сомневаюсь, что была построена конюшня. После вступления в колхоз мой дедушка Александр Адамович Эйдемуллер (1868—1941 гг.) числился в колхозе конюхом. Он работал в своей конюшне на восемь лошадей и со своими же лошадьми. Я хорошо помню коня из дедушкиной конюшни, жеребца вороной масти по кличке Руслан, который экспонировался на ВДНХ в Москве. Думаю, что и другие лошади колхоза содержались в подобных же конюшнях. О вновь построенной конюшне я, вероятнее всего, сохранил бы воспоминания.

Особую радость вызвало у меня упоминание о покупке колхозом автомобиля. Но в одной из поездок на этом автомобиле в город мой дядя погиб. Нам, детям, говорили, что он был задавлен задним колесом своей машины. Но уже после войны мой двоюродный брат А.А. Аман (1923—1993 гг.) рассказал мне, что дядя был убит и он сам видел простреленную шапку и рану в голове. Что произошло на самом деле, так и осталось для меня неразгаданной загадкой.

В своей книге Е. Д. Юхнева написала: «Мы предлагаем познакомиться более подробно со Стрельнинской колонией не столько потому, что это была крупнейшая петербургская колония с богатейшими традициями, а потому, что это единственная возродившаяся в наши дни колония».

Сегодня, накануне двухсотлетия образования Стрельнинской немецкой колонии, я не разделяю столь оптимистичного взгляда глубоко уважаемого автора этой книги и настроен глубоко пессимистично. На мой взгляд, немецкая колония Стрельна безвозвратно погибла уже около 70-ти лет назад.

В перестроечные годы с финансовой помощью Германии была сделана попытка реанимации немецкой колонии Стрельна совершенно на новом месте и на другом берегу реки Стрелка, где раньше было финское поселение, назван новый посёлок, как я уже упоминал, Нойдорф. Сейчас, по моим сведениям, в этом поселке проживает только одна семья из потомков бывших колонистов — семья потомков Екатерины Штрейс, о чем я писал выше.

Впрочем, история нового поселения Нойдорф только начинается и ждет своего исследователя.

P.S.

В конце октября 2009 года в прекрасный осенний солнечный день я посетил бывшее Стрельнинское колонистское немецкое лютеранское кладбище. Прошел от вокзала по бетонным плиткам пешеходной дорожки Нижней колонии туда и обратно и ... НЕ ВСТРЕТИЛ НИ ОДНОГО ПЕШЕХОДА, хотя колония с обеих сторон дороги застроена большей частью новыми домами. Это, несомненно, свидетельствует о том, что бывшая колония превращается в летне-сезонное дачное поселение.

ГРУСТНО...

Виктор Шефер

СТРЕЛЬНА — ГОРДОСТЬ И БОЛЬ МОЯ.

Природа, создав людей такими, каковы они есть, даровала им великое утешение от многих зол, наделив их семьей и Родиной.

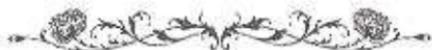
Уго Фосколо

Моя девичья фамилия Нагельман (Тихомирова) Анна Яковлевна. В Стрельнинской немецкой колонии я проживала со дня своего рождения — 12 июля 1932 года, постоянно, за исключением времени, проведенного в ссылке и концлагере.

В Нижней колонии, в доме № 15 (по-старому № 11), жила моя бабушка — Людвиг Анна Николаевна (урожденная Шмидт). Она имела свой двухэтажный дом. Он и сейчас стоит у перекрестка Волхонского шоссе и улицы Нижняя колония как памятник некогда большому семейству Людвиг-Шмидт. Дом выстоял в революцию, в гражданскую и в Великую Отечественную войны, много повидав на своем веку. В этом доме теперь живут другие люди, и перед их окнами растет фруктовый сад, который мы с мужем посадили в 60-тые годы теперь уже прошлого века.

Моя мама — Нагельман (Людвиг) Александра Николаевна родилась в Стрельне в доме моей бабушки. Отец мой — Нагельман Яков Осипович (1900–1938 гг.) — родился в Стругокрасненском районе Псковской области; по национальности эстонец. Родители с середины 1930-х годов жили и работали в Ленинграде, а я почти всегда находилась в Стрельне с бабушкой.

В бабушкином доме мы жили на первом этаже. Здесь же, на первом этаже, жила ее средняя дочь Клыкова (Людвиг) Кристина Николаевна с мужем Клыковым Иваном (отчества не помню). Они работали в колхозе «Ротэ Фанэ». На втором этаже жила старшая

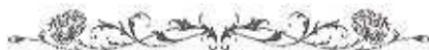
бабушкина дочь, Спасская (Людвиг) Елизавета Николаевна, с мужем, Спасским Борисом Андреевичем, дочерью Ольгой и сыном Борисом.

В выходные дни, в праздники и в свободное время в Стрельну приезжали мои родители. Их приезд всегда был радостью для всех, особенно для детей. Мы знали, что получим гостинцы, подарки и просто что-то вкусненькое из города. Жили дружно между собой не только дети, но и старшие. Бабушка была очень добрым, приветливым человеком, почитающим старших, любящим детей и животных. Доброта и благородство души передались и ее дочерям. Будучи еще совсем молодой и красивой женщиной, бабушка в тридцать лет овдовела.

Недалеко от нашего дома протекает река Стрелка, которая во время таяния снегов становилась очень полноводной и бурной. Весной 1909 года, во время ледохода, мой дедушка Людвиг Николай Петрович услышал доносившееся со стороны реки отчаянное конское ржание. Выбежав к реке, он увидел, как на льдине по направлению к водопаду и далее — к Финскому заливу уносило чью-то кричащую лошадь... Лошадь он спас, но сам простудился и через полтора месяца умер от крупозного воспаления легких (в те годы воспаление легких лечить еще не умели).

Бабушка после его смерти осталась одна с тремя дочерьми: 5, 7, 8,5 лет. Девочки рано приучились к труду и работали по дому. Хозяйство было большое: корова, поросята, лошадь, куры, земельный участок. В большую посевную, а также в уборочную страду и сенокос приезжали на помощь дедушкины братья и его родители. Они ласково относились к внукам и очень уважали бабушку за то, что, несмотря на неоднократные предложения выйти замуж, она всем отказывала и продолжала жить ради детей.

Так дожили до революции 1917 года. Девочки выросли, вышли замуж. Началась коллективизация. В 1930 году организовали

колхоз «Ротэ Фанэ», и первым его председателем стал мой отец Нагельман Яков Осипович. От старожиллов я слышала много лестных слов в адрес отца. Говорят, он был знающим человеком — опытным сельскохозяйственным руководителем, справедливым и внимательным к подчиненным. Был всегда опрятным и приветливым. Бабушку Людвиг Анну Николаевну выбрали в правление сельского Совета. По работе Яков Нагельман часто бывал в сельсовете и там познакомился с бабушкой, а затем, бывая у нас в доме, подружился с ее дочерью — Александрой (моей будущей мамой). Вскоре они поженились. Первые годы мама тоже работала в колхозе «Ротэ Фанэ», а по вечерам три раза в неделю ездила на учебу. Когда папу в 1935 году перевели на работу директором Красносельской машинно-тракторной станции, вся наша семья: папа, мама и я — стали жить в Ленинграде. Мама работа бухгалтером на предприятии и продолжала учебу.

В колонии жизнь шла своим чередом. Колхоз «Ротэ Фанэ» развивался и богател, а когда стал колхозом-миллионером, за хорошую работу то одного, то другого отличившегося колхозника направляли на сельскохозяйственную выставку в Москву. Они получали там различные дипломы, грамоты и призы, делились опытом своей работы с представителями других колхозов. Даже колхозный бык по кличке Амур — воспитанник Мильды и Марты, известных в колхозе сестер-зоотехников, — и тот побывал на выставке в Москве. Когда его, такого необыкновенно огромного, вели по колонии на станцию железной дороги в Стрельне, то дети прятались во дворах от страха: для них это было ужасное чудовище с кольцом в носу, красными глазами и пеной изо рта.

Колонисты умели работать не только в колхозе. Они держали в образцовом порядке свои участки, сады и прилегающую к домам территорию. Около каждого дома вдоль забора обязательно была пешеходная дорожка, всегда чисто выметенная и посыпанная песком. Между пешеходной дорожкой и проезжей дорогой была вырыта

канавы, для стока воды. Дорога была из булыжника, без ухабов. Каждый владелец дома следил за исправностью дороги напротив своего дома. Чистили канавы, не давали им зарастать сорняками. Вдоль пешеходной дорожки были высажены березы. До чего же красивым был вид этой аллеи из белоствольных берез, идущей вдоль всей колонии! В некоторых местах колонии до сих пор сиротливо стоят эти теперь уже старые, израненные березы.

Около домов за забором были клумбы с цветами, кусты белой и фиолетовой сирени, у самого забора благоухали шиповник и жасмин. Скамеечки были обязательно у каждого палисадника, чтобы при желании или по необходимости прохожий мог посидеть и отдохнуть. Почти у всех во дворах было два дома. Один постарше — маленький, с мезонином, другой — большой, двухэтажный, или оба двухэтажные, и соединялись эти дома позади подсобными сараями с хлевом для скотины. Таким образом, строения на участке располагались в форме буквы «П»; внутри был вымощенный булыжником двор, который тщательно подметался, и трава между камнями не росла.

В каждом дворе стояла бочка с песком, а на углу каждого дома — у номерного знака — всегда висел какой-либо атрибут для пожаротушения: ведро, багор, лестница, лопата или другое орудие — для того, чтобы на случай пожара, в суматохе, не терять времени на поиск нужного предмета, а этот предмет всегда должен был быть на месте и не повторяться с соседским, чтобы не случилось так, что все прибегают на помощь только с одними баграми или одними лестницами и никто — с ведром. И это при том, что в колонии была своя образцовая пожарная команда, в состав которой официально входило около 20 человек колонистов.

Надо сказать, что именно в Стрельне появилась первая в России пожарная команда (1881 г.). Организовал ее молодой князь А. Д. Львов. Он и сам участвовал в тушении пожаров. Была выстроена высокая каланча (около 25 метров), где сейчас поставлен памятный знак.

В конце XIX века князем было создано Всероссийское пожарное общество и стал издаваться журнал «Пожарное дело». Мужчины немецкой колонии принимали деятельное участие в работе этого общества.

Поселенцы Стрельнинской немецкой колонии имели свой любительский оркестр. Большинство из колонистов были музыкально одаренными людьми. Впоследствии некоторые из них работали в Петербурге — Петрограде — Ленинграде музыкантами, а брат моей бабушки Шмидт Александр Николаевич был профессором Консерватории по классу духовых инструментов, воспитал целую плеяду молодых музыкантов.

Колонисты умели не только прекрасно работать, но и красиво отдыхать и развлекаться. Наша бабушка, например, при всех трудностях ее раннего вдовства и заботах выбирала хотя бы один вечер в месяц, надевала праздничные одежды с кружевами и ехала в театр в Петербург. Также ходили и ездили в гости. Колонисты, состоящие в колхозе «Ротэ Фанэ» или проживающие на своих угодьях, совсем не были похожи на «темных, необразованных» крестьян. Это были люди, хотя и без высшего образования, но грамотные и начитанные, как правило высоко нравственные и хорошо воспитанные.

Революцию колонисты встретили не восторженно, но доверчиво. Поэтому работали в колхозе, как и на своих полях, честно и усердно. Они занимали в соревнованиях высокие места и ежегодно награждались на сельскохозяйственной выставке в Москве.

Нерадивые крестьяне по соседству вместо того, чтобы перенимать опыт по ведению хозяйства, выражали недовольство. Но были и такие русские и финны, кто устраивался на работу в наш колхоз и жил безбедно.

В смутное революционное время, когда по всей России были созданы комитеты бедноты, проводилось раскулачивание зажиточных крестьян. Эта волна не обошла стороной и колонистов. Была попытка

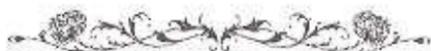

раскулачить и мою бабушку. Это случилось, когда девочки выросли. Вступились соседи, которые стыдили расхитителей и объясняли, что бабушка в молодости осталась вдовой с тремя детьми — она не кулачка! Грабители в этот раз послушались и ушли, но после их ухода бабушка многого все же недосчиталась.

Так постепенно приближалось страшное время сталинских репрессий 1936-1938 годов. В колонии неизвестно за что начали арестовывать полных сил и здоровья мужчин, способных плодотворно трудиться на земле и приносить пользу людям. Потом стало известно, что репрессии происходят по всей стране. Репрессируют людей независимо от национальности, вероисповедания, образования, в том числе и коммунистов, которых до этого считали верными делу революции.

В 1937 году моего отца перевели в Ленинград на повышение, а 8 февраля 1938 года мама привезла меня к бабушке в Стрельну, объяснив, что ночью к ним пришли трое людей с оружием и увели папу. Уходя, он ей сказал, чтобы она не волновалась, что это недоразумение, и через час-два он вернется домой.

Но он не вернулся ни через час, ни через два, ни утром, ни вечером. Тогда мама решила его искать. Она стучала во многие окошечки милиции, ходила в Большой дом, что на Литейном проспекте, д. 2, но никто ничего не объяснял, и окошечки захлопывались перед ней. Так прошло два месяца, и вдруг ее вызывают в Большой дом и предъявляют документ о том, что ее выселяют из города как жену «врага народа». Куда? Неизвестно! Дают 24 часа на сборы самого необходимого и назначают, куда и когда она должна прибыть на следующий день с ребенком. Она мчит в Стрельну прощаться с бабушкой и родными. У всех был шок! Родственники убедили ее ехать без меня, а когда устроится, поступит на работу, найдет жилье, возьмет меня к себе. Вечером она со всеми распрощалась и на последнем поезде уехала. Папа не вернулся никогда!!! Я не понимала, почему все плачут, почему меня жалеют. Мне было всего 5 лет...

Все разошлись спать. Бабушка меня уложила рядом с собой на свои мягкие подушки. Утром я проснулась не на бабушкиной кровати, а на втором этаже у тети Лили. Кто-то громко плакал... Оказывается, тетя Тина, встав на работу, увидела на кухне пустой, накрытый, как обычно, белой марлей подойник, который бабушка приготовила с вечера, чтобы утром подоить корову. Подойник тетя Тина взяла, сама подоила корову, а бабушке позволила еще поспать после такого горького вечера, но потом перед самым уходом на работу она все же решила зайти к нам с бабушкой: ее что-то беспокоило. Когда она подошла к нам, то обнаружила, что бабушка мертва, а я мирно сплю на ее руке... Меня от бабушки забрали, а маме в город срочно отправили сообщение о случившемся. Маме на похороны дали еще три дня отсрочки. Меня на время оставили у родственников в Стрельне.

Через некоторое время, когда мама устроилась в Башкирии, куда ее сослали, меня отправили к ней с другими высланными родственниками — ленинградцами, ехавшими в Уфу. Добирались мы долго, кажется, неделю. В Уфу приехали темной-темной ночью. Вдоль вагона бегала мама. Она подбежала, подхватила меня, прижала к своей груди и разрыдалась. А я подумала: «Что это? Я приехала, а она плачет!»

В Башкирии, в Мелеузе, мы с мамой жили до 1940 года. Это сейчас Мелеуз — город и промышленный центр, а тогда вместо улиц мне запомнились все пески, пески, пески. Русских — единицы, в основном башкиры и татары. Школ, в нашем понимании, там тогда не было.

Мне почти 8 лет и мама, практически нелегально, со знакомыми, отправляет меня к своей сестре Елизавете Николаевне в Стрельну, учиться. В 1940 году, в сентябре, я пошла в 1-й класс Стрельнинской школы № 7, что на Ново-Нарвском шоссе.

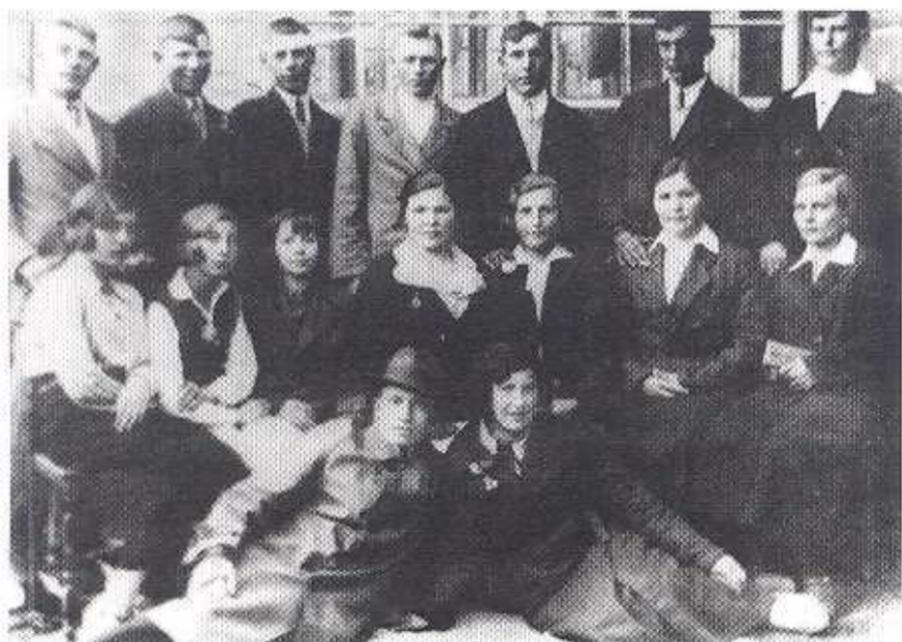
Для меня, ребенка, лишённого родителей, начался новый этап жизни. Я еще не осознала и не сразу поняла всей трагедии случившегося.

Федор Кун (Князь) с женой и внучкой

Федор Кун (сын Князя) с женой и дочерью. 1941 г.

Молодежь Стрельнинской немецкой колонии. 1938 г.

Первый ряд сверху справа налево: Гаг Август, Байль Саша, Менг Адольф, имя неизвестно, Байль Эдуард; второй ряд слева направо: Мария Байль (Гаг), третья — Мина Байль (Менг), седьмая — Амалия Байль (Гевейлер)

*Спасская Елизавета Николаевна
(Людвиг). 1936 г.*

*Концлагерь в Нойштадте. 1942 г.
Слева направо: Борис Спасский, Саша,
Жорик*

*Группа партизан со знаменами, врученными советскому батальону населением Словенского Приморья. Югославия, 1944 г.
Третий слева стоит Борис Спасский*

Левашовское кладбище. А. Я. Тихомирова (Нагельман). 2001 г.

Помню как сейчас: живу я у тети Лили. Борис, мой двоюродный брат, — мой воспитатель. Он учился в этой же школе в 8-м классе, но только он во вторую смену, а я в первую. Утром он будит меня, кормит, причесывает, завязывает бант, дает портфель в руки и выпроваживает в школу. Ухожу. У дома — большущий пенёк, нужно на нем попрыгать. Вдруг открывается форточка: «Анька, иди в школу!». Я быстренько спрыгиваю с пня и иду в школу. Я очень слушалась Бориса: он такой взрослый и, если провинюсь, не ругает, а только молчит и долго на меня смотрит. Если кто-то хочет меня наказать, он не позволяет и обещает сам со мной разобраться, но не разбирается, а только говорит, чтобы я так больше не поступала. Он был старше меня всего на семь лет, но как-то незаметно стал для меня непре-рекаемым авторитетом, родным и близким человеком. Возвращаясь в прошлое, я понимаю, что он по-взрослому заботился обо мне, воспитывал меня, учил любить животных, природу и людей, он был моим защитником от любых обид и невзгод.

Встречаются в жизни такие дети-подростки, которые заслуженно пользуются авторитетом даже у взрослых людей: с ними советуются, к ним прислушиваются, в них верят. Одним из таких был Бобка Спасский. Мальчишка с добрым, чистым бескорыстным сердцем, любящий жизнь, окружающих его людей, всегда готовый вступить за слабых, обиженных, незаслуженно оскорбленных и униженных. Однажды я пожаловалась Бобке на одного мальчишку, который со мной дрался. Бобка спросил меня: «А сдачу ты ему дала?». Я ответила, что нет. Бобка велел, чтобы больше я ему не жаловалась, а сама давала мальчишкам отпор, и пообещал, что если они полезут снова, то он мне обязательно поможет. Но я справилась, и мальчишки меня больше не задевали. Еще говорил: «Никогда не кажись жалкой плаксой, вообще не плачь на людях, это только радует твоего противника, скрывай свои слезы, как бы ни было больно... и только когда никто не видит тебя, можешь рыдать, от безысходности

кусать землю и свои руки и высказывать небу свои обиды и горе...». Да, на Бобку уже тогда можно было положиться как на взрослого, посоветоваться с ним, рассказать о своих проблемах. Не только мои подружки, но и соседские подростки-мальчишки завидовали мне, что у меня такой отличный брат. В то же время он был смешливым, активным, спортивным. Хорошо плавал, нырял без страха с мостов в речки Стрелку и Пасторку.

Как-то раз я увидела, что Бобка с приятелями курит, — на меня это произвело сильное впечатление, я была в таком восторге, что не могла об этом молчать и хотела с кем-то поделиться переполнявшими меня чувствами. Первой, кого я встретила, была Бобкина сестра Оля, которой я все рассказала.

Вечером, когда все сели ужинать, Оля объявила новость, что Бобка курит... Никогда мне не забыть взгляда Бобки в мою сторону: от этого взгляда мне захотелось исчезнуть сейчас же под столом... Оказывается, «курить» — это плохо, и дядя Боря не курил никогда, а тетя Лиля, которую все любят, курит!

В этот вечер все молча занимались своими делами. После этого случая Бобка не видел меня в «упор», хотя, как и прежде, вовремя будил меня, кормил, завязывал бант, давал мне мой портфель и отправлял в школу.

Как будто все было так же, но не так! И вот однажды утром, Бобка, по-прежнему не разговаривая со мной, молча помогал мне собираться в школу. На душе у меня было гадко, я чувствовала себя брошенной собачкой, которая никому не нужна, которую никто не видит, хотя она и бежит рядом, у которой кроме него никого ближе нет. И тут я вдруг неожиданно разрыдалась, да так, что не могла остановиться. Первый раз я так остро почувствовала, что давно уже не видела ни маму, ни папу. Где они? Почему так долго не едут?! Расплакалась еще пуще. Бобка подошел ко мне не сразу, присел на корточки, прижал к себе и стал говорить со мной: «Я совсем не сержусь на тебя, мне хотелось,

чтобы ты поняла, что так нельзя поступать. Называется это «кляуза», «ябеда»; нельзя предавать даже чужих людей, а мы ведь с тобой друзья! Я считаю тебя надежной и не хочу, чтобы ты была «кляузой». О, я все поняла, все запомнила, глубоко каялась! Я поняла главное: Бобка не сердится — конец нашему раздору. Конечно, это стало мне наукой на всю жизнь: можно что-то видеть, не понимать, радоваться или обижаться, но молчать, если тебя не спрашивают. Молчать.

Еще до этого раздора Бобка никому не разрешал меня наказывать, так как все домочадцы знали, что за мои проступки он разберется со мной сам, без свидетелей. Он долго внимательно и строго, но с участием смотрел на меня, а я, ёрзая на стуле, почему-то старалась спрятать руки или, если стояла, топчась на месте и потирая одну ногу о другую, виновато смотрела на него. Потом спрашивал: «Ты больше не будешь?» — «Конечно, не буду!». Для меня это закон, я сказала ему не буду — значит не буду! Если вдруг что-то другое не случится. Кто знает, что может случиться...

И вот в один из ярких солнечных дней, когда детвора, купаясь, визжала от восторга, как гром среди ясного неба пронеслось и надолго повисло в воздухе еще не очень понятное слово — «война». Все изменилось, на лицах взрослых появилась непривычная для детей озабоченность. Мы, дети, тогда не могли понять, что все это значит. Но прошло совсем немного времени, и в небе начали появляться вражеские самолеты, сопровождавшиеся торопливыми разрывами снарядов наших зенитных батарей.

Со стороны Красного Села стали слышны разрывы снарядов. Фронт приближался к нашему поселку. Но по радио дикторы говорили, что Советские войска не пропустят врага. К Урицку уже прорвались немецкие части, и электрички перестали ходить. С Балтийского вокзала люди устремлялись к трамваю, чтобы как-то добраться до дома с работы, учебы. Трамвай доезжал только до Лигово, дальше добирались кто как мог. Еще до приближения фронта нам стало ясно,

что нужно самим эвакуироваться в Ленинград, о чем была предварительная договоренность с семьей дяди Шуры Шмидта. Свою квартиру в городе они оставили в наше распоряжение, а сами уезжали в эвакуацию в Новосибирск. Ольга с Васей (ее мужем) отвезли часть наших вещей в Ленинград на квартиру Шмидта, но, возвращаясь в Стрельну, они смогли доехать только до Лигово — дальше трамваи и поезда уже не ходили — и до Стрельны добирались уже пешком.

Вернулись они домой в тот момент, когда начался минометный обстрел соседних домов. Мы все спрятались в погреб, решили переждать обстрел, а завтра уехать в Ленинград, куда заранее отправили вещи, необходимые продукты и даже папирсы для тети Лили. Семья Шмидт к тому времени вместе с коллективом Филармонии уже выехала в Новосибирск, в эвакуацию.

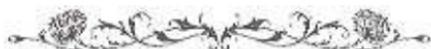
Дядя Боря (его воинская часть стояла в то время в Горелово) утром приехал за нами, чтобы помочь нам собраться и перевезти нас в Ленинград. Но, когда совсем близко стали разрываться мины, он быстро попрощался и уехал в часть, сказав: «С вами здесь еще в плен угодишь». Он был офицером.

Вскоре немецкие войска вошли на территорию улицы Нижняя колония, которая стала передним краем наступающих войск. Всех мирных жителей выгнали из домов, приказав убираться на другую улицу: «Auf andere Straße! Schneller!».

Ночью мы ушли по Волхонке в поселок Володарка, что в двух километрах от Стрельны, так как за крайней улицей, Нижней колонией, других улиц не было, была только Шунгуровский лес да колхозные поля.

После семи дней непрерывного боя (днем и ночью) наши войска оставили Стрельну. Немецкие войска ринулись по мосту через реку Стрелка, в сторону Нового Петергофа.

Находясь в Володарке, мы узнали, что бои в Стрельне прекратились и все стрельнинские жители вернулись домой.

...И мы из Володарки направились назад в Стрельну. Сначала брели табором, группами, вдоль леса по дороге, которая соединяла Стрельну с Володаркой. Но так как по ней часто проходила немецкая техника, нам было страшно и мы пошли вдоль дороги по картофельному полю.

Не успели еще дойти даже до речушки Пасторки, как вдруг в небе появился наш истребитель, стал кружиться, пикировать и вести пулеметный обстрел. Все люди бросились в разные стороны и упали ничком в борозды картофельного поля. От пулеметных очередей перед нашими глазами веером поднималась земляная пыль и фонтанчиками била в лицо. В момент, когда истребитель ушел на очередной разворот, мы с тетей Лилей бросились через дорогу, для того чтобы спрятаться в Шунгуровском лесу или хотя бы в глубоком овраге, который находился перед лесом. Вдруг где-то рядом громко захлопали немецкие зенитки — истребитель тут же развернулся и скрылся. Не помню как, но мы с тетей Лилей оказались в этом огромном спасительном овраге, да еще в каком-то глиняном углублении, забросанном крупными ветками. Прижались друг к другу. Тетя Лиля положила на меня руки, прикрыла собой, и я... заснула крепко-крепко...

Вдруг. Бах-ба-бах! Над нами словно разверзлось небо, гром и молния над головой... Мы обе выскочили из «укрытия» и увидели перед собой двух немецких солдат и офицера, который закричал на тетю Лилю и махнул рукой на меня. Тетя Лиля заговорила на немецком, а она знала «Хох-дойч» с детства. Оказывается, офицер и двое солдат ищут перерезанный провод связи: какой-то диверсант нарушил связь, и им нужно ее восстановить.

Торопясь и видимо убедившись по объяснению тети Лили, что мы этого сделать не могли, они нас оставили в покое, но велели убираться отсюда, так как оказалось, что мы сидели рядом с немецкой батареей гаубиц, которые и стреляли над нашими головами, когда мы вскочили от такого адского грома. Мы пошли по оврагу к речушке, перешли ее,

а от нее через три дома и наш дом. Навстречу к нам вышел Бобка. Они с Олей и Васей пришли домой раньше нас и решили вернуться, чтобы идти искать нас.

В доме был полный разгром и разлом! Кому, что было нужно? Почему громили, что искали? Теперь не узнаешь никогда.

Так началась наша жизнь мучительного холода, голода и страха.

Тетя Лиля из шерстяного вишневого одеяла сшила мне ватное пальто. Мы оказались скудно одеты, так как все вещи были отправлены в Ленинград. В Стрельне в холодные и голодные месяцы мы не знали, что кому одеть, а самые добротные из оставшихся вещей старались обменять в ближайших деревнях, чтобы получить за них лишние картофелины, зерно или еще что-то. Морозы были жестокие. По деревням обычно ходили Оля с Васей и Бобка. Как-то раз они вернулись в приподнятом настроении: состоялся удачный обмен. В Горбунках картошки дали больше, чем они ожидали. Они направлялись домой, когда один замерзший немецкий солдат увидел на Бобке унты дяди Борины. Разговор был прост: снимай «сапоги», или тебя отправят в комендатуру признаваться, где прячется летчик. Бобке, конечно, пришлось снять унты и отдать их, а чтобы не замерзнуть, вместо них надеть рукавицы и обмотать их прутьями. И так они прибежали домой. Долго тетя Лиля растирала ему ноги.

А еще был у нас почти праздник: топились печь, догорали дрова, было много углей, дверцу открыли и мне было так приятно лежать поодаль под столом, смотреть на огонь. Стол был большущий, дубовый, старинный, раздвижной. Внутри него было много всяких широких и узких полочек... И вот, греясь у открытой печки, я у видела сначала одну светлую корочку, потом на всех полках много разных корок и горбушек. Всем на радость мы с Бобкой вытащили из-под стола почти полный тазик всяких объедков-сухарей. Меня все гладили и целовали, а тетя Лиля найденные кусочки и корочки целую неделю выдавала нам порциями. До войны меня учили не оставлять кусков

хлеба. Пока не съем все, из-за стола выходить не позволялось. Я прятала кусочки под столом и таким образом обманывала всех, что я все съела, а вынести во двор и отдать животным или курицам горбушки хлеба ума не хватало. Слава Богу, на счастье это получилось...

В хлеву у нас стояла корова Люська, но её съели, пока мы были в Володарке. Вместо нее теперь там стояло несколько лошадей немецких солдат, а при них был солдат-конюх, который редко, но все же иногда приносил нам в своей рукавице овес, высыпал его на стол, говоря тете Лиле «Schnell weg machen» и быстро уходил. Мы этот овес потом мололи в кофейной мельнице, заваривали, чуть подсаливали и пили этот Божественный напиток, похожий на молоко, только серого цвета. И это тоже был праздник.

Но все же голод нас одолевал. Первыми претендентами на «выбывание» были Бобка и я. Мы оба стали опухать и поносить (обезвоживаться).

И вдруг команда коменданта, чтобы все взрослое население через день построилось в колонны — их будут сопровождать конвоиры до лагеря в Красное Село.

Младшее население, то есть детей до 12 лет, позднее погрузят на машины и туда же повезут. Бобка побежал в дом напротив, к тете Кате, и попросил проследить, чтобы я очутилась в машине. Добрая тетя Катя на ходу заставила его проглотить пару ложек солдатской каши. Потом он подбежал ко мне, сказал, чтобы я сейчас же шла к ней, и вернулся к своим в колонну, которая уже тронулась в путь.

За детьми машины-грузовики приехали уже в сумерки. Тетя Катя Людвиг (она работала поварихой, кормила солдат), как и обещала Бобке, сразу сопроводила меня к машине, где я благополучно устроилась около чьих-то ног. Перед этим она скормила мне уже вторую миску солдатской рисовой каши, и я была полна блаженства. Этой кашей она спасла и меня, и, может быть, Бобку потому что и у него, и у меня сразу прекратился понос.

Итак, нас, детей тоже привезли в лагерь в Красное Село. Машины въехали во двор, выключили фары, и мы омутились в крошечной тьме. Только у самих немцев были фонарики, у каждого. Детей стали выгружать из машин. Вдруг я слышу: «Анька! Анька!». Это был Бобкин голос! И я сразу радостно закричала изо всех сил: «Я здесь! Я здесь! Я здесь!» Солдат захохотал, передал меня из машины Бобке, и мы зашагали с ним на тусклый свет казармы. Лагерем оказались солдатские казармы царских времен. В казарме было темно, и я удивилась, как быстро Бобка нашел тетю Лилю. Сначала меня взгромоздили на верхние нары, но тетя Лиля сказала, что я обязательно грохнусь и будет лучше, если я останусь с ней, а Бобка расположится на нарах над нами, а не над Олей.

В лагере нам давали похлебку и по кусочку хлеба. Через пару дней нас погрузили в поезд в товарные вагоны и повезли неизвестно куда. До польского лагеря «Конитц» мы ехали почти месяц. Наш поезд часто загоняли в тупик, чтобы пропустить встречные составы, шедшие на фронт или с фронта с ранеными, а уж потом тащили наш. Когда долго стояли в «загонах» в Латвии, к составу подъезжали обозы латышских крестьян с хлебом, свининой, молоком, творогом для детей, сестры милосердия ходили по вагонам и кормили нас.

На одной из больших станций из вагонов всех выгнали, разделили мужчин и женщин, повели на санобработку. В первом помещении все должны были донага раздеться, свои вещи положить в мешок для дезинфекции — бросить в левое окно, пройти в правый кабинет, где нас осмотрят и, если потребуется, остригут наголо; затем дезинфицирующий пахучий душ; осмотр врачами специалистами; после этого выдача вещей из химической дезинфекционной обработки. Вещи можно надевать, но они еще горячие и пахнут обработкой. В следующем кабинете на каждого составляют анкетные данные.

Это было на границе Латвии с Россией. Наконец, когда со всеми «церемониями» было закончено, нас опять повели колонной к поезду.

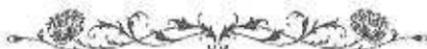

О чудо! Всех разместили в настоящих чистых человеческих плацкартных вагонах. Наша семья заняла сразу целое купе. По вагонам и по платформе ходили сестры милосердия в черной длинной одежде с белоснежными манжетами, воротниками и долгополых шляпах. Раздавали бутерброды и «бон-бонс» детям (это такие конфетки-витаминки). Я не отказывалась, получала их, угощала Бобку, Васю, Олю и тетю Лилю. Нам выдали кое-какую одежду, а малышам — даже суконные одеяла. Я сидела у окна, за тетей Лилей, в уголочке, и казалась маленьким пятилетним ребенком, поэтому мне подарили не только одежду, но и очень толстое, вязаное шерстяное одеяло, которое еще долго служило нам.

В тупик нас больше не загоняют, а весь состав ставят к запасной платформе, где нас кормят красивые сестры в белых шляпах. Едем дальше. Куда едем, никто не знает. Но вот уже Польша. Здесь нас встречают более сдержанно, но кормят и дают «бон-бонс». Поезд прибывает в «Конитц». Нас вывозят машинами на окраину города, где находится большая территория с длинными одноэтажными бараками, огороженная толстой железной сеткой с многослойной колючей проволокой. Большая проходная с широким и двумя узкими проходами и дверями. Ворота закрываются автоматически. Барак от барака на изрядном расстоянии, с одной стороны лагеря пять барачных корпусов, то же с другой стороны, а посередине, как на плацу, большое квадратное помещение. Это пищеблок, там и раздаточные залы, и в центре — кухня. Подсобные помещения и кладовки, склады, столовая для службы охраны, столовая для офицеров и начальства.

Немного дальше пищеблока второе здание, чуть меньше, — это что-то вроде нашего дома культуры. Там происходит все: от официальных сходов до концертов, судов и кино.

Первое время из лагеря нас не выпускали: жили в бараках, выходили только на территорию около барачных корпусов и за едой — баландой в очередь, чтобы получить в назначенный час свою порцию пайка.

Потом лагерь наш разделили: взрослых, молодых, относительно здоровых, перевели в малые лагеря ближе к предприятиям, заводам, фабрикам. Оля с Васей очутились в г. Zoppott. Оля мыла огромные котлы в столовой, а Вася был подсобным электриком на производстве. Бобку, сильного, молодого, отправили на хутор. Тетю Лилю, женщину с несовершеннолетним ребенком (а это я), на работу вывозили утром, привозили вечером, а самих детей, начиная с шестилетнего возраста, вывозили из лагеря на работу на ближайшие поля, где они собирали хлебные колоски.

Бобка работал на хуторе у престарелой пары помещиков далеко от лагеря, и если работников с предприятий в лагерь обязательно отпускали по воскресеньям, то отсюда отпускали только один раз в месяц ...

Кроме него, были еще свободные работники, с ним не общавшиеся, это те, кто занимался домом, доил коров, работал на кухне. Бобка работал в хлеву, убирал всякие нечистоты за лошадьми, свиньями, коровами, но кормлением животных и кур не занимался. Это делали другие, которые доили коров, собирали яйца.

Еду ему приносили в хлев. Там у него было спальное место, состоявшее из большой копны сена. На сено была брошена огромная старая перина, на одной половине которой он лежал, а второй — укрывался. На эту же перину взбирались в стужу греться хуторские кошки, но он не прогонял их, так как это была безопасная гарантия от крыс и мышей. Хозяев он видел очень редко, а с распорядителем работ и с поляками-работниками познакомился, и они доброжелательно к нему относились. Так, показываясь в лагере один раз в месяц, прожил он почти 2 года, пока не изменилась ситуация немецких войск на восточном фронте.

О Борисе — сыне Спасских — мы долго ничего не знали. В конце войны его с нами в Германии в лагере не было. Расскажу об этом подробнее. Подружились в лагере три парня: Саша — 20 лет, Жорик — 19 лет и наш Борис — 18 лет. Когда фашисты стали отступать

и их ряды поредели, они не гнушались мобилизовать в свою армию не только мужчин из числа немецких военнопленных, но и молодых парней-узников, которым исполнилось 18 лет, из разных лагерей, вроде нашего Нойштадте. Когда вызвали и наших троих ребят, они заявили, что против отцов воевать не будут. Тогда самого старшего, Сашу, сразу отправили в «Аушвиц» (т. е. Освенцим), только вернули его через неделю обратно в концлагерь — для примера и устрашения другим... Страшно! Он был седым «кощеем» и просто неузнаваемым. Он убедил и других парней, а не только Бориса с Жориком, что необходимо соглашаться идти в солдаты. Иначе не только они сами, но и их семьи будут сожжены в печах. Наша троица договорилась, что в первом же бою они перебегут к своим. Так они оказались на фронте, на стороне фашистов. Через некоторое время в семью Саши приходит известие о его гибели, а в наши семьи, что Борис и Жорик пропали без вести.

Примерно через полгода в соседний барак после ранения вернулся знакомый нам парень — Валентин, служивший вместе с Борисом в одной части. Долго он обдумывал, как сообщить тете Лиле сведения о Борисе. Однажды, когда она пришла за мной к ним в барак, где я играла с его сестренкой, моей одногодкой, Валентин передал ей записку. Она взяла меня за руку, улыбаясь, попрощалась, и мы ушли.

Придя к себе в барак, тетя Лиля сидела, как каменная, уставившись в одну точку. Видя в ней такую перемену, я боялась слово сказать и пошевелиться. Спрашивать было нельзя, но я заметила, что она что-то читала. Объяснять мне ничего было не нужно, я знала, что нужно только молчать! Связано это было с Борисом. Ночью я слышала, как всхлипывала, плача, тетя Лиля. Утром она мне сказала, что Борис жив и, должно быть, в плену. Так оно и было. Последнее, что видел Валентин — это то, как раненого Жорика Борис тащил на своей спине в сторону югославских партизан...

Когда поздней осенью 1945 года неожиданно приехал Борис и рассказал о своих злоключениях, то мы поняли, что Жорика он

дотащил до канавы уже на югославской стороне. Сам он залез в широкую железобетонную трубу и втащил туда Жорика, прячась от шальных пуль с той и другой стороны фронта. К сожалению и горю Бориса, оказалось, что Жорик был уже мертв.

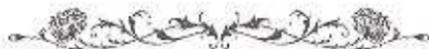
Когда бой закончился, югославы, видевшие, что в трубе «фашисты», доставили Бориса в штаб. Там его допрашивали и долго не верили ему, но, убедившись в его правдивости, приняли в отряд, где позже он воевал на стороне югославов. В бою он был ранен в ногу. Впоследствии Борис Спасский был награжден медалью и орденом «За храбрость», который ему вручал И.Б. Тито.

Вернувшись в Ленинград, Борис поступил в Высшее пехотное училище и успешно учился там. В первые годы учебы его и еще некоторых курсантов-фронтовиков считали героями, о них печатали статьи в журналах и газетах.

Было и о Борисе написано в сборнике комиссара Г.А. Жилиева «О чем не говорилось в сводках», а на странице 139 напечатана фотография группы партизан, где в центре слева Борис держит знамя.

В своей статье, открывающей страницы воспоминаний участников движения сопротивления «О чем не говорилось в сводках», легендарный летчик А.П. Маресьев, герой Советского Союза, ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны, писал, что в суровую годину войны советские люди, оказавшиеся на территории других стран, показали неистребимую любовь к своей Отчизне. Народы и правительства зарубежных стран высоко оценили боевые заслуги советских воинов. Сотни наших граждан — борцов Сопротивления были отмечены высокими иностранными наградами. Среди них был и мой любимый брат Борис Спасский!

Сразу после войны Югославия во главе с Иосифом Броз Тито была для СССР дружественной братской страной. Потом отношения между нашими странами испортились, появились политические разногласия. Югославию упрекали в том, что она пошла не тем курсом.

Особенно много осуждающих Тито статей и ядовитых карикатур на него появилось в газетах и журналах в 1948—1949 годах. Тито стал для СССР чуть ли не врагом.

В немлости оказались и те войны-партизаны, которые участвовали в войне против фашистов в Югославии в составе 1-й Советской Ударной бригады (командир А.И. Дьяченко и комиссар Г.А. Жилиев), в том числе и наш Бобка.

С Г.А. Жилиевым мы встречались в подмосковных Люберцах. Поздравляли друг друга с праздниками. В последнюю встречу в Люберцах он мне обещал, что будет вместе с группой бывших партизан хлопотать о восстановлении доброго имени незаслуженно обвиненных товарищей, в том числе и Бориса, для их посмертного оправдания. Но, увы!.. Как всегда, я отправила Григорию Александровичу и его семье очередное поздравление с праздником, но опоздала. Ответ пришел от Зинаиды Николаевны, его жены: «Григорий Александрович Жилиев скоростижно скончался в электричке, возвращаясь домой из Москвы после официального мероприятия».

Судьба Бориса оказалась похожей на судьбу моего отца. Уважаемый за большие дела и почитаемый знавшими его людьми, награжденный орденом за борьбу с фашизмом, Борис Спасский вдруг в одночасье исчез, а затем появляется известие о его смерти. Трагедия настигла Бориса в последний год учебы в Высшем пехотном училище. Все чаще и настойчивее им интересуются органы НКВД, а затем его вдруг переводят в воинскую часть рядовым солдатом. После перевода из училища в часть с ним вообще перестали церемониться и вскоре арестовали. Ни одного письма от него получено не было, а когда пришло извещение о смерти, то причиной смерти был указан «абсцесс брюшины». Это у него-то? Превосходного пловца и боксера, широкоплечего, молодого, ничем никогда не болевшего!

К сожалению, он не дожил пяти лет до Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии.

Подобное произошло и с моим отцом. В 1991 году меня вызвали в Большой дом на Литейном в Санкт-Петербурге для ознакомления с делом, связанным с арестом моего отца в 1938 году, мне выдали повторное свидетельство о смерти, уже настоящее — после посмертной реабилитации (я просила там и за Бориса, но в запросе мне отказали, так как я двоюродная сестра, ну, а Оля, родная сестра, сказала: «Зачем? Его теперь все равно не вернешь».)

Как говорилось выше, в мае 1941 года я закончила первый класс. Уже в сентябре, заняв Стрельну, немцы вывезли нас в концентрационные лагеря Германии. Находились мы в концлагерях в Конитце, Нойштадте, Цопоте, Ляуенбурге. Натерпелись всего! Освободили нас в Нойштадте советские войска.

Фронт стремительно приближался к нашему лагерю, и немцы стали спешно вывозить узников на запад. Часть заключенных, в том числе и тетя Ляля со мной и Оля с Васей, решили до прихода наших войск спрятаться в помещении котельни, которая находилась рядом с баракком. Мы вместе с другими заключенными спрятались в угольной яме котельни, когда стали слышны пулеметные очереди и близко разрывались снаряды. В яме, встав в уголочке у двери и прижавшись к стене, люди стояли вплотную друг к другу. Вдруг снаряд попал в котельню. Многие погибли сразу, других ранило. При взрыве разорвало трубопровод, и яма стала быстро наполняться водой, уровень которой доходил нам до плеч. Я стояла между тетей Лилей и Ольгой, а Вася практически прикрывал нас в этом углу своим телом. Это был настоящий мужчина, который до войны учился в физкультурном институте им. П.Ф. Лесгафта на военном факультете и должен был стать тренером.

Обстрел продолжался. Осколки летели во все стороны. Почти все, кто был в котельне, погибли. Весь изрешеченный осколками, с разбитой головой, Вася упал нам под ноги. Так ценой своей жизни он спас нас от неминуемой гибели. Обстрел прекратился. Вокруг все

было искорежено, двери завалены бетоном и телами. Самостоятельно выбраться из убежища нам было невозможно. Наши солдаты решили, что в убежище прячутся фашисты, и приказали всем выходить по одному, иначе забросают гранатами. Услышав же женские и детские голоса, наши крики о помощи, быстро разобрали завалы и через люки вытащили нас, окровавленных, мокрых, покрытых черной угольной пылью, живых, раненых и убитых. Тело Васи вынесли за колючую проволоку, выкопали яму и похоронили, устроив салют над его могилой.

Наконец мы среди своих. Для нас начался долгий путь домой. Добирались на перекладных: пешком, на подводах, на машинах — только побыстрее прочь от уходящего на Запад фронта.

Через Красный Крест нас разыскал дядя Боря, приехал за нами и привез в СССР в августе 1945 года. По возвращении я снова очутилась с мамой на поселении, теперь уже на Урале в г. Ирбите. Впоследствии нас реабилитировали и разрешили вернуться на родину, то есть в родные места — Стрельнинскую немецкую колонию под Ленинградом.

Когда мы были высланы в Башкирию (1938 г.), это означало, что мы состояли на учете и не имели права без разрешения органов НКВД покидать территорию, отведенную нам для ссылки. Но моя непокорная, свободолюбивая мама, не смирившись с несправедливостью, пренебрегла этим запретом. Летом 1940 года она отправила меня в Ленинград, в Стрельну, в семью Спасских, чтобы я могла учиться в школе, а через некоторое время решила тоже уехать. Самовольно. Но ведь за всеми ссыльными следили! С поезда ее, конечно, сняли и арестовали. Это называлось «побег», и это была ее первая судимость. Так, в 1940 году, 31 октября, ее осудили по статье 82-УК РСФСР — «побег».

Мама была очень добрым человеком, но с достаточно твердым, независимым характером и отчаянно-отважной душой, она не умела, не хотела осознать всю серьезность своего поступка. В итоге — тюремный срок! После освобождения из тюрьмы она проживала в г. Ирбите,

но от «учета» еще не была освобождена. Работала на заводе № 449 грузчиком (сейчас это Стекольный завод). Без устали рассылала письма родственникам и знакомым с вопросом, где мы и что со мной.

Семья Шмидт наконец сообщила ей, что мы (дядя Боря, тетя Лиля, их дочь Оля и я) вернулись из Германии в Стрельну и остановились у них. С мамой началась переписка. Летом 1947 года ей дали разрешение приехать за мной. Понадобились мои подлинные документы, но ведь я на тот момент была Спасская, так как жила в их семье и настоящих документов никто не требовал. Пришлось обратиться в ЗАГС Петроградского района г. Ленинграда, где мне выдали свидетельство о рождении. Так я снова стала носить фамилию моего папы — Нагельман — и с нею стала носить клеймо «дочери врага народа». И опять, как и маму, меня отправили на учет ссыльной-репрессированной без права проживания по желанию, а лишь с разрешения органов НКВД.

В г. Ирбите, куда я приехала к маме, учиться я могла только в школе рабочей молодежи, так как мне было уже 15 лет, а закончила я к тому времени только три класса. Во время войны так было со многими, а в Ленинграде таких детей, как я, было большинство, и учились мы по ускоренной программе. Кроме того, дирекция обычной школы не понимала, как это — в школьном документе — Спасская, а в метриках я — Нагельман, да еще и ссыльная (репрессированная).

В школе рабочей молодежи в г. Ирбите у нас в четвертом классе было еще несколько таких, как я, «малолеток», а все остальные были работающие (по возрасту не моложе 20 лет). «Малолетки» подружались между собой. Особенно близка мне была Верочка Людзицина (китайка Лю-Дзи-Мин). Она не могла своевременно ходить в школу, так как у родителей было шестеро детей. В семье она была старшая, а работа по дому и уходу за малышами лежала на ней.

Моя мама работала на очень тяжелой работе — грузчиком. Разгружала товарные вагоны с углем. После разгрузки угля у нее веки

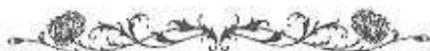

два дня были как бы подкрашены: угольная пыль так въедалась и не смывалась, что сейчас любая модница ей бы позавидовала. Вагоны были с песком, древесиной, кальцинированной содой, известью и т.п. Сода поступала в особо прочных бежево-коричневых бумажных мешках, которые за ненадобностью затем сжигались. И было их на заводе великое множество, так как получали соду в больших количествах — для изготовления стекла или автоизоляторов.

Мама, хоть и получала «литерную» продуктовую карточку, но жить все же было очень тяжело, еды не хватало, и она, как активный, предприимчивый человек, всегда находила выход. Мы ходили в соседние деревни на заработки. Копали картофель: десять ведер выкопает, одиннадцатое ведро — нам; серпом жали рожь, и за работу нам давали муку. Муку насыпали обычно в наволочку, здесь не было проблем. А вот мешка для картошки у нас не было. Мама опять-таки придумала: она возьмет бумажный мешок из-под соды на заводе. Так она и сделала. Взяла мешок, аккуратноенько его сложила и, не пряча, понесла домой после смены. В проходной ее спросили, что она несет. Мама ответила, что это мешок из-под соды, который все равно сожгут. Как оказалось, этого было достаточно, чтобы составить акт о хищении государственного имущества. И вот — вторая судимость, но теперь «за кражу».

Опять суд! И так, осенью 1948 года маму осудили второй раз, сроком на 8 лет тюремного заключения. Если бы она не была немка, если бы она не была ссыльная, если бы не имела первой судимости, если бы она умела плакать и клянуть, ... если бы... если бы..., то она бы не получила эту вторую судимость! Боже, прости ее гордыню! Плакать она не умела!

Когда маму в 1948 году в Ирбите снова осудили и поместили в тюрьму, я ходила к ней, носила хлеб, но свиданий нам не давали. Потом, когда я увидела, что хлеб не на что покупать, пошла в отдел кадров завода устраиваться на работу. Там мне сказали, что принять

разнорабочей меня не имеют права, так как я несовершеннолетняя, а специальности у меня нет, ведь я закончила неполных пять классов. Тогда я обратилась к коменданту Топоркову, у которого мы с мамой состояли на учете. Он и его жена оказались сердечными людьми. Топорков созвонился с руководством завода, и меня взяли на легкую работу в ОТК (отдел технического контроля) контролером автоизоляторов. Бригада наша состояла из 12 человек, не считая меня. Девочки были старше меня по возрасту (от 18 до 25 лет), самая старшая была Люда — наш бригадир. Она стала меня опекать. Она все-все знала! И что я голодная, и что у меня в Ирбите никого нет, и что мне из Ирбита уехать невозможно, так как я — ссыльная.

Считается, что уральцы вообще-то черствый народ, но мир не без добрых людей, и девчонки стали приносить мне из дома еду: кто баночку капусты, кто шаньгу (лепешку), кто вареную картошку. Иони, видно, разделились на группки, делали это по известному только им графику. Маме я продолжала носить в тюрьму и что могла из еды, и написанные мною записочки, но теперь только по выходным, а в будни надо было работать. Однажды в выходной день я пришла, а мне сказали, что ее нет: ее на днях отправили по этапу в другую тюрьму. Увиделись мы с мамой только через 7 лет!

Так я жила одна среди совершенно чужих мне людей, в чужом и далеком от родных мест краю, в бараке для ссыльных, в перенаселенной комнате. Барак был длинный, с комнатами по обе стороны. Выходы на улицу с двух сторон были сквозными. Двери закрывались редко, поэтому постоянно был сквозняк. «Удобства» были на улице — между двумя бараками один «сарай-туалет» на два барака. Колонка с водопроводной водой тоже на улице, но с противоположной стороны коридора. Комнаты были по 16—18 квадратных метров с плитой в углу у двери. За этой плитой обычно стояла скамейка, на ней ведра с водой и ведра помойные, то есть ночью или в очень

плохую погоду «делалось» все «на ведро», а потом уже выносилось. При «надобности» мужчины и женщины друг друга не стеснялись. Здесь же над помойным ведром умывались. Под скамейкой или рядом с дверью в углу стояли мешки или ящики с картошкой и овощами. Здесь же на стенке были приколочены полки для муки, крупы и прочих продуктов. Кроватями служили двухэтажные деревянные нары. Кто не хотел спать на нарах, делал над дверью под потолком около плиты палаты для отдыха и сна. Там тепло, темно, душно, а тараканов и клопов больше, чем внизу, но зато внизу в комнате без нар светлее и даже уютно.

Сыльные побогаче снимали комнаты в домах. Это разрешалось, но надо было обязательно предупредить коменданта.

Так я просуществовала в Ирбите еще несколько месяцев. Ходила на работу. В определенный день каждого месяца была обязана отмечаться у коменданта Топоркова. Его молодая жена Наташа, когда я приходила, всегда уводила меня к себе, чем-нибудь кормила и очень много обо всем расспрашивала. Наступил февраль 1949 года. Я, как обычно, пришла к коменданту. Топорков встретил меня, улыбаясь, велел пройти к Наташе и подождать, пока он освободится. Я очень волновалась. Думала, что какие-нибудь сведения от мамы, что опять что-то случилось. Наконец, пришел Топорков. Не переставая улыбаться, он сказал, чтобы я увольнялась с завода и уезжала в Ленинград. Оказывается, Топорков выслал на меня документы в вышестоящие инстанции органов НКВД с ходатайством о снятии меня с учета, характеризовал меня как вполне благонадежного человека. Видимо, не один человек работал, доставляя для него эти сведения обо мне, в том числе и его жена Наташа (кстати, Наташа была только на 10 лет старше меня, а Топорков много старше). К моему стыду, я совсем забыла его имя и отчество, а помню только фамилию, зато никогда не забываю и не забуду того, что он для меня сделал. Спасибо добрым

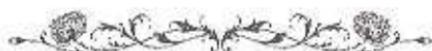

людям за помощь и мое спасение. В марте 1949 года я вернулась в свой родной любимый город! Но здесь ждали новые испытания и никто, кроме тети Лили, меня не ждал!

Напомню, что по окончании войны мы были репатриированы из Германии в СССР. Я жила по-прежнему в семье Спасских и в школу в 1945—1947 учебные годы ходила, как я уже говорила, под их фамилией — Спасская. В лихие годы люди теряли все, в том числе и документы. Стало быть, с ребенка-подростка их строго не требовали, а записывали со слов взрослых — тех, кто привел ребенка в школу. Этим взрослым человеком была тета Анита, двоюродная сестра мамы, которая могла убедить кого угодно. О моей фамилии Нагельман (на немецкий лад) умолчали, представили меня как младшую дочь Спасских. Тетя Лили не работала и вообще старалась жить незаметно для всех: она же по паспорту немка, а во время войны и сразу после войны все немцы были врагами и в Ленинград не допускались. Вот почему нет немцев-колонистов в колониях Петербурга и сейчас их здесь остались единицы, да и то случайно.

Дядя Боря Спасский — русский, да еще офицер Советской Армии, потому он и привез семью беспрепятственно в Стрельну, иначе, как другие, мог быть в Сибири, Казахстане, на Алтае и т. д. Работать он устроился на часовой завод начальником охраны завода и проработал там 30 лет. Ольга закончила первый Государственный институт иностранных языков.

У моего папы, Якова Нагельмана, как и у Бобки (Бориса Спасского), в первом (ложном) свидетельстве о смерти было тоже написано «абсцесс печени», а в графе о месте смерти были прочерки. Однако в повторном документе, выданном по моему запросу, в графе «причина смерти» отца оказалось написано — «расстрел», а «место смерти» — «Ленинград, 1938 год». Он реабилитирован посмертно после пересмотра дела в 1957 году. Эти документы являются свидетельствами того страшного времени.

Теперь я знаю, где мой отец похоронен. На Левашовском кладбище. Туда можно съездить и положить цветы, а это тоже очень важно.

Приезжайте в Санкт-Петербург, посетите теперешний мемориальный комплекс в Левашовской пустоши, куда вывозили расстрелянных «политических», заполняя их телами огромные траншеи и заливая их бетоном. Не зря же в советское время это место охранялось солдатами как военный объект. В том, что все траншеи залиты бетоном, я убедилась лично. Изготовив на заказ маленькую мраморную плиту (40×60 см) с именем отца и датами рождения и смерти, мы с мужем пытались вбить в землю трубу, чтобы прикрепить эту плиту. В разных местах кладбища ломом пробивали бетон, но успеха не добились. Лом входил только на 5—10 см. От этой затеи пришлось отказаться. Принесли гору булыжников и плиту прислонили к ним.

За 70 лет здесь вырос лес. На ветках деревьев развеваются ленточки, картонки, дощечки с надписями имен и памяtnыми датами безвинно погубленных. Кое-где уже поставлены кресты и камни... На одном из них надпись: «Паночка, мы так долго тебя искали, а ты был совсем рядом...». Это крик моей души. Мама так и не узнала, где лежит мой отец. Не довелось ей положить цветы к его ногам.

Сегодня здесь проходят службы разных конфессий. «По ком звонит колокол?» — «По ним, безвинно убиенным». Раздается набат, напоминающий людям о боли невозможной утраты... Господи! Убереги свой народ от утрат и от повторения несправедливости!

Тетя Лиля — моя вторая мама — была очень строга ко мне. Моего любимого воспитателя Бориса, которого я обожала, беспрекословно слушалась и считала не двоюродным, а родным братом, рядом больше не было, и не было никаких

вестей о нем. Уверена, что глубже нас с тетей Лилей эту драму никто не переживал. Она еще несколько лет надеялась и казнила себя за беспомощность, не хотела верить в безнадежность и безысходность ситуации. Она умерла 12 марта 1953 года, перед этим успев 1 января 1953 года выдать меня замуж.

А мама после реабилитации в 1955 году, промыкавшись по тюрьмам и ссылкам 17 лет, вернулась в Стрельну в нашу семью. В то время у нас с мужем — Тихомировым Анатолием Александровичем — уже была дочь. К маленькой Наташе бабушка очень привязалась и первое время иногда даже оговаривалась, называя ее «Анечкой». С Анатолием у мамы были теплые дружеские отношения. Нашему сыну, Тихомирову Борису, было полтора годика, когда она умерла. К сожалению, он ее не помнит и знает о ней только с наших слов.

Мама любила музыку и раньше училась играть на фортепьяно, занималась вокалом у известных в 20—30 годы прошлого века Павла Андреева и Л.А. Дельмас. Музыкальные способности и чудный голос помогли ей выжить в тех страшных условиях. Как и других артистов, а среди них были известные профессионалы, участников тюремной самодеятельности освобождали от трудных работ не только для концертов, но и на репетиции. Концерты для приезжего начальства были вообще в почете, артистов даже кормили лучше. Заключение к артистам относились хорошо, так как концерт для них был праздником.

Бывали забавные ситуации. Например, перед самой реабилитацией, когда после смерти Сталина напряженная обстановка в стране немного ослабела, маме разрешили двухнедельную поездку в Ленинград. Одетая она была не то чтобы очень бедно, а совершенно неподобающе. На ней был стеганный рабочий ватник, темная фланелевая поношенная длинная юбка и обычные ботинки, какие носят мужчины (кстати, я в таких же ботинках приехала с Урала в 1949 году, только

один ботинок был замотан проволокой, чтоб подошва не отвалилась). Так вот, заняли мы денег, чтобы купить что-нибудь попримечнее из одежды, и направились в магазин.

Проходим в Гостином дворе мимо отдела музыкальных инструментов, мама подходит к фортепьяно, открывает крышку... Молодая продавщица требует, чтобы она закрыла инструмент. Мама развела руки, затем быстро вскинула их и громко, бравурно прошлась по клавишам. Сначала какие-то пассажи, потом взяла несколько аккордов, потом заиграла какую-то мелодию. Вокруг нас собралась толпа. Продавщица замерла. Все произошло быстро, как в кино. Мама вдруг резко остановилась, закрыла крышку, посмотрела на продавщицу, словно говоря ей: «Давай, попробуй...» Потом позвала меня: «Пойдем!» И мы пошли дальше. Несмотря на то, что она жила в нечеловеческих условиях, натерпелась несправедливости, оскорблений, грязи, холода, голода, душевных страданий, она никогда не теряла человеческого облика. Никогда не выпивала ни глотка спиртного (и просить ее об этом было бесполезно, а будешь уговаривать — станешь недругом!)

Она никогда не была настроена против Родины — России, и дай-то Бог каждому русскому быть таким патриотом России, как она!

Когда ее спрашивали: «Неужели у тебя нет злобы или обиды за свою ужасную судьбу в этой России?» — «Нет! — отвечала она, — не Родина виновата, а кучка мерзких людей, которых уже нет!». Недаром говорят: лучше терпеть зло, чем причинять его.

По возвращении в Стрельну она дважды избиралась депутатом в местные органы Советской власти. К сожалению, в 1966 году в возрасте 61-го года она скоропостижно скончалась. Похоронена на Стрельнинском лютеранском немецком кладбище в Нижней колонии. Свет, идущий от матерей наших, озарял темень тех лет!

Анна Тихомирова (Нагельман)

ПОДСКАЗЫВАЮЩИЙ ПАРТЪИ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОМУНДИСТАМ
 ПО РАЙОНАМ И РАЙОНАМ

ПОДСКАЗЫВАЮЩИЙ ПАРТЪИ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОМУНДИСТАМ
 ПО РАЙОНАМ И РАЙОНАМ

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья.

28.08.41

На достоверных данных, полученных военными властями, немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, а именно и десятки тысяч диверсантов и шпионов, кто-то сигналу, данному из Германии. Должен произвеста перерайонах немецких немцами Поволжья.

Ввиду такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, — следовательно население районов Поволжья срывает в трагедии Советского Народа и Советской Власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затронувшие указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в убийстве немцев Поволжья или в прилегающих районах и случаях пролонгация, Советское Правительство по закону во-время будет вынуждено принять карательные меры

по избавлению таких нежелательных элементов и для избежания серьезных провозролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимыми переселить все население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, чтобы переселенцы были выделены земель и им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие плодотворной землей районы Татарской и Омской областей, Алтайского края, а также в других соседних местностях.

Следует с атам Государственному Комитету Обороны срочно произвеста переселение всех немцев и поделить переселенцев немцев Поволжья земель в новых районах.

Председатель Президиума
 Верховного Совета СССР —

M. Kalashnikov

ВООЗ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 ВООЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 ВООЗ ВООЗ СОВЕТА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ВООЗ ВООЗ СОВЕТА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
 ВООЗ ВООЗ СОВЕТА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об административном устройстве территории
 бывшей Республики Немцев Поволжья.

7.09.42

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья", признать необходимым:

1. Включить в состав Саратовской области нижеследующие районы бывшей Республики Немцев Поволжья: - Бальдерский, Золотовский, Иамецкий, Терновский, Куккусский, Зельманский, Красноарский, Маринградский, Унтервальденский, Федоровский, Гнаденбургский, Краснокутский, Лизандергейский, Мариентальский, Зигеймский.
2. Включить в состав Сталинградской области нижеследующие районы бывшей Республики Немцев Поволжья: - Франковский, Эрленбахский, Добрянский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Кловатский.

Председатель Президиума
 Верховного Совета СССР -
 (М.Калинин)

Секретарь Президиума
 Верховного Совета СССР -
 (А.Горкин)

Москва, Кремль.
 7 сентября 1941г.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 35

от 8 января

1945 г. Москва, Кремль.

О правовом положении спецпереселенцев.

8.01.45²

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР, за исключением ограничений, предусмотренных настоящим Постановлением.

2. Все трудоспособные спецпереселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом.

В этих целях местные Советы депутатов трудящихся по согласованию с органами НКВД организуют трудовое устройство спецпереселенцев в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках, хозяйственно-кооперативных организациях и учреждениях.

За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами.

3. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения комиссии спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной спецкомендатурой.

Самовольная отлучка за пределы района расселения, обслуживаемого спецкомендатурой, рассматривается, как побег и влечёт за собой ответственность в уголовном порядке.

4. Спецпереселенцы — главы семей или лица, их заменяющие, обязаны в 3-дневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД о всех изменениях, происшедших в составе семьи (рождение ребёнка, смерть члена семьи, брак и т. п.).

5. Спецпереселенцы обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур НКВД.

За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения спецпереселенцы подвергаются административному наказанию в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток.

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров Союза

А. И. Мухоморов
(П. Мухоморов)

Без публикации.

№ 133/12

81

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ИЛИ ИНОМУ ЧЛЕНУ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ИЛИ ИНОМУ ЧЛЕНУ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ПОСЛЕ ИЗВЕЩЕНИЯ РАЙОННОГО ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
ИЛИ ИНОМУ ЧЛЕНУ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

26.11.48

Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны.

В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных лиц проведено казачью, без права возврата их в прежние места жительства.

За самостоятельный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 летаторных работ.

Дела в отношении побегов выселенцев рассматриваются в Особом Совете при Министерстве внутренних дел СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, оказавших из мест обязательного поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места их прежнего жительства, и лиц, оказывавших им помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, привлекать к уголовной ответственности, Определить меру наказания за эти преступления - лишения свободы на срок 5 лет.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР -
(Н. Шверник)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР -
(А. Горьян)

Москва, Кремль.
26 ноября 1948г.
д. № 111/48.

В СССР и в странах народной демократии
и в странах народной демократии

Одобрено Президиумом
Верховного Совета СССР
29.08.64

УНАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О решении Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" в отношении больных групп немцев - советских граждан были выдвинуты следующие задачи:

1. Немцы должны были быть переведены в лагеря: в лагеря принудительного труда в районах Поволжья и в лагеря принудительного труда в районах Поволжья и в лагеря принудительного труда в районах Поволжья.

2. Немцы должны были быть переведены в лагеря: в лагеря принудительного труда в районах Поволжья и в лагеря принудительного труда в районах Поволжья и в лагеря принудительного труда в районах Поволжья.

3. Немцы должны были быть переведены в лагеря: в лагеря принудительного труда в районах Поволжья и в лагеря принудительного труда в районах Поволжья и в лагеря принудительного труда в районах Поволжья.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья" (Протокол заседания Президиума Верховного Совета СССР, 1941 год, № 9, ст. 256) в части, содержащей следующие положения:

2. Учитывая, что немцы переселены в лагеря принудительного труда в районах Поволжья и в лагеря принудительного труда в районах Поволжья и в лагеря принудительного труда в районах Поволжья.

Президиум Президиума
Верховного Совета СССР
(А.Михайлов)

А. Михайлов

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(И. Георгиев)

И. Георгиев

Москва, Кремль,
29 августа 1941 г.
№ 2920-VI.

МАЛАЯ СТРЕЛКА

Мне ведомы начало и конец...

А. Ахматова

Старожилы Стрельнинской немецкой колонии утверждали, что когда-то на территории ее было большое лесное болото, из которого через огромное поле и частично за домами Верхней колонии протекала черная речка. Местами она была достаточно глубокой и текла быстро, постепенно переходила на мелководье, где хорошо просматривалось дно. Дальше текла очень медленно, словно боялась унести всю воду. Около кладбища опять становилась глубокой, а у маленького белого мостика, который соединял Нижнюю и Верхнюю колонии, с шумом падала в большую Стрелку, которая в свою очередь впадала в Финский залив. Эта черная речушка называлась Малая Стрелка.

Хотя она была небольшой, но водилось в ней много обитателей: пескари, колючие ерши и похожие на змей миноги. Утром, выйдя из дома, чтобы набрать на болоте букет желтых кувшинок, девушки босиком переходили на другой берег по воде, но, наступив на миног, с криком бежали назад. Миног почти никто не ловил.

У колонистов, которые с самого раннего утра и до позднего вечера работали в создававшемся колхозе «Ротэ Фанэ», а вечерами обрабатывали свои приусадебные участки, совсем не было времени. В воскресенье утром всей семьей шли в церковь, а вечера проводили с соседями, играя в карты, пели смешные шуточные немецкие песни. Петь любили и взрослые, и дети.

Но иногда на праздничном столе некоторых колонистов (на Троицу, Пасху, в Иванов день) появлялось блюдо с маринованными миногами. За обедом этот «божий дар» под чарочку моментально съедался. Когда Филипп Куфель приезжал из Ленинграда, то натягивал старые брюки и болотные сапоги и отправлялся на дальнее поле, где

в реке скапливалось особенно много миног. Домой уже возвращался с полным ведром рыбы. На кухне Фрида с Августой обрабатывали солью улов и жарили его на плите. На сковороде рыбы извивались, подпрыгивали, чем пугали собравшихся ребятнишек. После этого уго-ворить детей попробовать миног было невозможно.

Примерно в 1934 году миноги в Малой Стрелке исчезли: началось нарушение экологии. По всей вероятности, они ушли в первоначальное место своего нерестилища. Очень редко, еще в 1948 году, можно было встретить миног на самом дне речушки около кладбища, где дети ловили их руками, вилками, подолами сарафанов. С исчезновением миног в речушке появились новые обитатели: пиявки, живой волос, водяные блохи и разные букашки. В прозрачной воде на дне прятались раки, которые водятся только в исключительно чистой воде.

Четверо друзей-подростков из Верхней колонии (Карл Штейн-миллер, Эдуард, Адик Герлеман и Жора Аман) летом проводили время на речке. Часами ловили раков и пиявок, что им хорошо удавалось. Раков варили на костре, а пиявок сдавали за деньги в ленинградские аптеки. На вырученные деньги покупали мороженое, ходили в кино. Вилками ловили маленьких рыбок и это «угощение» несли домой своим кошкам.

В жару выбирали место поглубже и купались до посинения. Порой здесь же устраивали мальчишеские «разборки» с ненавистным, прижимистым и заносчивым Шуркой Троляшей, студентом Ленинградской консерватории.

Вечером, когда речушка утихала, выходили хозяйки полоскать белье. За ночь мутная вода отстаивалась и утекала в большую Стрелку, а к утру вода вновь была чистой и прозрачной. Хозяева на коромыслах несли воду домой, наполняли бочки, кадки, бидоны и другие емкости, для своих нужд. Часто в воду бросали корешки хрена: считалось, что от этого вода становилась чище и лучше. На ней готовили пищу, пили сырую, поили скотину.

Осенью, в дождь, вода в реке становилась темнее, а зимой в проруби была исключительно чистой и вкусной.

Через эту речушку колхозники построили два небольших мостика, по которым переправляли лошадей и инвентарь на другой берег, где находились огромные картофельные поля колхоза «Ротэ Фанэ».

Свое начало Малая Стрелка брала в Верхней немецкой колонии у дома № 1, протекала до дома № 18, немецкая же школа размещалась в двухэтажном здании дома № 9, которое стояло на самом берегу Малой Стрелки. Дальше речка текла в русскую деревню Новополе, в финскую — Разбегаево, в Рошшу и на Кипень.

Более 100 лет (1810—1945 гг.) Малая Стрелка поила жителей немецкой колонии, помогала поливом, чтобы вырастить урожай, кормила тем малым, что имела сама, но никто никогда не сказал ей «спасибо».

Нарушена экология, и от Малой Стрелки сегодня остался всего лишь маленький ручеек возле кладбища.

Потомки немецких Стрельнинских колонистов, проходя мимо, поклонитесь низко речушке, которая помогала выжить нашим предкам!

По рассказам С.М. Аман записала Марина Левицкая.

МОЯ БОЛЬШАЯ И ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

Семья более священна, чем государство.

Пий XI

Сегодня Софье Матвеевне Петровой (Аман) 92 года и физических сил у нее уже немного. Прожита длинная, интересная и трудная жизнь. Господь сохранил ей светлый ум и твердую память. Она охотно рассказывает о том, как в одинокие вечера и бессонные ночи картины далекого прошлого видятся ей очень ясно. Читателю будет интересно познакомиться с ее рассказом и побывать вместе с ней в Стрельнинской немецкой колонии в семье Аман.

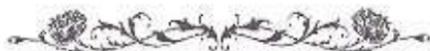
Хочу написать о своей большой и дружной родне из бывшей Стрельнинской немецкой колонии.

У родителей моего отца — Софии и Якоба Аман — было семеро детей. Таким образом, у меня оказалось три тети и три дяди. Мой папа, Матеас (Матвей) был третьим ребенком в семье, но почему-то именно он стал наследником старого большого отцовского дома. Отец был женат на женщине из немецкой Ямбургской (Кингисеппской) колонии — Августе Куфель. И, в свою очередь, у них появилось пятеро детей.

Я родилась в 1918 году. Меня назвали София в честь бабушки, и я была старшей в семье. Помню: все тети и дяди, кроме самого младшего Якова, были женаты, жили своими домами. Все братья отца были музыкантами, увлекались духовой музыкой, и в нашем доме, в большой 30-метровой комнате, часто устраивались репетиции духового оркестра. Иногда с участием профессора Ленинградской консерватории А.Н. Шмидта, который руководил этим прекрасным оркестром. Что только не исполнялось! Я с самого раннего детства полюбила музыку и особенно была неравнодушна к вальсам Иоганна Штрауса. До сих пор в моей душе звучит эта чудесная музыка. Обычно после репетиции приходили за своими мужьями их жены и в складчину накрывался стол. Папа хорошо пел, подпевала ему его младшая сестра Лизабэт. Пели «Степь да степь кругом», «Все васильки, васильки» и другие русские и немецкие народные песни. Затем озорная Лиза просила: «Матке (Матвей), сыграй польку «Ой, ра» или кадрили» — и тащила танцевать своего мужа Петю. Танцевали все: и стар и мал. И так как это устраивалось по субботам, гуляли до самой зари.

Работали много и хорошо, зато умели и веселиться. Праздники устраивались по любому поводу.

Например, молотьба. Молотилка по очереди шла со двора на двор. Доходила очередь до нас, родственники приводили своих лошадей, впрягали в молотилку, и все мужчины и женщины помоложе занимались молотьбой. Пыль стояла столбом, смех, шутки. Между

взрослыми толкались и дети — свои и двоюродные. Маме на кухне помогала одна из невесток — готовили обильный обед с пирогами и кофе. И так от родни к родне.

А поздней осенью, к зиме, когда резали свиней, устраивались «свишкины поминки». Готовились немецкие колбасы, зельцы и прочая вкусная еда, и опять собиралась то к одним, то к другим вся большая родня. Опять музыка, песни, веселье. Как-то раз кто-то в шутку крикнул: «Deutschland über alles auf der Welt» (Германия над всеми в мире). Папа строго посмотрел и сказал: «Шалишь, über Deutschland Russland есть» (Над Германией есть Россия). Я очень гордилась своим папой и его словами, потому что мы все любили свою родину Россию. Впоследствии она для нас, русских немцев, стала мачехой.

Престольным праздником в колонии считался Иванов день «Johanna», 24 июня. Церковная служба и молебен проходили на кладбище в 12 часов дня. К этому дню могилы украшались цветами, дорожки посыпались желтым песком. Колонисты наряжались во все самое лучшее. Особенно красивы были дети. Опять играл духовой оркестр. А дома (или у родственников) ждал вкусный обед, обязательно из курицы и с самым лакомым блюдом для детей — клюквенным киселем со взбитыми сливками или с домашним мороженым.

Потом женщины мыли и убирали посуду, готовились к кофе, судачили о том о сем.

Ну, а дети гонялись в саду, играли в «прятки» или «лапту». Позже, к вечеру, пили кофе с традиционными «шпик» и «цуккер кухен» (пирогами). Мужчины в гостиной садились играть в карты на деньги — по мелочи. Любимая игра, кажется, называлась «Sollo» (Соло), и, помню, раздавались голоса: «Karo Trumpf», «ich pas», «Pik Trumpf» (буби козыри, я не играю, пики козыри). И так до позднего вечера.

До революции у моего дяди Адама Карловича Эйдмиллера было шестеро детей. Любимым ребенком была дочка — красавица Катенька. 17-летняя Катенька и 18-летний колонист Карл Штейнмил-

лер любили друг друга, тайно встречались и с нетерпением ждали совершеннолетия Карла, чтобы пожениться. Судьба решила иначе: к Катеньке посватался 30-летний хромой Филипп. Катенька на коленях умоляла отца отказать Филиппу, но неумолимый отец строго сказал: «Стерпится — слюбится!». Во время венчания в кирхе, переполненной людьми, играл орган, пел хор. Пастор спросил невесту: «Катерина, согласна ли ты взять в мужья Филиппа?». Вдруг раздался душераздирающий крик Карла: «Катенька, скажи нет, Катенька, скажи нет!». Но Катенька сказала: «Да!». Сыграли свадьбу. Брак оказался довольно удачным. Родились трое детей. Работали в своем справном хозяйстве, а затем вступили в колхоз «Ротэ Фанэ» и опять жили зажиточно. Беда пришла в декабре 1937 года: Филиппа Яковлевича Амана арестовали и расстреляли.

Помню первую «красную свадьбу». Примерно в 1929 году мамина двоюродная сестра, красавица Лиля Эйдемиллер, вышла замуж за финна, интеллигентного и симпатичного учителя Илмара Раппу. Венчания не было. Регистрация брака торжественно происходила в Заводском сельсовете. У шаферов в петлицах пиджаков были красные багты. Шаферицы — в нежных шелковых платьях. Была ранняя осень, много цветов было в большом саду невесты, на всю колонию гремел духовой оркестр. Гуляли вместе и немцы, и финны.

В 1937 году разрешили ставить на Новый год елку, устраивать детям праздник. В колонии, в домах, появились нарядно сверкающие лесные красавицы. Мой брат, подросток Мотя — «хозяин», деловито схватил топор и, встав на лыжи, умчался в лес. Скоро дома появилась небольшая елочка. Елку поставили на круглый столик в гостиной и нарядно украсили игрушками, блестящими шарами, конфетами и золочеными орехами. Сестрички Лиля и малышка Лелечка, счастливые, с сияющими личиками, не отходили от елки. В этот вечер к нам зашли лесник Федор Кун, по прозвищу «старый Князь», и милиционер Василий Иванович Якимов. Они собирались составить акт и ошт-

рафовать за незаконно срубленную елку. Якимов увидел счастливых девочек, улыбаясь, подошел к ним и погладил по головке. «А, ну-ка, спойте нам «В лесу родилась елочка»!» — сказал он им. Дети запели, и инцидент был исчерпан.

Большим праздником был для нас приезд в гости нашей бабушки (матери моей мамы) Луизы Карловны Куфель, урожденной Эйдемиллер (из Стрельнинской немецкой колонии). Приезжала она один раз в год. Папа всегда впрягал в коляску или в деревянные резные сани (в зависимости от времени года) лошадь и ездил встречать бабушку на станцию Стрельна. Бабушка была невысокого роста, «кругленькая», у нее почти не было морщин, всегда розовощекая, с тонкими косичками, завязанными на затылке и смазанными репейным маслом. Мы, дети, обступали ее, крича: «Ома, ома, ома». При ней всегда был ее неизменный фанерный чемодан, полный подарков. Кто получал носки, кто варежки, перчатки или шапочку. Мне всегда доставался белый берет из самой лучшей и тонкой шерсти. Овец мы не держали, и бабушка в течение года вязала и собирала нам эти нужные вещи — подарки. На другой же день она садилась у окна на кухне и чинила, штопала наше белье, рассказывая малышам сказки. Она их знала очень много, так как любила читать. Мне запомнилась сказка братьев Гримм «Гном «Тихогром»», там были слова: «Ach wie schön, dass niemand wiess, dass ich Rumpelstilzchen heis» (Ах, как прекрасно, что никто не знает, что меня зовут Румпельтильхен!). Спала бабушка всегда со мной, даже когда я была уже взрослой. Шептала мне на ухо: «Принеси мне что-нибудь почитать». Я в шутку спрашивала: «Бабушка, а что именно?». «Конечно, про любовь». Любила она Шиллера «Коварство и любовь». Часто уводили ее к себе другие родственники, и тогда мы очень скучали. Обычно она гостила у нас по три месяца и все больше зимой. Погибла наша бабушка в 1942 году на дорогах войны. Где именно, я не знаю.

В 1929 году раскулачили и выслали в Среднюю Азию папину самую старшую сестру, Екатерину Яковлевну Браун (Аман), с семьей. Это событие для всей семьи оказалось большим горем. Больше мы с ними не виделись.

Но было и такое: любимому дяде Яше сестры сосватали богатую невесту. В нашем доме устроили помолвку. Молодые обменялись кольцами, был пир горой. Была назначена свадьба, но мой дядя решил иначе. Через некоторое время он вернул невесте кольцо и сказал братьям, что женится только на русской, на «сестричке» Шурочке Акимовой из «богадельни». Ни уговоры, ни угрозы со стороны матери и старших братьев (мой крестный, дядя Филипп, пытался даже его побить) не помогли. Он настоял на своем. Свадьбу не справляли, но пришлось братьям построить небольшой домик напротив нашего большого, выделить нетеля и денег на обзаведение. Бабушка не любила свою русскую невестку. За небольшой рост и походку вперевалочку окрестила ее «Уткой». Так к милой, доброй женщине на всю жизнь пристало прозвище «Утка». И вся колония звала ее именно так. Только перед самой смертью бабушка смирилась и полюбила внука Яшеньку и его маму-«Утку» — Шурочку Акимову.

Запомнились мне многолюдные похороны моей бабушки со стороны отца — Софии Христиановны Аман (Браун). Хоронить ее, кроме многочисленных родных, пришла половина колонии. Дома была отслужена папихида, дорога до кладбища уложена еловыми «лапами». Гроб несли на руках, в Kirche били колокола. Духовой оркестр играл траурный марш Шопена и другие марши. Первый раз в своей жизни (а было мне тогда 9 лет) я увидела, как рыдал мой папа. У могилы пастор Симон читал молитву за упокой, и опять слезы, слезы, слезы... Теперь этого нет, и никто не плачет.

Когда в колонии организовали большой колхоз «Ротэ Фагэ», наша семья и семья дяди Филиппа, как и многие другие семьи, тоже вступила в колхоз. Вступила и стала активисткой Александра

Михайловна Акимова, а дядя Ваня и дядя Яша работали в Ленинграде. Иван Яковлевич на заводе «Красный треугольник», а Яков Яковлевич коммерческим директором фабрики-кухни при Кировском универмаге. Оставил он свою Шуручку, женился на другой и переехал жить в Ленинград. Наша семья очень привязалась к Александре Михайловне и к ее сыну Яше. Мои родители были его крестными, и он рос среди нас, хорошо говорил по-немецки и учился с моими братьями Георгом и Матвеем в немецкой школе. При Стрельнинской немецкой колонии, кроме немецкой Kirche св. Петра и Павла, еще имелась начальная 4-х классная школа.

Немного о школе. Когда и кем она была основана и что там до революции помещалось, я не знаю. Помню, это было двухэтажное белое здание, которое стояло почти в самом начале Средней колонии на берегу реки Стрелки. На первом этаже были помещения, где жили учителя, уборщица и кто-то еще. На втором этаже — учебные классы. Это были три большие комнаты. В двух комнатах по левую и правую стороны стояли парты, посередине на стене висела доска. Учились так: вместе 1-й и 3-й классы, и 2-й и 4-й. Самой большой комнатой в школе был физкультурный зал, где в углу стояло пианино.

Перед школой был разбит небольшой сад, куда ученикам во время большой перемены разрешалось выходить гулять. В те годы в школе училось примерно 30—35 учеников.

Помню первых наших учителей. Заведующий школой и преподаватель 2-го и 4-го классов — Карл Осипович Заблоцкий — пожилой интеллигентный, очень строгий человек (за глаза мы его звали «Карлошевич») и милая наша учительница старушка-«наседка», которая вела 1-й и 3-й классы, Лидия Ивановна Гольц. В 1926 году у нее появилась новая группа из семи девочек (София Аман, Оля и Маргарита Менг, Регина Герлеман, Муся Кун, Оля Шмидт и Лиля Штейнмиллер) и одного мальчика (Миша Краубнер). Все мы учились хорошо, и Лидия Ивановна нами гордилась и хвасталась перед

школьным советом (куда входила и моя мама — Августа Петровна Аман): «Мои семь курочек и один петушок — все отличники».

К сожалению, с Лидией Ивановной мы проучились всего один год. Она умерла и похоронена на немецком кладбище, но могила в колонии не сохранилась.

Нашей школьной формой был темный сатиновый халатик с белым воротником, в кармане обязательно носовой платок. У мальчиков — темные брюки и куртка. По утрам перед занятиями очередной дежурный проверял чистоту наших рук и ушей.

После смерти Лидии Ивановны нам прислали другую учительницу, которая была очень недолго, и я даже не помню ее имени. Через некоторое время уехал и Карл Осипович Заблоцкий и появился молодой очень красивый учитель — Альберт Корнеевич Винс. Наша школа ожила. Появились спортивный и хоровой кружки. Мы готовили музыкальные программы. Пели под аккомпанемент (пианино) учительницы Tante Berta (Тетя Берта):

«Wir fürchten nicht, ja nicht... Den Donner der Kanonen Wir fürchten nicht. Ja nicht die grüne Polizei Den Karl Liebknecht, haben wir verloren Der Rosa Luxemburg reichen wir die Hand»...	Мы не боимся грома, грома, Этой стрельбы, Мы не боимся зеленой полиции, Карла Либкнехта мы потеряли, А Розе Люксембург мы протягиваем руку.

«Мы — кузнецы, и дух наш молод». «Наш паровоз, вперед лети» и много других русских и немецких песен пели мы с большим энтузиазмом.

Tante Berta учила нас танцевать. Мы очень любили физкультуру. Занимался с нами Альберт Корнеевич. Господи, что мы только не вытворяли: бегали, прыгали, скакали, делали разные стойки и пирамиды! Физкультурная форма у девочек была такая — широкие (как юбочка) темные шаровары и светлые футболочки.

Наш колхоз «Ротэ Фанэ» выделил нам лошадь с санями, и мы с самодеятельностью ездили в соседние школы — русскую (Горбунки) и финскую (Разбегаево). Тогда это называлось «смычка». Создали школьный кооператив, где можно было купить тетради, карандаши, ручки, перья № 86 (писать разрешалось только ими), акварель, краски и пр. «Кооператором» выбрали ученика 4-го класса Шуру Штейнмиллера. Библиотека Заводского сельсовета из своих фондов выделила нам небольшую библиотечку. Учебники выдавались бесплатно.

Альберт Корнеевич возил нас на экскурсии в Ленинград, в ТЮЗ и на утренники в другие театры. Имеется фото, где почти вся школа — четыре класса — снята во время поездки в Ленинград. Все девочки 3-го и 4-го классов были влюблены в красавца учителя.

В середине учебного года из Запорожья приехала сестра Альберта Корнеевича — Марта Винс, хорошенькая девочка. Она училась в нашем классе. Мы с ней быстро подружились, и она стала своей. Завтраки мы приносили из дома (яйца, молоко, домашняя колбаса, хлеб) — у кого что было. Все выкладывалось на общий стол, и мы угощали Марту.

Не успели мы в 1930 году окончить школу, как Альберт Корнеевич с сестрой уехали из Стрельны. Причину не помню, а может, и не знала. Много, много лет я о нем ничего не слышала и только через 46 лет случайно узнала его адрес. Я тут же написала ему письмо в Караганду, напомнила о Стрельнинской немецкой школе, о себе и других. У нас завязалась переписка, и я пригласила его с женой Еленой Дмитриевной к себе в Ленинград в гости. Они приняли мое приглашение и в августе 1976 года приехали. Трудно было узнать в пожилом человеке красавца учителя. Много страшного об их судьбе я узнала из его рассказов.

В 1937 году он был арестован по статье 58, сидел в тюрьме, а затем скитался по разным лагерям. Он перенес тяжелые болезни, а после реабилитации был сослан в Караганду. Он сумел разыскать свою

семью и вызвать к себе. После освобождения больше не учительствовал. К 1976 году его семья состояла из жены и 9 детей. Все верующие. Альберт Корнеевич Винс скончался в 1978 году и похоронен в Караганде. Вся его семья сейчас проживает в Германии. Со старшим сыном Гарри и Еленой Дмитриевной переписываюсь.

После Альберта Корнеевича Винса в немецкой школе перебивало много учителей, и все они были репрессированы. Последним был молодой учитель Вилли Либзак. Его судьба мне неизвестна.

В 1938 году немецкую школу превратили в русскую семилетку, где учились и немецкие, и русские дети. Учились и мои младшие сестры — Лиля и Леля. Директором школы была финка Афанасьева Мария Петровна (с 1938 по 1941 год). Во время войны здание школы было разбито и больше не восстанавливалось.

Юноши и девушки, достигшие 15-летнего возраста, по обычаю лютеранской веры, впервые получают в Kirche первое причастие — «конфирмацию». Обряд этот очень красив и торжественен. Месяца за два до этого дня, confirмирующиеся проходят у пастора подготовку (разучивают молитвы, псалмы и песнопения). В конце августа, в субботу, в 6 часов вечера все confirмирующиеся приходят в церковь в черной одежде. Пастор проводит обрядную службу, играет орган. На другой день в воскресенье, в 12 часов дня, девушки в белых платьях, в белых туфлях, с белыми лентами в волосах (очень нарядные), с большими букетами цветов снова в церкви стоят перед пастором, слушают проповедь и молятся. Играет на органе Леня Шмидт (племянник профессора А.Н. Шмидта), поет прекрасный хор. Все мои сверстницы и подруги прошли этот обряд, одна я, идейная комсомолка, отказалась принять участие в конфирмации. На все доводы мамы и посулы о покупке нарядных платьев и туфель я отвечала: «Не собираюсь ради «тряпок» менять свои убеждения», о чем теперь очень и очень жалею. Тогда я увлекалась драмкружком и танцами. Последняя конфирмация, по-моему, происходила в 1934 году, затем

Kirche закрыли под клуб колхоза «Ротэ Фанэ», а пастора Симона арестовали. Больше я о нем ничего не слышала.

В многонациональном колхозе «Ротэ Фанэ» (немцы, русские, евреи, латыши, эстонцы и даже цыган — пастух Игорь Степанов) работали так же добросовестно и честно, как и на своих хозяйствах. Зато и жили хорошо. К счастью, сохранился прекрасный духовой оркестр, который играл в клубе под управлением А.Н. Шмидта.

Появились своя киноустановка и драмкружок. Я была уже взрослая и работала в бухгалтерии колхоза счетоводом, играла в драм-кружке. Теперь уже родственники не собирались в своих домах, а посещали клуб. Хорошее, веселое было время, пока не наступил 1937 год и не начались аресты. В 1938 году в феврале арестовали моего отца (заведующего колхозной кузницей) и двух его братьев, Филиппа и Ивана. Они были расстреляны. Сейчас реабилитированы (посмертно).

Когда в сентябре 1941 года фашисты оккупировали Стрельнинскую колонию, они установили строжайший режим. Колонистам нельзя было выходить за пределы колонии, нельзя было собираться вместе. День и ночь по колонии мчались машины с полицией, заходили в дома, вызывали на допрос, прощупывали, кто чем «дышит», выискивали коммунистов. Нашелся предатель, который указал на бригадира полеводческой бригады колхоза «Ротэ Фанэ», коммуниста Петра Адамовича Эйдемиллера и активистку колхоза Александру Михайловну Акимову. В сорокаградусный мороз фашисты повели их в лес на расстрел, но их спасли партизаны из Володарки.

Позднее, когда колонистов угнали в Германию, Петр Адамович попал на работу к богатому фермеру. Он понравился хозяину, и тот предложил ему остаться, осесть в Германии, обещал дать участок земли, дом, лошадей и коров, но гордый Петр Адамович заявил: «Nein, nein, nur nach Hause, nur nach die Heimat! (Нет, нет, только домой, только на родину!). «Домой вы не поедете, вас сошлют в Сибирь», — сказал хозяин. — «Ну, и что? Сибирь тоже русская земля,

тоже светит солнце», — словами декабриста Суханова ответил Петр Адамович.

Домой в Стрельну семья Эйдемиллер, действительно, не смогла вернуться. Советская власть выслала их в Сибирь, в Кемеровскую область. С 1945 по 1981 год Петр Адамович жил в городе Юрге, там и похоронен.

Во время войны, когда оккупировали колонию, всех немцев, в том числе и моих родственников, угнали в Германию, а затем, по возвращении в Россию, все были высланы в Сибирь. Многих своих близких я больше никогда не видела. Многие погибли... Погиб на фронте сын «Утки» А.М. Акимовой — Яша Акимов. Погиб в партизанском отряде под станцией Володарской любимый дядя Яша. Моя мама в августе 1944 года умерла в Австрии, в лагере для перемещенных лиц, ей был 51 год. Погиб, неизвестно где, мой брат Георг.

После войны, в 1945 году, разрешили вернуться как русской в бывшую немецкую колонию Александре Михайловне Акимовой. Жила она в своем уцелевшем маленьком домике до 1976 года. Все годы я с ней общалась. Умерла А.М. Акимова в возрасте 78 лет и похоронена на бывшем немецком кладбище в могиле предков Аман. За ее могилой я ухаживаю, езжу каждую Троицу. Рядом когда-то и мне лежать...

Я уже писала о своих дружных родственниках из Стрельнинской немецкой колонии. Теперь о своей семье.

У моих родителей, Матвея Яковлевича и Августы Петровны Аман, было пятеро детей. Я старшая — София, затем Георг, Матвей — Мотька, Елизавета и самая младшая Луиза — Лелька.

Перед самым рождением Лельки мама, шутя, спрашивала: «София, кого ты хочешь, братика или сестричку?». Я зло отвечала (а было мне уже 11 лет): «Никого, хватит нам и девочек, и мальчиков». Лелька родилась, я ее невзлюбила и долго не подходила к ее коляске, а она почему-то тянулась только ко мне. Но когда она, семимесячная,

заболела в сильной форме воспалением легких и была очень слабенькой, я не отходила от ее постели и очень плакала.

Георг рос болезненным мальчиком, часто простужался, сильно кашлял. Походка у него была медленная, старческая, он шаркал ногами, за что товарищи прозвали его «Дедом». «Дедом» остался он и взрослым.

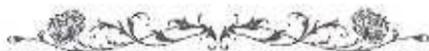
Но самым замечательным в семье был Мотыка. Любая хозяйственная работа была ему по плечу с 8—9 лет. Вся колония его любила, он успевал за день у многих побывать и каждому чем-нибудь помочь.

— Камень на камень, кирпич на кирпич. А Мотя-«хозяин» придет, и все разберет, и уложит» — говорили, смеясь, колхозники.

Каждое лето у нас жили постоянно одни и те же дачники. Мотя старался им угодить: носил питьевую воду из колодца, подметал в саду дорожки. Одна из дачниц звала его «Мотя-хозяин», на что он отвечал «Оля-дворник», приносил метлу и говорил: «Иди, подмети двор».

Елизавета (Лиля) была хорошенькая, золотовласая, кудрявая девочка. Все ей было хорошо и ладно. Но Луиза (Лелька, папина любимица) «тиранила» нас всех, как могла.

У нас была старая лошадь вороной масти, мерин Ванька. Ах, как мы, дети, его любили и украдкой от мамы «угощали» хлебом и сахаром. Ваньку в масленицу впрягали в ковровые санки. На дуге — колокольчики и ленты, и Ванька катал нас по колонии, до вокзала «Стрельна» и обратно. А летом братья катались верхом. Как-то летом во время сенокоса (на дальнем поле) родители вернулись домой очень поздно. Мы поужинали, и мама накрыла скатертью остатки еды прямо на столе. Легли спать, и вдруг ночью на кухне раздался сильный стук копыт. Мама разбудила папу, все проснулись, вышли на кухню и увидели, что расторопный Ванька со стола подъял остатки ужина: целую сахарницу сахара и даже селедку. Оказывается, папа его не

привязал к стойлу, а так как было очень жарко, двери в конюшне и на кухне были настежь открыты. Ванька решил погулять. Мы очень смеялись, а Ванька не хотел уходить из кухни. Но однажды папа вернулся домой днем, неся хомут и вожжи. Он плакал. Оказалось, на пашне, за плугом, умер наш кормилец, 18-летний Ванька. Велико было горе всей семьи. Мы долго оставались без лошади, полевые работы помогли закончить родственники, и с их помощью папа купил за 600 рублей (тогда это были очень большие деньги) золотисто-рыжего жеребенка. Это был поистине настоящий красавец. И так как братишка Мотька первым прибежал встречать лошадь, было решено назвать жеребенка Мотькой.

Итак, в семье у нас было три Моти: папа Матвей, брат Мотя и лошадь Мотька. Соседский дачник, художник, изобразил на холсте нашего красавца и подарил картину папе. К сожалению, картина не сохранилась. Когда наша семья вступила в колхоз, пришлось папе отвести в общую колхозную конюшню нашего красавца Мотьку. Во время работы, когда он проходил мимо нашего дома, то упорно заворачивал домой, во двор. Мы, подростки, выбегали и совали ему кусочек сахара, за что на нас ворчали и сердились. Мотька был самой лучшей лошадью в колхозе, но его не жалели и жутко эксплуатировали (благо, не своя лошадь). А в 1941 году наш великолепный конь первым ушел на войну.

После вступления в колхоз нам стало жить легче. 12-летний брат Мотька бросил школу и стал работать в колхозе на лошади. Возил все, что придется: и на поле обед колхозникам, и на животноводческую ферму корма, и пр. Работал он наравне со взрослыми и получал хорошие трудовые. Когда я окончила школу-семилетку, папа устроил меня в правление колхоза в бухгалтерию ученицей счетовода, а затем меня послали в финансовую школу «Союзоргучет» учиться на бухгалтера.

Мы были молоды, мы верили, что происходящее вокруг нас — это временные недоразумения и «все встанет на свои места, когда

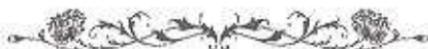

разберутся». И для нас, молодых, еще не осознавших ужас происходящего, середина 30-х годов — это было хорошее веселое время: у нас был свой клуб, прекрасный духовой оркестр, драмкружок и танцы до «упада», как шутила молодежь. А как красиво и нарядно мы стали одеваться!

Наша семья жила активной жизнью: мама, несмотря на болезни, работала в детском саду. Брат Георг (Жора) работал на заводе «Пишмаш» токарем. Был он высоким красивым парнем, девчонки гурьбой бегали за ним (но для семьи он оставался «Дедом», мы-то знали, что он не совсем здоров). Наша тихая и ласковая Лиля училась в русской школе, была отличницей, и мы очень гордились ею. Она тоже участвовала в самодеятельности при клубе и на конкурсе районной самодеятельности получала призы. Ну, а Лелька оставалась маленьким деспотом и «тиранила» нас всех, особенно папу.

Семья как семья, со своими заботами и радостями. Но, Боже мой...

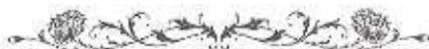
Февраль, 27-е число 1938 года. Ночью пришли за папой двое уполномоченных НКВД и понятая, активистка сельсовета Лорер Е.А. В доме все перерыли (не знаю, что искали). Я помогала выдвигать из комода ящики, вытаскивала из буфета посуду, переворачивала в постелях матрасы и подушки. Мама сидела на стуле, как истукан, сестренки жались к ней и жалобно ныли. Братья сидели на скамейке, как вкопанные. А папа, наш дорогой папа, без конца твердил: «Поверьте, я ни в чем не виноват, я честно трудился в кузнице. Я люблю свой колхоз и духовой оркестр. Верьте мне». Обыск кончился, и его увели. Не было «черного ворона», он шел пешком до вокзала Стрельны, и поезд увез его в Ленинград. Мне разрешили проводить его до вокзала. Всю дорогу я только и слышала: «Доченька, не виноват я, не виноват ни в чем». Я знала это и думала: «Если мой папа, такой трудяга и активист, — “враг народа”, кто же тогда не враг?» Я очень плакала и только могла папе сказать: «Папа, во всем разберутся и тебя

отпустят». Но папа больше не вернулся. (Он, ни в чем не виноватый! был расстрелян 9 июля 1938 года, о чем я узнала только в 1956 году). А через несколько дней к нам явились, не помню кто, конфисковать наше имущество, но конфисковывать было нечего, осталось пять человек детей. С нас взяли подписку о невыезде и предупредили, чтобы готовились к высылке. С марта по июнь 1938 года мы жили в ужасающем страхе. Мама каждый месяц ездила на Арсенальную улицу в «Кресты», передавала для папы деньги. В начале июня деньги не взяли, объявили, что наше дело закончено. М.Я. Аману трибунал присудил восемь лет Дальневосточных лагерей «без права переписки». А еще через месяц с нас сняли подписку о невыезде и мы почувствовали себя немного лучше. Мы надеялись: наш папа еще не старей, и он вернется.

У меня был жених, русский парень, и папа до своего ареста обещал нам справить хорошую веселую свадьбу с духовым оркестром, но когда мой «суженый» узнал, что я дочка «врага народа», он испугался и отказался от меня, да и вообще исчез неизвестно куда. И все же я скоро вышла замуж за киномеханика клуба колхоза «Ротэ Фанэ» Бориса Петрова, который оказался хорошим человеком, и моя семья его полюбила. Он принял на себя все наши горести и беды. Я переехала жить к нему в Ленинград. Мы часто навещали маму и других родственников. Во время финской войны Борис был на фронте, а затем и на фронте Отечественной войны. Моего брата Мотю-«хозяина» взяли в Трудовую армию. Мама с дочерьми Лилей, Лелей и сыном Георгом попали в немецкую оккупацию и были вывезены в Германию. Я с трехлетним сыном и годовалой дочкой оказалась в блокадном Ленинграде.

Первый блокадный ужас я перенесла (кажется, это было в октябре 1941 года), когда увидела, как разбомбили большой дом на 9-й Советской улице. Увидела дымящиеся развалины, ужас на лицах людей, а на тротуаре небольшую окровавленную детскую ручку, оторванную от плеча в красном рукавчике от свитерочка. Это было ужасное зрелище.

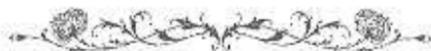

Но это было только начало. Как-то стою в очереди за хлебом, вдруг со страшным воем низко пролетел самолет. Нас не бомбили, но закидали листовками такого содержания: «Бейте жидов и комиссаров — настанет мир в измученной родине!» И другая: «Дамочки, копайте ямочки, доедите бобы, закажете гробы!» Это было жутко.

Круглые сутки по радио стучал метроном. И голос диктора: «Воздушная тревога, воздушная тревога!» Бомбили каждый день и каждую ночь. Я почему-то уверена, что больше всего досталось Смольнинскому району, где я проживала. Позднее бомбили с перерывами в один-два дня. Моя свекровь Лариса Николаевна, чтобы успокоить нас, говорила: «Бомбят другой район», — но взрывы были слышны очень близко.

Первое время я с детьми — сыном 3,5 года и дочерью 1,5 года — спускалась в бомбоубежище, в подвал дома, а потом не хватало сил спускаться и мы лежали в постелях, наглухо накрытые ватными одеялами и пальто, но все равно все было слышно. Жорик от страха плакал. В комнате в окне взрывной волной было выбито большое стекло, окно было забито фанерой и завешено старым ватным одеялом для тепла, но было очень, очень холодно и темно. Квартира не отапливалась: не было дров. Кое-чем (щепки, книги, бумага) согревали самовар. Круглые сутки светила лампада с машинным маслом и фитилем из ваты, и мы были закоптевшими, как черти. По утрам я выносила во двор помойное ведро и в миску набирала чистого снега, и этим снегом протирала себе и детям лицо. За водой приходилось ходить на Неву, и вода ценилась на вес золота. Бывало, с маленьким ведерком или чайником с водой доберешься почти до верха ледяного подъема, но было так скользко, что летишь обратно, обливаясь этой водой, и, вся заледеневшая, с трудом доберешься до дома.

В конце января три дня не было выдачи пайка, этих долгожданных 125 грамм хлеба (на хлебозаводе замерзли трубы), и мы ничего не ели, кроме теплой воды из самовара. Морозы доходили до 40 гра-

дусов, и я видела, как люди падали на улице и больше не вставали. За январь-февраль в нашей квартире умерли: моя дочурка Лялечка (Лариса), бабушка мужа Чернышева Мария Васильевна, мать соседа (не помню ее имя), несколько человек по лестнице, а также на Васильевском острове мои близкие родственники: семья Вальтер — 4 человека и семья Польберг — 5 человек.

После смерти дочурки я устроила Жорика в детский сад (это было, наверное, в апреле 1942 года) и устроилась курьером в контору «Союзтермоизоляция» на 8-й Советской улице. Там мне выдали талон на усиленное питание в столовую на углу Невского проспекта и Полтавской улицы. Завтрак, обед и ужин по тому времени были хорошие, я старалась что-нибудь принести домой Жорику. Продовольственные карточки моей умершей дочки, конечно, пришлось сдать.

Еще я получила талон в баню на Мытнинской улице. Поистине, это был великий праздник — тепло, горячая вода, а главное, напу грязь отмывали и носили тазы с водой молодые здоровые девушки, кажется, из Вологодской области. Мылись вместе — и мужчины, и женщины, но мужчин было мало, много их умерло. Мы, блокадники, были похожи на живые скелеты.

К Первому мая нами, худыми и обессильными блокадниками, была убрана вся грязь во дворах и на улицах города. Стали ходить трамваи. В нашем дворе по улице Моисеенко, д. 17 была установлена водоклонка, которая снабжала водой несколько домов. Была прибавка хлеба и других продуктов. Ленинградцы ожили, сидели на скамеечках и грелись на солнышке. Жизнь постепенно возвращалась.

Мне от работы пришлось пойти на бывший укусный завод на Дегтярную улицу, который теперь выпускал отвар из хвон. Это был приятный, целительный напиток «Витамин». Мне надо было заключить договор на получение этого напитка. Там у меня произошла очень важная встреча со своим земляком из Стрельны. Оформляя пропуск, я заметила, что к воротам завода подъехала машина, из кабины

вышел военный и встал в очередь за мной. Я оглинулась и бросилась ему на шею. «Миша, Миша!» Мы обнимались, целовались. Мы выжили в эту тяжелую блокадную зиму, но о своих родственниках, которые остались в оккупации в Стрельне, ни я, ни он, ничего не знали.

Михаил Павлович Федоров (брат Веры Павловны Фроловой из деревни Новополье) находился на казарменном положении в воепизированной пожарной охране на 3-й Советской улице в качестве шофера. На другой день вечером он зашел к нам и принес самодельную — из консервной банки и даже со стеклышком и фитильком — лампочку и полбутылки керосина. Вот это была радость: я могла читать, сидя у «ламп». Заходил Миша редко, но как-то в одно из воскресений днем мы ходили в кино, если не ошибаюсь, в кинотеатр «Совет» на 4-й Советской улице на фильм «Свинарка и пастух».

Совершенно неожиданно 15 июня 1942 года пришли из милиции и объявили, что так как я по национальности немка, то должна в 72 часа покинуть Ленинград. Это называлось «административная высылка». И добавили: «Нам некогда разбираться: друг вы или враг». В паспорте вычеркнули прописку. Я никак не хотела уезжать и все три дня, что дали на сборы, редела белугой.

К несчастью, моя свекровь в это время была на оборонных работах от прядильно-ниточного комбината им. Кирова, где она работала, и я не могла с ней проститься. 18 июня 1942 года Миша Федоров проводил нас с сыном на трамвае № 12 до Финляндского вокзала. Успокаивал, что так, может, и лучше: окончится война, и я вернусь; общал писать.

И выпало на долю мне:
Расстрел отца, война, блокада,
Но унижительней всего —
Изгнание из Ленинграда.

С вокзала много тысяч людей: немцев, финнов, поляков — привезли на Ладогу, где на катерах переправили через озеро к станции

Кобона. Мне повезло, наш катер не бомбили, но многие нашли свою могилу на дне Ладоги. Нас погрузили в пульмановские вагоны с двухъярусными нарами. Под охраной в каждом вагоне мы отправились в путь в далекую Сибирь. Состав долго простаивал в тупиках и на запасных путях, пропуская эшелоны с войсками с востока на Москву. На больших станциях во время остановки нашего поезда мы проходили санобработку, нас кормили в привокзальной столовой: «суп» из перловой крупы и большой соленый карась. Выдавали хлеб (не помню сколько). Блокадники-дистрофики умирали прямо в вагонах. Их выносили на ближайших станциях и оставляли на привокзальных скамейках. До Омска мы ехали около месяца, и нас выгрузили у казачьего рынка на Иртыше под палящим солнцем, без укрытия. Там мы ожидали пароход, который должен был увезти нас дальше на север.

Ленинградцы-блокадники ринулись на базар, где за очень большую цену можно было купить все, что пожелаешь. И много дистрофиков навсегда осталось в Омской земле: они объедались хлебом и умирали от заворота кишок, а от других продуктов начинался кровавый понос. Несколько дней мы жили под открытым небом в ожидании дальнейшего пути. Умывались в Иртыше, готовили на кострах пищу. И вот причалил небольшой пароходик «Владимир Ленин» с двумя прицепленными баржами. Перед погрузкой явились уполномоченные НКВД со списками в руках. Нас ознакомили, кто куда направляется. Мне с сыном и еще нескольким семьям был определен Ханты-Мансийский округ.

Медленно тащился наш пароходик по седому Иртышу с красочными берегами, но природных красот мы не видели, потому что находились в трюмах барж. Трюмы были обиты жестью и очень чистые. В них в мирное время перевозили зерно. Через несколько дней у моего мальчика заболели глаза, они слезились, и он их постоянно тер и плакал. Это было химическое раздражение. Еще в Ленинграде в 1941 году осенью, когда сын играл во дворе, ему в глаза попал

суперфосфат, и он стал слепнуть. На пароходе я отправилась с разрешения сопровождающего нас милиционера в медпункт. Пожилой фельдшер, очень добродушный, проверил не только зрение, но и вообще состояние ребенка и сказал: «Мальчику надо срочно лечить глаза, чтобы спасти зрение. Я дам вам справку, идите к начальнику, пусть вас высадят на самой ближней пристани». На другое утро 21 человек по списку, в том числе и я с сыном, вышли на пристани села Дубровное. Опять сидели под палящим солнцем без всякого укрытия, ожидая своей дальнейшей участи. Вдали виднелась небольшая деревенька, и трое отправились на разведку в надежде купить чего-нибудь съестного, но вернулись ни с чем. Оказывается, весной Иртыш вышел из берегов и затопил всю деревню, даже в середине июля стояла вода. К вечеру за нами присхала подвода с двумя уполномоченными. Это были два высоких красивых татарина — Алиев и Фазылов. Я их запомнила на всю жизнь. Несмотря на жаркий вечер, они были в кожаных пальто. Первым делом с участием медсестры установили палатку и иртышской холодной водой провели санобработку. Затем была команда: «Грамотные — направо, неграмотные — налево». Начался допрос: Ф.И.О., год рождения, национальность (самый больной вопрос) и специальность. Очередь дошла до молодой девушки-финки Нины Федоровой, учащейся Ленинградской консерватории по классу рояля: «А ты, филармония, поедешь в Быково в промартель шить для воинов на фронт рукавицы», — смеясь, сказали ей. «И ты, шляпный модельер, как тебя зовут? Поедешь с ней». Инженер Рудольф Класс — в Загвадино, в кузницу. Пожилая полька, инвалид Зинаида Шимапович — куда-то уборщицей. Кого — в колхоз, кого — на лесоповал. Меня — в Аксурский лесопункт в бухгалтерию. После переключки и распределения по местам жительства и работы наш багаж и двоих детей погрузили на подводу и мы медленно отправились в село Дубровное. Было уже совсем темно, часов 9 вечера, когда нас подвезли к двухэтажному зданию школы.

Там отвели две комнаты (классы) — для женщин и мужчин. Горела маленькая керосиновая лампа.

В комнате был чистый пол и пахло свежим душистым сеном. Все страшно устало и было голодными. Вышла пожилая женщина и ласково сказала: «Однако, уже поздно, ложитесь, родимые, спать, а завтра утречком пойдете в столовую, вот напротив школы». В 5 часов утра мы, 19 человек (дети спали), устремились в столовую, чтобы к 8 часам утра быть первыми, но сторож нас прогнал: «Вот ошалелые, леший вас возьми, и откуда вы, однако, такие взялись?» Мы хором ответили: «Мы из блокадного Ленинграда, мы ленинградцы». Нас, к счастью, приняли за эвакуированных. (Они не знали, что среди нас есть немцы, а «немец» в те годы — это, конечно, фашист). Наконец, нас накормили (за плату) ухой из чебака (это рыба чуть побольше нашей салаки) — две рыбки в воде, заправленной зеленым луком, назывались «щербой». В школе мы прожили две недели, отдохнули и от ежедневной трехразовой «щербы» даже немного поправились. А затем стали приходиться подводы, увозя кого куда — по разным сельсоветам Дубровного района Тобольского округа Тюменской области.

5 августа 1942 года меня с сыном повезли за 50 км от села в Аксурский лесопункт. Начальник лесопункта, просмотрев мои документы, вернул их мне и грубо сказал: «Никаких бухгалтеров мне не нужно, и никого я об этом не просил». — «А куда же мне теперь деться, у меня больной ребенок, и подвода уже уехала». — «Вот этого я не знаю, здесь есть работа только в лесу, но не для такой пигалицы», — ответил он. Я, проглотив слезы, вышла во двор, где лежал мой багаж и на чемодане сидел мой больной ребенок. Понистине, в этот момент я была бы рада снова оказаться в блокадном Ленинграде. Не знаю, сколько прошло времени, когда из конторы вышла милая женщина средних лет в белой косыночке, в цветастом сарафане, босоногая.

Она подошла ко мне и по-русски и по-украински представилась: «Наташа Диденко, эвакуированная с Украины. Работаю здесь в конторе

уборщицей. Четверо детей, муж на фронте. У меня небольшая комната, давайте перенесем ваши вещи ко мне. Через два дня вернется из Тобольска главный бухгалтер лесопункта, тоже эвакуированная из Петрозаводска — Елена Ивановна Ершакова. Она вам обязательно поможет». И вот я уже плакала от радости. Наташа у себя на огороде накопила свежей картошки, сварила овощной суп, забелила молоком и накормила нас. Да, свет не без добрых людей. Ночевали мы в конторе бухгалтерии. Два дня мы жили нелегально у Наташи. По приезде Е.И. Ершаковой моя судьба была решена. С большим трудом ей удалось убедить начальника лесопункта оформить меня старшим счетоводом, так как Паша Харитонов, молодой счетовод, будет призван в армию. Она помогла мне найти комнату у одной вдовы фронтовика с тремя малыми детьми.

До чего же мне было трудно пилить и колоть дрова, носить с реки воду, топить и готовить в русской печке еду, а готовить-то было нечего. На деньги ничего нельзя было купить, только в обмен на «тряпки», а их было очень мало. Готовить в русской печке я не умела, ухват прыгал в руках, и из чугуна половина проливалась. Горели волосы, обжигала руки. С великой мольбой я упросила соседку Фросю Манькевич (специпереселенку из Белоруссии) продавать мне ежедневно 1 литр молока. Она кричала: «На что мне твои деньги, избу клеить что ли? Ты дай мне мыла или ниток!» И была права. А мальчик мой очень болел, с глазами стало еще хуже. В Дубровном окулиста не оказалось, и я обратилась в Аксурск в амбулаторию к чудесному старичку — фельдшеру Щеткову Арсению Васильевичу (царство ему небесное!). Он взялся лечить моему Жорикку глаза. Сам изготовлял какую-то мазь и втирал ее в глаза сыну и каждое утро приносил в чашке просохший горох, который при нем Жора съедал. Сын стал лучше видеть, и глаза больше не болели. Но инвалидом он остался на всю жизнь. Арсений Васильевич приносил нам иногда рыбу: нельму или язя. Ловил рыбу сам, денег не брал. Его жена угощала нас ягодами и грибами. Очень

добрые были люди. Он говорил, что в тяжелое время люди должны помогать друг другу, неважно, какой национальности человек. По утрам хозяйка Марфа отводила своих детей к старухе матери, а мне кричала: «Забирай с собой в контору парнишку, запри, как следует избу, а то последние «ремушки» (тряпки) унесут. «Лопоти»-то нет (одежды), так последнее сопрут». Мне приходилось оставлять Жору с Наташкиными ребятами или закрывать дома на три замка. Изба была холодная, горница отапливалась русской печкой, которая была теплой только утром. Дрова мне привозили огромными соснами прямо из леса. До 24 лет мне никогда не приходилось заниматься дровами, и я мучилась ужасно, не имея сил пилить и колоть эти огромные сосны. Начальник лесопункта гонял нас, конторских служащих, на заготовку дров в лес. Конечно, сибирский народ с этим прекрасно справлялся, а я, полураздетая (зимой), просила его отпускать меня домой. Он зло кричал: «И ничего-то ты не умеешь, стой и пой песни». Аксурские жители волком смотрели на нас, считали фашистами, но сотрудники (бухгалтер, экономист и статистик) относились хорошо и иногда чем-нибудь угощали моего сына. А он говорил: «Вот кончится война, уеду в Ленинград, съем много-много хлеба и сахара, до самого неба». В Аксурском лесопункте я промучилась ровно два года.

Должна сказать, что с самого начала войны я не знала, на каком фронте находится мой муж. Я не получала писем и никаких вестей о нем. Не получала писем и моя свекровь Кузякина Лариса Николаевна, которая осталась в блокадном Ленинграде. Мы считали, что муж погиб. В августе 1944 года Лариса Николаевна прислала мне (через Прядильно-ниточный комбинат имени С.М. Кирова, где она работала) вызов на возвращение в Ленинград, но в Омске мне в пропуске было отказано, и я вынуждена была вернуться в Аксурский лесопункт. Но нет худа без добра. Аксурский лесопункт имел свое подсобное хозяйство и самостоятельный ОРС. Он снабжал продуктами питания и промтоварами постоянных работников лесопункта

(лесорубов, тесчиков и прочих мастеров лесного хозяйства), имеющих бронь. Лесопункт имел военное значение — изготовлял ружейную болванку, авиафанеру и лыжный кряж. Начальником ОРСа был фронтовик Михаил Экрагульский. Мне неизвестно, откуда он появился. Выдавал себя за ленинградца. В сентябре 1944 года при ревизии у него оказалась большая недостача продуктов и даже семенного фонда зерна и картофеля (все было пропито). Из тобольского леспромхоза приехала ревизионная комиссия. Навестил нас и директор леспромхоза Чаадаев Константин Нестерович. Все проделки и подлости Экрагульского подтвердились, и он был арестован, но при отправке в Тобольск бежал, и дальнейшее мне неизвестно. Чаадаев же оказался очень чутким и добрым человеком. Узнав мою печальную историю и увидев моего больного и полуслеплого Жорика, он увез нас с собой в город Тобольск, и я стала там работать бухгалтером в райкоме Союза лесосплава и поселилась в доме, где жила его семья.

Я очень подружилась с его женой Ольгой Викторовной — прекрасной хозяйкой, матерью четырех детей. Он и она были немного старше меня и многому меня научили. После войны Чаадаев К.Н. получил новое назначение — директором в школу механизации лесного хозяйства на станции Мшинская Ленинградской области. Вернувшись в Ленинград, я с ними общалась. Сейчас их уже нет. Эти люди помогли нам выжить, и я не забываю этого.

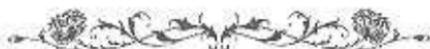
Город Тобольск стоит на берегу, где впадает река Тобол в седой Иртыш. Очень живописен, много зелени, а в округе голубые озера и кедровые рощи. Много прекрасных старинных зданий, красивый дом бывшего губернатора, где в 1918 году находились под стражей царь Николай II с семьей. Сохранились дома декабристов М.А. Фонвизина, Н. Свистунова-Пушкина-Мусина. Есть домик-музей П.П. Ершова — автора сказки «Конек-Горбунок». А на высокой горе — белокаменное чудо — Кремль, Софийский собор, Краеведческий музей, памятник Д.И. Менделееву, и красивый монумент покорителю

Сибири — Ермаку, и, конечно, дома с деревянными кружевами. Там же на горе — Завальное кладбище, где среди погребенных находятся могилы декабристов: лицейского друга Пушкина В.И. Кюхельбекера — «Кюхли», А.М. Муравьева, доктора Ф.Б. Вольфа и других. При первой же возможности я посетила эти могилы. Очень нарядный Тобольский драматический театр — деревянный терем-теремок — в годы войны стал кинотеатром. Константин Нестерович частенько отпускал нас с Ольгой Викторовной на новые кинофильмы, оставаясь дома с детьми. Тобольск мне нравился, и я решила, что, если мне не судьба вернуться домой, я навсегда останусь здесь. Я слова почувствовала себя человеком. Но когда вскрылся Иртыш и стал курсировать пароход «Ленинград», я, стоя на берегу, очень плакала, тосковала по любимому городу, по маме и другим родственникам. Кажется, пешком бы ушла домой!

Весной 1945 года мне леспромхоз выделил клочок земли рядом с участком Чаадаевых и мы с Ольгой Викторовной занялись огородом. Посадили картошку и разные овощи, ухаживали с любовью, берегли от холода. Уже кончилась война, и в конце мая случилось чудо... Получив направление на вид жительства куда-то на Север, из Трудовой армии, по пути, ко мне заехал мой любимый брат Мотя-«хозяин». Какое же это было счастье, какая радость! К.Н. Чаадаев опять нам помог. Мотю прописали в Тобольске, но сразу же поставили на учет. Он устроился в рыбресте извозчиком на лошади. Позднее окончил курсы шоферов и работал на пассажирском автобусе. О наших родственниках мы ничего не знали и очень беспокоились.

Скоро пришло письмо от мужа из Нижнего Тагила, где он, раненый, лежал в госпитале. В письме он описал свои беды: как попал в окружение к немцам, как сумел выбраться снова на фронт, перенес несколько ранений и госпиталей, и вот Нижний Тагил. Сразу же после выписки из госпиталя он вернулся в Ленинград и занялся хлопотами о нашем возвращении.

Еще пришло письмо от бывшей соседки по Стрельнинской немецкой колонии — Нины Лефлер, русской по национальности. Ей разрешили вернуться. Она сообщила, что находилась в Австрии в лагере вместе с моей мамой и сестрами и что мама умерла 20 августа 1944 года от кровоизлияния в мозг. Похоронена в городе Бруке. А сестры Лиля и Лелька из пересылочного пункта попали в Алтайский край. Их адрес она не знала.

13 лет мы с Мотей не видели своих сестер, и только в 1954 году я уже из Ленинграда, а он из Тобольска, приехали к ним на станцию Малиновое озеро Алтайского края. Они жили в страшной бедности. Лиля и сейчас там живет.

Брата Георга мы вообще больше никогда не видели... Его судьба нам неизвестна. Сестре Елизавете Аман 69 лет, и сейчас она живет в Алтайском крае. Самая младшая сестра Луиза Аман, 65 лет, сумела вырваться из Сибири и живет сейчас в городе Кингисеппе. Остальные родственники из рода Аман все уже скончались. 14 июня 1994 года умерла последняя двоюродная сестра — Нина Шемелева-Аман, дочь дяди Вани.

Возвращаюсь вновь к Тобольску. Реакцией на первую телеграмму мужа с вызовом в Ленинград был отказ в выдаче пропуска. И только в конце августа 1946 года во время реэвакуации по вторичной телеграмме от мужа я наконец-то вернулась в родной, любимый Ленинград.

Бедный брат Мотя-«хозяин», как я его назвала, — «последний декабрист» (он родился 22 декабря 1922 года), навсегда остался в Сибири. Матвей Аман в возрасте 71 года скончался 14 мая 1994 года в г. Тобольске и похоронен на Завальном кладбище, недалеко от могил декабристов. Так сообщили мне его жена, сын и дочь.

На этом я заканчиваю свое повествование.

Софья Петрова (Аман)

НАШИ ДОБРЫЕ СОСЕДИ

Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходит до меня,
А прочее погубило невозвратно...

А. С. Пушкин

Нельзя переоценить значение памяти в жизни человека. Психологи в составе памяти выделяют отдельные процессы — запоминание, сохранение, воспроизведение, узнавание.

Прошло 92 года с момента рождения Ажан Софии Матвеевны, но до сих пор она не может забыть своих добрых соседей по Стрельнинской немецкой колонии. О них она рассказывала нам, перебирая старинные, исплевшие фотографии. Все, что сохранила ее память, мы сегодня постараемся воспроизвести.

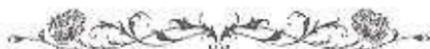
В Стрельнинской немецкой колонии жили люди разных национальностей. Большая часть населения жила зажиточно. Семьи, как правило, были большие, трудолюбивые, дружные. Но в Верхней колонии, в полуразрушенном деревянном доме № 25, жила очень бедная семья Фрица Людвига, по прозвищу Vetter, с русской женой Ксенией, по прозвищу Штопор. У них было две дочери, подросток Валя и маленькая очень больная Катенька. Об этом знали все жители колонии. Глава семьи работал конюхом у Краубнера. В семье не было своего хозяйства, они не держали свиней и кур. Мать целыми днями ухаживала за младшей дочерью. Зная их трудное материальное положение, соседка Августа, подоив корову, наливала литровую банку молока, собирала несколько яиц и отправляла с кем-нибудь из своих детей для больной Катеньки. Ежедневно из колонии к тяжелобольной девочке приходил доктор В.И. Трубов, наблюдал ее и лечил. Но Катенька протянула недолго и скоро скончалась от туберкулеза. Колонисты собрали деньги, хоронили всем миром. Плакали, переживали горе соседей как свое собственное.

Дядя Саша Лефлер жил в доме № 21 со своей русской женой тетей Дашей Пугорской, которая занималась целительством и умела заговаривать разные болезни. Их дом был полон разных трав, которые собирала хозяйка. Однажды ночью у младшей дочери Августы, Лёленьки, поднялась высокая температура, сильно разболелось ухо. Девочка очень мучалась и громко плакала, никто не мог ее успокоить. Августа подняла с постели старшего сына и отправила за тетей Дашей. Несмотря на то, что на дворе была почь, через десять минут добрая соседка уже сидела у постели больного ребенка и что-то шептала девочке, положив свою руку на голову малышки. Заварила на травах чай, напоила ее. Прошло совсем немного времени, и постепенно температура стала спадать, боль ушла, и девочка уснула. Время было трудное, и измученная мать хотела отблагодарить целительницу продуктами, но ничего добрая соседка не взяла, а только пожелала всем здоровья и спокойной ночи. С этим и ушла, сказав, что у девочки золотуха. На следующее утро Лёленька сидела в своей кроватке и улыбалась. Вот таким даром обладала тетя Даша и несла добро своим соседям-колонистам.

Тяжелым, изнурительным был труд крестьян-колонистов. Рабочий день начинался в пять-шесть часов утра, а заканчивался далеко за полночь. Поэтому век их был недолгим. Дети рано теряли своих родителей. Но в детские дома осиротевших детей отдавать не спешили. Их брали на воспитание родственники. В доме № 32 проживала семья Лефлер, мать с четырьмя сыновьями, трое из которых, Иван, Александр и Адам, были женаты на старательных, сердечных, хлопотливых русских женщинах. У каждого из братьев были свои работающие семьи, в которых воспитывались дети. Умирает мать — и осиротевшим остается брат Георгий. Ни на минуту не задумываясь, Иван взял в свою семью на воспитание Георгия. Так в одном небольшом доме прожила эта дружная многочисленная семья до начала войны.

Маргарите Менг (Крейдельче, Грейтель) было всего 5 лет, когда она осталась без родителей. Девочка росла в доме своих бабушки и бабушки, но была не менее любимой внучкой в семье Менг.

Соседи были дружны между собой и часто выручали друг друга спичками, керосином и продуктами, но никогда не забывали отдавать долги.

Следует заметить, что почти у каждого колониста в Стрельне, кроме фамилии и имени, было еще и прозвище. Почему? В колонии были не только родственники, но и однофамильцы, и, чтобы долго не объяснять, о ком идет речь, к имени добавляли прозвище. Никто на это не обижался. Иногда прозвище было смешным, а порой метким и оправданным.

Ольга Менг росла здоровым и полным ребенком. Родной дядя обожал свою маленькую племянницу. Приходя в гости, он брал девочку на руки и, подбрасывая вверх, говорил: «Ах, ты моя бомбочка!». Так и осталось за ней прозвище Бомба.

Многочисленное семейство Аман из дома № 34 имело прозвище Birke (Береза). Во дворе их дома был роскошный березовый парк, где под развесистыми деревьями росло много грибов: подберезовики, подосиновики, белые, сыроежки. Можно было, не уходя в лес, набрать грибов не только для солянки, но и посушить на зиму. Каждое летнее утро у детей начиналось с «обхода своих грибных мест». Радостные дети бежали к матери на кухню со своим «урожаем».

Прозвище семьи Герлеман было Воронины, а Эдуарда (одного из шести детей) прозвали Венгерка. Молодой человек очень любил танцевать венгерку, но денег у него никогда не было, и, придя на танцы, он собирал последние копейки в кармане, подходил к эстраде и заказывал музыкантам: «На три рубля кусочек венгерки». Отсюда и пошло его прозвище.

В доме № 46 жила семья Германа и Розы Шефер. Выпив рюмочку, хозяин дома открывал форточку и громко пел: «Боже, царя храни...», так и «приклеилось» к нему это прозвище.

Прозвищ было очень много, сегодня их все уже не вспомнить, но никто на них не обижался, оставаясь по-прежнему старыми, добрыми соседями.

Записала Марина Левицкая

И ЗДЕСЬ ТЫ НЕ НАШЛА ПОКОЯ

Любовь матери всеильна, первобытна, эгоистична и в то же время бескорыстна, она ни от чего не зависит.

Теодор Драйзер

Фамилия Герлеман была известна в России еще в XIX веке. О ней упоминается в «Юбилейном листке в память 100-летия существования немецкой колонии в Стрельне под Санкт-Петербургом».

Моя мать — Герлеман Регина Карловна, по национальности немка, родилась в 1918 году в Стрельнинской Верхней немецкой колонии, в доме 54; там же родился и мой дед Герлеман Карл Карлович. Этот дом сохранился и по сегодняшний день. Ведь раньше строили на века. Это был большой, удобный и добротный дом, построенный еще моим прадедом. У прадеда было пятеро детей: Катя, Лиля, Эдуард, Роберт и Карл (это мой дед). Пришло время, выдали замуж двух дочерей, а потом обзавелись семьями и сыновья. Дочери ушли в семьи своих мужей, а дом поделили на три части сыновьям. Моему деду Карлу Карловичу в этом доме достались две комнаты (одна около 16 м², вторая 5 м²), которые соединялись кухней.

Моя бабушка Фрида Михайловна (урожденная Бауэр) до замужества жила в Ямбургской немецкой колонии. Она снимала комнату в Петербурге и работала продавцом в частной кондитерской. Это была умная, красивая и образованная женщина.

В то время молодые люди женились по сватовству. И, слава Богу, этот брак оказался удачным. Но бывали и горестные истории. Мама рассказывала мне, какая драма произошла в Верхней колонии в доме 29, где жила семья Эйдемиллер. Были у них три красавицы — дочки: Юля, Лиля и Мария. Семья была из бедных. Родители очень хотели счастья своим девочкам.

Полюбила Юля учителя-финна, но он был беден, и родители ему отказали. Решила она с горя отравиться. Родители спасли ее и выдали замуж за богатого Сашу Брауна. Вскоре Юля родила ребенка. Но благополучной жизни не получилось — семью Брауна раскулачили. Погрузили молодую мать со всей семьей в сани, укрыли ей ноги пледом, и она, прижав к груди младенца и обливаясь слезами, отправилась в неизвестном направлении.

Позже ее сестра Лиля вышла замуж за учителя Илмара Рапю. Молодые отказались венчаться в церкви, а зарегистрировались в сельсовете и сыграли «красную свадьбу». Юноши были с красными бантами в петлицах. Девушки, нарядные, в праздничных шелковых платьях.

Но вернемся в семью Герлеман. После замужества молодая семья — Фрида Михайловна и Карл Карлович — поселилась в доме моего деда в Стрельне. Трудно жилось молодым. Работал только дед, который содержал всю семью. Имея рабочую специальность (слесарь высокого разряда), он ездил на работу в город на завод «Пишмаш». В связи с тем, что никто из семьи не состоял в колхозе, им было выделено лишь небольшое приусадебное хозяйство, которое могло обеспечить семье только самое необходимое. Вскоре один за другим родились четверо детей: Регина (моя мама), Адольф, Михаил и Виктор (умер от воспаления легких еще в пятилетнем возрасте).

Фрида Михайловна становится домохозяйкой. Несмотря на огромные материальные трудности, жили очень дружно. Всегда аккуратная, красивая, добрая, трудолюбивая, приветливая и жизнерадостная бабушка Фрида Михайловна готова была отдать людям последнее, что у нее было. Эти же черты характера унаследовала от нее и моя мама.

Жизнь в семье складывалась так, что именно бабушке Фриде надо было принести воду, заготовить в лесу дрова, обстирать и накормить всю семью. Кладовая в доме всегда была полна связок сухих грибов,

лука, стояли корчаги с брусникой, кадки с солеными грибами и капустой, банки с вареньем, висели мешочки с петрушкой, сельдереем и прочими травами. Она трудилась, не покладая рук. Непривычный тяжелый крестьянский труд быстро сгубил Фриду Михайловну. Она прожила только 38 лет; умерла от туберкулеза в 1937 году и похоронена на Стрельнинском немецком кладбище.

Старшая дочь Регина до 5 класса училась в немецкой школе в колонии. Она и ее ближайшие подружки — Соня Аман и Маргарита Менг — проводили время не только в школе, но и в гостеприимном доме Герлеман. Эту дружбу они пронесли через всю свою жизнь. В старшие классы девочкам приходилось ходить в школу в Константиновский дворец, где была школа-семилетка. Транспорта не было, и дети проходили ежедневно 5—6 километров только в один конец. Регина, Соня и Маргарита, успешно закончив школу, были рекомендованы для поступления в немецкий педагогический техникум в Ленинграде.

В гостеприимной, но очень нуждающейся семье Регины все было для детей. Молодежь набивалась в пятиметровую комнату Регины, они играли в летучую почту, загадки — отгадки, пели под гитару и даже сочиняли стихи. Вот начало одного из них, которое сохранилось в памяти Сони Аман:

Собрались мы у Регины,
Где в саду растут рябины,
И решили тут как раз
Провести веселый час...

Взрослые уходили на кухню, играли в карты и лото, освобождая место для танцев в большой комнате для молодежи.

Компания двоюродного брата моей мамы — Роберта Трабера — Тима Плесков и Саша Ломакин — перебиралась со своими музыкальными инструментами (мандиной, гитарой, банджо) в большую комнату, и начинались танцы. Молодые люди по очереди accompa-

нировали. Рыжий и веселый Саша Ломакин открывал вечер, смешно подражая Чарли Чаплину. В то время в Ленинграде был в моде джаз Утесова. Ребята знали весь его репертуар и пели: «У самовара я и моя Маша», «Мурка», «Софочка», «Вздвогнет занавесочка». Посмотрев с компанией в Ленинграде фильмы с участием Чарли Чаплина, Саша Ломакин искусно повторял походку и манеры героя, и все умирали со смеху. Незаметно в комнату входила Фрида Михайловна и начинала искать своего «рыжего зятя», приговаривая: «А где же рыжий ненаглядный зять?». Заглядывала под кровать, под стол, за дверь. «Находила», обнимала, целуя, Сашу Ломакина и приглашала всех к ужину. В первой паре под ручку шла Регина с Сашей, дальше Соия с Тимой, а потом Маргарита с Робертом. Чаще всего ужин состоял из горячей картошки, солений, пирогов с капустой или брусникой и чая. Как это было вкусно! И как весело!

После еды снова пели и танцевали, а к вечеру на столе в вазочке появлялось скромное угощение, которое незаметно выставляла заботливая Фрида Михайловна. Это могли быть ягоды из леса, хлебные сухарики, дешевые конфеты или печенье, а иногда просто аккуратно нарезанные кусочки булки. Этот дом был открыт для всех.

Но наступает 1935 год. Уехав на капикулы в Ташкент, умирает от тифа Сапа Ломакин — веселый «жених» моей мамы; вскоре высылают неизвестно куда семью Роберта Трабера; исчезает семья Тимы Плескова. Компания распалась...

Девочки заканчивают 1-й курс немецкого техникума, и техникум переводят в Саратов. Так и не суждено им было стать педагогами... Регина поступает на курсы счетных работников. Окончив курсы счетоводов, моя мама устраивается в бухгалтерию завода «Пишмаш», где знакомится с моим будущим отцом, переезжает в Ленинград и вскоре выходит замуж. В 1939 году родилась я.

Пришло лето 1941 года. Уже 15 сентября фашисты оккупировали Стрельну и были на подступах к Ленинграду. Мой отец идет в ополчение

на фронт. Мама остается одна с больным двухлетним ребенком на руках (у меня была диспепсия, а позже — цинга и дистрофия).

В блокадном городе голод делал свое дело. Я уже не поднималась с кровати, а только стонала и просила есть. Мама теперь работала бухгалтером в торговом порту. Трамваи уже не ходили, и добираться на работу приходилось пешком. Рано утром протопив печь и завернув меня в пуховое одеяло (мамино приданое), она отправлялась на работу. Дверь квартиры оставалась открытой. Над моей кроватью находилась вьюшка от печи. Однажды, когда мама закрывала ее, искра попала на мое одеяло и долго тлела, а когда холодный морозный воздух проник в комнату, одеяло вспыхнуло у мамы на глазах. Мама схватила его и, выбежав на улицу, стала топтать одеяло на снегу, таким образом затушив его. Так началась зима 1942 года.

Мой дед, Карл Карлович, теперь жил в Ленинграде на Обводном канале и работал на Кировском заводе. 15 сентября он уехал на работу в город, а вечером не смог вернуться домой, так как в Стрельне уже были фашисты.

Перед войной у деда была обнаружена язва желудка, сделана тяжелая операция, и теперь ему был положен по карточкам «белый хлеб». Но что это был за хлеб! В блокадные дни он иногда заходил к нам и приносил этот «белый хлеб». Я, как звереныш, хватала этот кусочек, засовывала себе в рот и долго сосала. До сих пор не могу забыть забинтованные пальцы деда — у него уже была гангрена фаланг... и в них малюсенький кусочек этого хлеба. Таким мне запомнился дед. Вскоре он перестал приходить к нам, так как жил на заводе, спал у станка, а работать мог только сидя на табуретке. Передвигаться он уже не мог. Вскоре маме сообщили, что дед скончался прямо у станка. Надо было похоронить его по-человечески. Мама отправилась на завод. На ее счастье в этот день в Кировском районе не было сильного обстрела. Завернув деда в полустгоревшее одеяло и погрузив на саночки, она отправилась на Дровяной переулок, где находился пункт приема и регистрации умерших.

На Дровяном была деревянная будка, из которой вышел изможденный глубокий старик в ушанке и ватнике. Увидев маму с саночками, он все понял. Долго регистрировал (пальцы его не слушались и не могли держать карандаш), а потом предложил положить тело деда в один из многочисленных штабелей, сложенных из смерзшихся трупов. Мать спросила у старика: «Когда их увезут?». Ответа не последовало. В этот момент, скрипя тормозами, к будке подъехала полуторка. Из машины вышел в прекрасном военном белом полушубке водитель с раскрасневшимися от мороза щеками. От него сильно пахло спиртом. Лихо поприветствовав приемщика, он, увидев маму с саночками, предложил увезти тело деда этим рейсом за 350 рублей. К счастью, накануне она получила зарплату. Раздумывать было некогда. Сосчитав деньги, а их оказалось меньше, чем надо, мама свернула их в «трубочку» и протянула водителю, пытаясь объяснить, что у нее не хватает. Но тот торопился, не стал ничего слушать, взял и, не считая, сунул их за пазуху в полушубок. Мысленно мама ругала себя за то, что отдала все до копейки (ведь деньги он даже не пересчитал, а несмотря на то, что в это время они почти ничего не стоили, все-таки хлеб по карточкам надо было выкупать). Шофер пошел в будку. Когда он стал открывать дверь, из-под полушубка вывалилась заветная «трубочка». Видимо, он положил ее мимо кармана. Дверь захлопнулась. Секунды на размышление, и ноги сами понесли маму к деньгам. Белый фетровый бот наступил на «трубочку». Мама прислушалась: за дверью раздавался разговор двух мужчин. «Обманщица» схватила деньги и спрятала в заштопанную рукавицу. Ей было страшно, что водитель обнаружит пропажу и оставит деда здесь. В этот момент вышел бравый водитель и хриплым голосом крикнул: «Ну, что стоишь!? Грузи его в машину, пока нет обстрела! Нам ведь на Пискаревку!» Погрузив тело деда поближе к кабине и борту машины, дождавшись, когда полностью загруженная машина отъедет, с пустыми саночками мама медленно пошла домой. Мороз обжигал лицо, а ветер пытался

сорвать одежду. Слезы текли по щекам. Когда мама дошла до проспекта Огородникова, где мы жили, начался сильный обстрел. Все кругом грохотало и горело, а она молила Бога, чтобы машина доехала до Пискаревки. Я ждала ее дома, продолжая стонать!

Но не суждено было сбыться ее молитвам. После войны мы с мамой неоднократно в архивах Пискаревского кладбища пытались отыскать хоть какие-то сведения о моем дэде, но имя его в списках нигде не значится. Видимо, машина не доехала, попав под обстрел.

Все труднее становилась жизнь в осажденном городе. Уже давно нет жмыха, сварены обои и ремни, сожжены книги, стулья, этажерка, но по-прежнему холодно и хочется есть. От голода люди теряли рассудок.

Однажды в очереди мама услышала о том, что в районе Пискаревки в огромных чанах, законпанных колхозниками до войны в землю, еще сохранились соленые зеленые помидоры. Какое это могло быть богатство! Отправилась туда. По дороге встретила мужчину с дырявым ведром и веревкой. Пошли вместе. Мужчина с ведром спустился в чан, а мама наверху держала веревку. Когда он вылез наверх, из ведра лилась вонючая жижа. Мама помогла ему переложить в мешок тухлые помидоры. Теперь настала ее очередь. Она повисла на веревке и стала просить ведро, но в этот момент веревка ослабела и мама плюхнулась в вонючую жижу. Она стала кричать, долго звала на помощь. Казалось, что прошла целая вечность. В голове мелькали страшные картины: «Что будет с маленьким больным, голодным ребенком, оставленным в холодной квартире, а вдруг малышку даже не найдут?!». Но наверху никто не отзывался, и вдруг, на счастье, мимо проходил солдат, который и помог выбраться. Но на дне чана остались почти новые, красивые, довоенные фетровые боты, и идти было не в чем. В вещмешке у солдата нашлись запасные портянки и кирзовые сапоги 42 размера. С трудом добравшись до дома, она увидела свои обмороженные ноги, но всю жизнь была благодарна мальчику-солдату, который ее спас.

В осажденном Ленинграде мы прожили до осени 1942 года, а в сентябре маму вызвали в Большой дом, где без объяснения причин дали 24 часа на сборы (причиной была запись в паспорте — «немка»). Нас выслали в Барабинские степи под Новосибирском, где мы жили до июня 1946 года, пока мой отец не прислал нам вызов в Ленинград.

Вернувшись в Ленинград, мы первым делом навестили родную Стрельну. Ее нельзя было узнать. Все было чужое... Вокзал разбит, уничтожены кирха и школа, не осталось знаменитой березовой аллеи, разрушено здание богадельни, большинство домов в колонии уничтожены, и даже кладбище, где в 1937 году была похоронена моя бабушка, Фрида Михайловна, разбито. А одна из бомб попала в ее могилу, и там образовалась огромная воронка, из которой люди долго черпали воду для полива, а позже сносили туда мусор. Теперь это место засыпано.

Не передать горя и слез моей мамы, увидевшей это. Она только повторяла: «И здесь ты не нашла покоя!». Закончила свой жизненный путь моя мама в 1992 году. По ее завещанию она похоронена на родной Стрельнинской земле в Верхней колонии, где еще с 1826 года сохранились надгробия наших предков. Там же рядом с ней покоится и прах ее младшего брата Михаила, жизнь которого требует отдельного рассказа (проведя 20 лет в тюрьмах и ссылке, он вернулся в Ленинград к своей сестре Регине, где и дожил свой век). К сожалению, фамильное место на кладбище пополняется потомками рода Герлеман. Рядом с бабушкой Региной теперь покоится мой старший сын Дмитрий, который прожил всего 42 года.

Последние годы своей жизни мама много занималась благотворительностью, работала в общине в Annen Kirche и Petri Kirche, способствовала их возрождению. Мама прожила 74 года. Судьба сводила ее с разными людьми, и по сей день все вспоминают ее добрым словом.

Я закончила в Ленинграде школу, Педагогическое училище № 1, РГПИ им. А.И. Герцена, получив специальность «Преподаватель дошкольной педагогики, психологии и частных методик». Всю жизнь работала преподавателем. Мой педагогический стаж 52 года. Выростила двоих сыновей. Сегодня нахожусь на пенсии, но не теряю активной жизненной позиции.

Мои бабушка Фрида Михайловна и мама Регина Карловна прожили трудную жизнь и завещали мне и родным основные законы нашей семьи — трудись, надейся, служи людям, делу и памяти предков.

М.В. Левецкая (Герлеман)

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

*Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, как виденья, и канули в вечность юды...*

С. Сафонов

В Верхней колонии недалеко друг от друга жили три семьи: Герлеман, Менг и Аман. Молодые люди из этих семей поженились почти одновременно. Карл привез из Ямбургской колонии хорошенькую, небесной доброты Фриду Бауэр, Менг взял в жены девушку из своей же колонии Маргариту, а Матвей женился на Августе Куфель, тоже из Ямбургской колонии. Вскоре в каждой семье родились девочки. Имена подобрали быстро. Регину Герлеман назвали так потому, что это имя в колонии было редким. Маргарита Менг родилась в день рождения своей матери и была названа в ее честь. Соня Аман была названа в честь своей бабушки.

Молодые родители обожали своих малышей. Семьи были дружны между собой. Несмотря на трудное, голодное и суровое время 1918 года, любящие родители старались хорошо одеть и накормить

своих детей. Из огромных старых сундуков бабушек молодые матери вынимали старинные кружева и ленточки, которыми с большой любовью отделывали простынки, пододеяльники и платица своих любимцев. Отцы работали, а матери вели домашнее хозяйство и занимались воспитанием детей.

Летом в четыре часа жара спадала. Закончив дела по дому и вернув свои «сокровища» в легкие одеяльца, матери шли на кофепитие к одной из подруг. Развернув свои «беленькие кулечки» и разложив их на кроватях бабушек, молодые женщины пили кофе со сливками, сахаром или халвой. С пустыми руками в гости не ходили. За столом делились своими проблемами, радостями, мечтали о будущем своих детей. Угощали друг друга пастилой, хворостом, которые приносили с собой. Это был ритуал.

Чаще всего собирались в домах Менг и Аман. У них были большие дома: жили зажиточно, держали большое хозяйство — коров, поросят, кур, выращивали картофель, морковь, свеклу, капусту и другие овощи. В их домах всегда было молоко, сливки, творог, сметана, мясо, яйца и другие продукты. Реже собирались в доме Герлеман. Эта семья не занималась крестьянством. Карл работал слесарем на заводе, а поэтому достаток в доме был значительно ниже.

Шло время. Дети подрастали. Вместе играли, гуляли, делились игрушками. Так у девочек «с пеленок» зародилась дружба, которую они пронесли через всю свою жизнь.

Матери боготворили своих дочерей, строили планы прекрасного будущего, мечтали о счастье для каждой из них и ни на минуту не отпускали от себя. Даже посещая лавку, где продавались продукты, хозяйственные товары, керосин, одежду, девочек брали с собой.

В пятилетнем возрасте Маргарита осиротела. Сначала скончалась мать, а потом не стало и отца. Девочку взяли на воспитание необыкновенно добрый и любящий дед Карл Карлович и бабушка-хлопотунья Катя, которые души не чаяли в своей внучке. В огромном дворе Карл

Карлович разровнял площадку и отвел уголок для детских игр. Смастерил песочницу, изготовил игрушечную плиту с конфорками, столик и скамейки для кукол, сделал игрушечные весы. Девочки собрали камешки разного размера, на которых дед написал цифры от одного до пяти. Это были гири. Прибил полочку, разложил «товар»: хлеб, муку, крупы, соль, сахар, селедку, овощи. Из старых тряпок бабушка сшила кукол, обвязала их; связала корзиночки для покупателей. Так началась игра «в лавку». Девочки-мамы по очереди становились продавцами и покупателями. Купив все необходимое, «мамы» напоминали своим детям, что, уходя из лавки, надо попрощаться со всеми и сделать «книксен», что у кукол получалось довольно плохо. Затем маленькие мамы со своими детьми отправлялись домой готовить обед. В своих играх девочки подражали всему, что видели в быту. Знакомились с цифрами, учились говорить по-русски и по-немецки, заучивали стихи. Но в их игру врвалась маленькая вредная, упрямая и заносчивая соседская девочка Катенька Эйдмиллер. Игра распадалась. Девочки уходили в сад, где стояли стол и скамеечки. Рыженькая, в кудряшках, Регина в своем беленьком кружевном передничке, в кармане которого были леденцы, шла за Маргаритой. Уютно усевшись, она охотно угощала девочек сладостями. Старшая из подруг, Соня, первой съедала конфеты и приказывала Регине: «Завтра скажи папе, чтобы купил в Торгсине ириски. Я ириски люблю!». И послушная Регина выполняла желание подруги. Магазины Торгсин (торговля с иностранцами) появились в 1929 году и просуществовали до 1935 года. В эти трудные голодные годы в стране необходимо было восстанавливать разрушенное народное хозяйство. Начиналась индустриализация всей страны, но для закупки оборудования за границей нужны были деньги. У государства же их не было. Большинство обеспеченных людей (дворяне, купцы) покинули Россию, увезя с собой часть золота и драгоценностей. Но, рассчитывая вернуться назад, часть золота и драгоценностей они оставили в России в надежном месте.

В 1918 году из России ушла белая армия, около 300 тысяч мужчин, а вместе с нею покинули родину их семьи, и тоже не с пустыми руками... В 1922 году — выслана профессура. Россию покинули около 600 человек, и опять это были наиболее обеспеченные люди.

Раскулачивание... Оно унесло миллионы крестьян — тоже самых лучших и самых работоспособных. Люди, уходя, вывозили из страны золото и драгоценности. В такой исторической обстановке сначала в Москве, а потом и в Ленинграде были открыты Торгсины, где можно было купить все.

Все те, о ком говорилось выше, узнав о голоде в России, пытались поддержать из-за границы своих родных и близких. Они переводили в Россию деньги, более 50 % которых оставалось у государства. На оставшиеся деньги в Торгсине можно было купить продукты питания, одежду и пр. Позднее в этих магазинах за золото разрешалось покупать и советским гражданам. Отец Регины сдал в Торгсин свое золотое обручальное кольцо и на эти деньги баловал детей, покупая им сладости и книжки-малышки. Государство же на вырученные деньги строило заводы и закупало для них оборудование за границей.

Полакомившись сладостями, Регина доставала из заветного карманчика книжки-малышки. Общительная и заводная Соня обладала хорошей памятью и, не зная букв, по памяти «читала» их девочкам, заставляя их повторять за ней стихи и запоминать.

«Тили-бом, тили-бом!
Загорелся Кошкин дом...»

Подруги очень жалели Кошку и хвалили Курочку, которая не оставила несчастную в беде, а пришла ей на помощь.

Позже, когда девочки подросли, началась игра «в школу». Учительницей была непременно Соня. Она важно садилась на скамейку, закидывала ногу на ногу, раскрывала книгу и начинала «читать».

«Кот сибирский Забияка,
Учит деток танцевать:
«Ну-ка, детки, попроворней
Раз, два три, четыре, пять!»

Задавала вопросы по прочитанному и требовала ответа. Девочки безропотно подчинялись своей строгой учительнице. После этого «заводная» Соня пускалась в пляс и заставляла танцевать всех, подгоняя медлительную и не очень эмоциональную Маргариту.

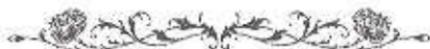
Закончив танец, она вновь усаживалась напротив всех и требовала прочитать стихотворение по-немецки.

Alle meine Entchen
Schwimmen in den See.
Köpfchen in das Wasser
Schwänzchen in die Höh.

Но, обидевшись, Маргарита не хотела напрягать память и запоминать стихотворение. И тогда она обращалась к любящему ее деду и просила отвести к другой бабушке (Кристине Менг). Оставив свои дела, взрослые сопровождали девочку. Шли полем, собирали ромашки, лютики, колокольчики. По пути к Менгам обязательно заходили на кладбище к родителям Маргариты. Поливали цветы на могилах (воду брали из Малой Стрелки), принесенные букеты ставили в вазочки.

Играя «в школу», девочки пытались вовлечь Сониного младшего брата Мотю, но памяти у него совсем не было, за что мальчику частенько попадало от старшей сестры. Ему стоило огромного труда выучить стихотворение:

Ich bin ein kleiner König?
Gebt mir nicht so wenig.
Last mich so lange Stehn?
Den ich mer noch weiter gehn.

Это стихотворение он читал крестным много лет подряд, поздравляя их с Рождеством. Получал хорошие подарки и радостный бежал домой.

Настало время учиться. Девочек определили в один класс немецкой Стрельнинской школы, которая стояла на берегу Малой Стрелки. Дружба их продолжалась. Это было прекрасное время, но «золотое» детство скоро закончилось, и началась учеба.

Марина Левицкая

ПОСВЯЩЕНИЕ МАТЕРИ

*Мать — единственное божество,
не знающее неверующих.*

Эрнест Легуве

Была ранняя весна 2000 года. Моей маме — Краубнер Елизавете Филипповне — было 88 лет. Она болела уже 3 года. В таком возрасте тяжелая болезнь развивается медленно. Мама держалась стойко, как бы не замечая своей болезни. Я даже не знала, догадывается ли она о том, чем больна. Мы никогда не говорили на эту тему. Слегла она за месяц до своей кончины. Мысли ее стали возвращаться к детству и юности. Она вдруг вспомнила и стала читать молитву на немецком языке:

Müde bin ich, gehe zur Ruhe,

Schließe meine Augen zu.

Vater, lass die Augen dein

Über meinem Bette sein.

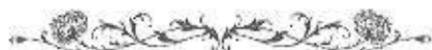
Я устал, иду ко сну.

Веки медленно сомкну.

Царь небесный в вышине,

Охрани меня во сне.

Однажды она проснулась и спросила меня: «А где это я? Я хочу домой!». — «Мама, ты у себя дома». — «Нет, что ты говоришь?»

Мой дом не здесь! Я хочу домой!». — «Куда домой? В Мончегорск?» (Я подумала, что она говорит о Мончегорске, так как именно там она прожила более 30 лет). — «Какой Мончегорск? Я хочу в Стрельну, там мой дом» — «Хорошо, мама, мы обязательно поедем в Стрельну». — «Скоро?». — «Да».

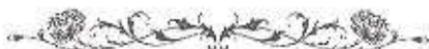
Она успокоилась... Мама умерла 31 марта. Мы ее похоронили в Стрельне рядом с ее матерью, Краубнер Ольгой Филипповной, урожденной Штро, моей бабушкой.

О месте на кладбище в Стрельне мама позаботилась заблаговременно, лет за 20 до своей кончины. По весне мы с ней вместе приезжали на «прикупленное» ею место, красили ограду, выпальывали траву. Потом мать шла к смотрительнице и давала ей три рубля (так поступают почти все наши колонисты, обеспечивая и себе место рядом с родными). Я понимала ее чувства и желание обрести место своего успокоения на родине. Любовь к Стрельне моя мать пронесла через всю свою жизнь.

У мамы была прекрасная память, она помнила практически всех жителей колонии. Семья Краубнер была небольшая. Из троих детей мать была старшая, поэтому ей с ранней юности приходилось много работать. Но при этом она успевала учиться и пела в церковном хоре. По воспоминаниям матери, пастором в церкви был Ханзен. Он с семьей жил в Нижней колонии у Шмидта. Хором занималась жена пастора. Мать рассказывала, что ее отец хорошо пел и играл на трубе, в церковь ходил нечасто. Накануне больших церковных праздников жена пастора присылала какого-нибудь мальчишку с запиской к моему деду с просьбой прийти петь во время богослужения, и он всегда выполнял ее просьбу.

Потом пастор Ханзен переехал в Ленинград и стал пастором в Петри Кирхе. А в Стрельну приехал пастор Симон, у которого моя мать конфирмировалась в 1927 году.

Семью моего деда Краубнера Филиппа Ивановича в 1931 году раскулачили, и, несмотря на то, что по документам они числились

средняками, их выслали на Крайний Север, на Кольский полуостров, в г. Хибиногорск. Маме тогда было 19 лет, она была совершеннолетняя и потому обязательно подлежала высылке вместе с родителями (несовершеннолетних же детей еще можно было как-то уберечь, оставив у родственников). Они не представляли, куда их отправляют, и брата Михаила, которому было 14 лет, оставили с бабушкой в Кипени (младший брат Шурик к тому времени уже умер от менингита).

Мама рассказывала, что они ехали в товарном вагоне и гадали, куда их везут. Когда заметили, что от какой-то станции поезд повернул не на восток, а продолжал идти на север, люди обрадовались, что их везут не в Сибирь.

В Хибиногорске они жили в бараке, 8 семей в одной комнате. Там были двухэтажные нары. Спали на нарах, на столе и даже под столом. Трудно себе представить, как они организовывали свой быт. Однако они даже пекли пироги. У меня до сих пор сохранилась скалка, вырезанная из целого куска дерева Карлом Брауном, который доводился мужем тете Юлии, сводной сестре моей бабушки. Будучи ссыльным, мой дед работал на станции осмотрщиком вагонов, а по вечерам играл в оркестре в клубе на танцах. В один печальный день 1938 года весь оркестр был арестован, и дед исчез безвозвратно.

После этого трагического события мать и бабушка переехали вместе с предприятием, куда мать устроилась работать машинисткой, в город Мончегорск. Города как такового еще не было, его только начинали строить. Жили сначала в палатках, а потом в бараках. Там моя мать познакомилась с моим будущим отцом Лялиным Петром Владимировичем. Он был геологом. В дальнейшем там, на Кольском полуострове, где были найдены полезные ископаемые: никель, кобальт и медь, — был построен комбинат «Североникель» и город Мончегорск.

На вопрос, о том, как к ним, немцам относились соседи и сослуживцы во время войны, мать рассказывала, что никогда и никто ее не

оскорблял. Там на севере был особый народ, было много интеллигенции. Никого не обижали по национальному признаку, даже антисемитизма там не было.

Официально мои мать и бабушка были освобождены из спецпоселения на Крайнем Севере только в 1948 в году, т.е. через 17 лет. Однако возвращаться им было некуда. Во время войны в их дом в Стрельне было прямое попадание бомбы, да и права на возвращение в Стрельну у них тогда не было.

Я родилась в городе Мончегорске в 1947 году, закончила там 11-летнюю школу, музыкальную школу, а в 1965 году приехала в Ленинград и поступила в институт. А мама с бабушкой возвратились в Ленинград только в 1968 году.

Долгие годы о судьбе дедушки Краубнера Филиппа Ивановича ничего не было известно. Во времена «хрущевской оттепели» бабушка послала запрос о судьбе своего мужа и получила ответ, что он умер в 1942 году от воспаления легких. В начале перестройки я от имени матери снова послала запрос по этому делу. Через некоторое время нам позвонили из Большого дома и пригласили прийти ознакомиться с содержанием дела. Я сказала, что приду сама, так как для матери это будет слишком тяжело.

Я провела за чтением материалов три часа, причем читала только те страницы, которые касались допросов моего деда и были заранее заложены закладками. Все это произвело на меня ужасное впечатление еще и потому, что все справки и протоколы были написаны от руки, то есть это были подлинники допросов. Обвинения выдвигались на основании того, что кто-то что-то где-то сказал. Припоминаю такую фразу: «Нам известно, что вы критически высказывались по поводу методов проведения коллективизации». Филипп Краубнер ответил, что он и сейчас так думает. Разве можно такого «врага народа» оставить в живых?! На все вопросы следователя, кто еще придерживается такой же точки зрения относительно коллективизации, мой дед неизменно отвечал, что он таких не знает.

В новом свидетельстве о смерти Краубниера Филиппа Ивановича указано: «причина смерти — расстрел», дата смерти 28.06.1938. Ленинград. Исходя из этого, я предполагаю, что он был похоронен на Левашовской пустоши.

Судьба семьи моей матери переключается с трагическими судьбами многих и многих российских немцев, которые были законопослушными гражданами, хотели работать, учиться, растить детей. Они пели советские песни, вступали в комсомол, достойно трудились и при этом не забывали о своем происхождении, не забывали немецкие обычаи и немецкие песни.

Интерес к немецкой музыке и песням у меня возник очень давно, наверное еще в школьные годы. В последнее время я стала делать эквиритмические поэтические переводы немецких песен на русский язык. Мои друзья настоятельно советовали мне издать сборник немецких песен с переводами. Я долго сомневалась, а потом решила, что я должна это сделать в память о своей матери, которая сделала для меня так много хорошего и перед которой я в неоплатном долгу. И теперь я очень рада, что мне удалось это осуществить.

На первой странице сборника «Beliebte deutsche Lieder» («Любимые немецкие песни») написано: «Посвящается памяти моей матери Краубниер — Лялиной Елизаветы Филипповны».

Он был издан в 2004 году. После этого появились 2, 3, 4 сборники с оригиналами и переводами немецких песен. Они были адресованы моему сыну, внукам и всем тем российским немцам, которым дорога немецкая культура, и, которые хотят сохранить в себе немецкую идентичность.

В 2003 году, объединившись с единомышленниками, мы создали ансамбль немецкой песни «Лорелея», который исполняет немецкие песни на немецком и русском языках. Ансамбль активно работает при поддержке «Русско-немецкого Центра встреч» в Санкт-Петербурге, выступая на различных площадках города. Нам представляется, что просветительская деятельность ансамбля направлена не только на со-

хранение и развитие национальной идентичности российских немцев, а также на гармонизацию межэтнических отношений, укрепление взаимопонимания и толерантности в обществе.

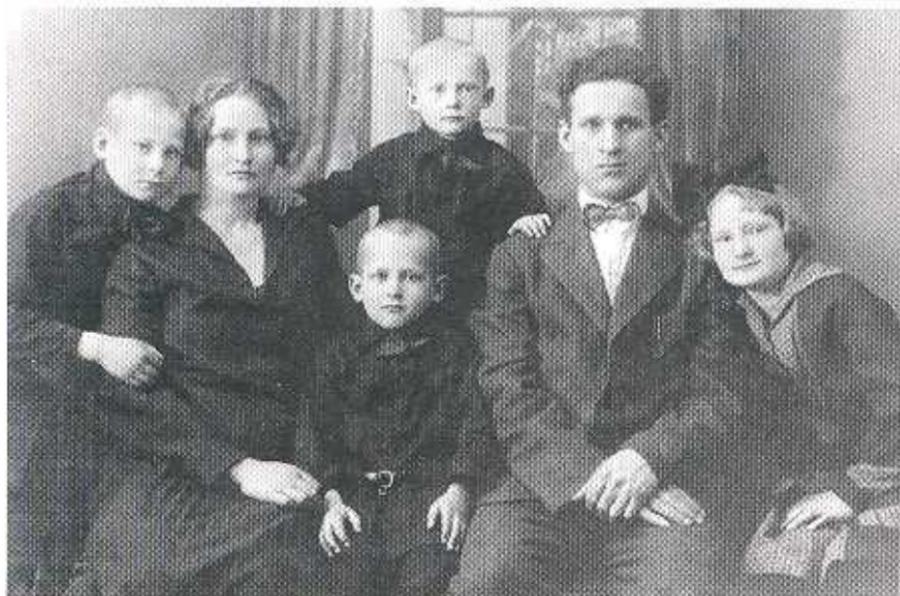
Наталья Уральская (Краубнер)

УЖЕ НИКОГДА...

*Никогда, никогда не войдут они
больше в эту счастливую воду, в ко-
торой плыли.*

А. Улицкая

Оркестр колхоза «Ротэ Фанэ» под управлением профессора Ленинградской консерватории А.Н. Шмидта был одним из самых популярных в Ленинградской области. В 1934 году в его составе было 12 музыкантов. Александр Браун — кларнет, Иван Лефлер — (Инский) — труба, Матвей Яковлевич Аман (Berke) — тенор и флейта, его брат Яков Аман (Еколь) — баритон. Все они были солистами. Этот оркестр пользовался огромным успехом. Музыкантов часто приглашали для выступлений на Ленинградское радио. На концертах звучала классическая музыка: увертюры из опер Бизе, Верди, Россини, попури из опер Кальмана. Часто музыканты выступали на больших торжествах, юбилеях и свадьбах. Ни одна демонстрация не обходилась без стрельшинских музыкантов. На лето с оркестром заключали договор, и они играли на острове Любви на ночных танцах, в Константиновском парке. Сам остров был небольшой, окруженный глубокими канавами с чистой прозрачной водой. Чтобы попасть на остров, надо было пройти по белому мостику, где стояли зоркие контролеры. Кругом росли высокие дубы, а под ними расположились нарядные скамеечки. В глубине острова виднелась великолепная

Семья Герлеман. 1934 г.

Слева: Адик, Фрида Михайловна, Михаил, Карл Карлович, Регина, Витя

Адольф Менз с семьей